

Антология украинской мысли

Евгений де Роберти

СОЧИНЕНИЯ
в четырех томах
Т. 1

Киев, НПУ им. М. Драгоманова
Мелитополь, МГПУ им. Б. Хмельницкого

УДК 141.(477)
ББК 83.3(4Укр)
Р 58

Серия основана в 2007 г.

Редколлегия серии «Антология украинской мысли»

Лазарев Ф. В. (председатель), д-р филос. наук;
Кривега Л. Д. (заместитель), д-р филос. наук;
Мозговая Н. Г., д-р филос. наук;
Волков А. Г., д-р филос. наук;
Молодыхенко В. В., д-р филос. наук;
Сиднев Л. Н., д-р филос. наук;
Шкода В. В., д-р филос. наук;
Суходуб Т. Д., к. филос. наук;
Филиппенко Н. Г., к. филос. наук.

Редакторы издания Н. Г. Мозговая, А. Г. Волков,
автор вступительной статьи Б. К. Матюшко.

Р 58 Евгений де Роберти. Сочинения: в 4 т. / ред. Мозговая Н. Г., Волков А. Г., авт. вступ. ст. Матюшко Б. К. — Киев: НПУ им. М. Драгоманова; Мелитополь: МГПУ им. Б. Хмельницкого, 2014. — (Серия «Антология украинской мысли»).

ISBN 978-617-7055-64-7 (полное издание)
Т. 1.: Социология. — 2014. — 282 с.
ISBN 978-617-7055-65-4 (том 1)

В первый том собрания сочинений украинского философа и социолога Евгения Валентиновича де Роберти (полная фамилия — де Роберти де Кастро де ла Серда) (1843-1915) включена его первая фундаментальная работа — книга «Социология: основная задача ее и методологические особенности, место в ряду наук, разделение и связь с биологией и психологией». Написанная на основании цикла статей во французском журнале, она впервые вышла в свет в 1880 году на русском, а в следующем была переведена на французский язык и издана в Париже. В этом произведении мыслитель исследует предметное поле и метод социологии как положительной науки, раскрывает особенности ее становления и развития, а также определяет ее место в кругу других наук, прежде всего биологии и психологии. Здесь Е. В. де Роберти делает одно из первых своих открытий: биосоциальная гипотеза, позднее развитая в биосоциальную теорию природы человека.

Издание предназначено для специалистов в сфере гуманитарных наук, а также всех, кто интересуется историей философии.

УДК 141.(477)
ББК 83.3(4Укр)

ISBN 978-617-7055-64-7 (полное издание)
ISBN 978-617-7055-65-4 (том 1)

© Евгений де Роберти, 2014
© Матюшко Б. К.,
вступительная статья, 2014.

ЕВГЕНИЙ ДЕ РОБЕРТИ И ЕГО ФИЛОСОФСКИЕ НАХОДКИ В СОЦИОЛОГИИ

Среди многих мыслителей, рожденных в Украине и внесших весомый вклад в развитие различных отраслей знания в масштабах многих стран, а то и целого мира, особое место занимает Евгений Валентинович де Роберти де Кастро де ла Серда. Он родился 15 (28) декабря 1843 года в селе Казацкое тогдашней Подольской губернии, а корни его рода – французские и испанские¹. В подробностях об этом известно следующее.

«Его отец Валентин Карлович, – сообщают Ю. Семали и Б. Рубанов, – был потомком двух древних и богатых дворянских родов – испанского (де Кастро де ла Серда) и французского (де Роберти). Прадед Евгения Франсуа де Роберти эмигрировал из революционной Франции в Россию (через Голландию) при Екатерине II. Его сын Шарль в начале царствования Павла I в 1796 г. принял подданство России и поступил на военную службу. Позже он женился на дочери другого предка Евгения – Якова Антоновича (Карлоса-Антонио) де Кастро де ла Серда. Яков переселился в Россию еще при Елизавете Петровне. При Павле I также состоял на военной службе и дослужился до чина генерала от кавалерии. О матери Евгения Анне Дмитриевне Ермолаевой мы знаем лишь, что она происходила из татар, живших в Симбирской губернии. Помимо Евгения, она родила еще шесть детей. Один из братьев Евгения Александр позже также стал генералом»².

Далее повествуется, что детство будущего философа и социолога прошло в Тверской губернии, в родовом имении Ивановское. В 9 лет Евгений пошел учиться в одну из московских гимназий, а в 12 был отдан в Императорский Александровский лицей. Здесь через два года, в 1857-м, Евгений познакомился с Григорием Николаевичем

¹ Довольно подробную, насыщенную фактами биографию философа составили, по разным и источникам, современные и исследователи его творчества, работающие во Франции и России, – Юсуф Семали и Борис Рубанов. Аспирант Страсбургского университета и младший научный сотрудник Института социологии Российской академии наук в соавторстве опубликовали в журнале «Социс» (№8 за 2006 год) статью «Штрихи к биографии и социологической доктрине Е. В. де Роберти», которой мы и воспользуемся для освещения жизненного пути ученого.

² Семали Ю., Рубанов Б. Л. Штрихи к биографии и социологической доктрине Е. В. де Роберти / Юсуф Семали, Борис Львович Рубанов // Социс. – 2006. – №8. – С. 139-148. – С. 141.

Вырубовым — другим лицеистом, который будет его другом на всю жизнь. Вырубов станет известным химиком, но еще большую известность приобретет как социолог и философ-позитивист, ученик сподвижника Огюста Конта — Эмиля Литтре. Совместно с французским философом и историком на протяжении 1867-1883 годов Вырубов будет издателем и редактором одного из ведущих позитивистских философских журналов — парижского «*L'aphilosophiepositive. Revue*». В свое время на его страницах появится целый ряд трудов де Роберти. Сам же Евгений «учился хорошо, но был весьма недисциплинированным. Поэтому, по окончании лицея в 1862 г., не получил полагавшуюся ему золотую медаль»¹.

Вместе с де Роберти и Вырубовым в этом же лицее учились Петр Лаврович Лавров и Николай Яковлевич Данилевский. Среди наставников особую роль в выборе жизненного пути названных нами известных людей, очевидно, сыграл преподаватель французской литературы Этьен Поммье, личный друг и соратник Литтре и вдовы Конта. Известно, что он ознакомил учащуюся молодежь со взглядами основателя позитивизма, а «позже, по пути из России в Германию, в том же 1862 г., Вырубов и де Роберти специально заехали в Париж ради встречи с Литтре и г-жой Конт»². Кроме того, к тому времени Вырубов уже знал от Поммье о намерении вдовы Конта издать «Курс положительной философии» ее мужа, и по недостатку у нее средств предложил финансировать новое издание этого произведения из своего кармана. Второе издание «Курса» вышло в свет в 1864 г. с предисловием Литтре.

Деятнадцатилетний Евгений решил получить высшее образование в Западной Европе. Он перешел из Московского в Гейдельбергский университет, в котором обучались около сотни студентов из Российской империи. В то время там среди профессоров работали выдающиеся ученые-естествоиспытатели: Роберт Вильгельм Бунзен, Генрих Роберт Кирхгоф, Герман Гельмгольц. Наш соотечественник избрал факультет права, чтобы учиться у других известных тружеников науки, на этот раз — политической и экономической, каковыми вальма матер Е. В. де Роберти являлись юристы Роберт фон Мольте и Иоганн Каспар Блюмчли. Он «быстро проникся характерным для тамошнего университета социальным мировоззрением»³, что прояви-

¹ Семали Ю., Рубанов Б. Л. Штрихи к биографии и социологической доктрине Е. В. де Роберти / Юсуф Семали, Борис Львович Рубанов // Социс. — 2006. — №8. — С. 139-148. — С. 141.

² Там же.

³ Там же. — С. 141-142.

лось в том, что первокурсник вместе со многими другими студентами участвовал в сборе денег для поддержки военных операций Гарибальди. Кроме того, он был в числе основателей русской библиотеки в университете. Здесь же в очередной раз проявилась эмоциональность де Роберти: после нескольких случаев вызова на дуэль студентов с либеральными взглядами он был отправлен в годичный академический отпуск. Однако вместо этого будущий философ и социолог перешел в Иенский университет, где 22 ноября 1864 года защитил диссертацию «Некоторые разъяснения по поводу организации Великого Новгорода в Средние века» и получил ученую степень доктора права¹. Зимой 1864-1865 годов де Роберти провел в Берлине, где вместе с Вырубовым перевел на русский язык «Речи о позитивной философии» Литтре.

В 1866 году Евгений Валентинович возвращается на родину. Он живет в основном в имении Валентиновка тогдашней Тверской губернии, иногда приезжает в Санкт-Петербург, где пытается издавать позитивистский журнал «Политическое, экономическое и финансовое обозрение», причем в начальном варианте предполагалось начать с одноименной еженедельной газеты. Известное из истории Российской империи «хождение в народ», ставшее жизненным девизом практически всех образованных людей, мыслитель постарался несколько видоизменить: его целью была организация таких людей путем формирования интеллектуальной и в то же время политической элиты тогдашнего общества, одной из главных задач которого была определена популяризация, прежде всего, социологических знаний. Как вспоминал позже сам де Роберти, «мы хотим обращаться только к русской интеллигенции, к какому бы сословию или партии она ни принадлежала. В политике мы хотим создать партию и политику интеллигенции, а в экономических и финансовых вопросах постараемся быть глашатаями dellascienza nuova – новой науки (прозвище, данное социологии задолго до ее обоснования Контом, итальянцем Вико)»².

Хотя более удачной оказалась попытка Вырубова, поскольку в 1867 году в столице Франции, как уже было сказано несколькими страницами выше, началась семнадцатилетняя история ежемесячного журнала «Laphilosophiepositive. Revue». Е. В. де Роберти именно в

¹ Семали Ю., Рубанов Б. Л. Штрихи к биографии и социологической доктрине Е. В. де Роберти / Юсуф Семали, Борис Львович Рубанов // Социс. – 2006. – №8. – С. 139-148. – С. 141-142. Диплом доктора Е. В. де Роберти хранится в Российском государственном историческом архиве, а его диссертация по сей день остается неопубликованной.

² Там же. – С. 142.

шестидесятые годы XIX века начинает свой самостоятельный, полноценный философский путь. В целом он пройдет, как установила современная российская исследовательница его творчества Лилия Бузук¹, три этапа: «классический» (1856-1862 гг.), связанный с изучением и уяснением основных положений О. Конта и Г. Спенсера; «предгиперпозитивистский» (1863-1869 гг.), проявившийся в применении позитивистской методологии для анализа проблем истории, политической экономии, и «гиперпозитивистский» (1869-1915 гг.), направленный на критическое переосмысление позитивизма и создание собственной системы философских воззрений². В 1868 году Евгений Валентинович публикует в упомянутом издании Литтре и Вырובה ряд статей, которые через год выходят в свет как его первая книга — «Политико-экономические этюды». Первая печатная статья де Роберти, вышедшая в 1863 году, посвящена анализу книги американского социолога и экономиста Генри Чарльза Кэри «Основания социальной науки» и еще более известного произведения — первого тома «Капитала» Карла Маркса. Хорошо усвоивший учения Конта, Герберта Спенсера и их последователей, начинающий украинский мыслитель проявляет довольно высокий уровень критических и аналитических способностей. Так, он решительно не соглашается с проведенным Кэри отождествлением социологии с политической экономией, ведь «превращать науку общества в науку обмена, как бы широко не понималось это слово, значит видеть в целом только одну часть и вместо того, чтобы изучать весь общественный организм, ограничиться изучением только одной его функции...»³ Двадцатилетний на то время рецензент не обошел вниманием также и конечных выводов из мыслей американского ученого: «Политическая экономия у Кэри поглощает социологию, и обе, разумеется, одинаково страдают от этого. Первая, принужденная выйти из своего обычного круга и заниматься условиями не только экономического, но умственного и нравственно-

¹ Она является автором защищенной в 2011 году в Москве кандидатской диссертации «Гиперпозитивизм Е. В. де Роберти: историко-философский анализ». Мы воспользуемся соответствующей, содержательной, насыщенной многими важными фактами и обобщениями, четко аргументированной публикацией Лилии Геннадьевны: Этапы эволюции философских воззрений Е. В. де Роберти / Лилия Геннадьевна Бузук // Вестник Московского университета. Серия: Философия. — 2009. — №2. — С. 170-179.

² Там же. — С. 170.

³ Цит. по: Семали Ю., Рубанов Б. Л. Штрихи к биографии и социологической доктрине Е. В. де Роберти / Юсуф Семали, Борис Львович Рубанов // Социс. — 2006. — №8. — С. 139-148. — С. 142.

го прогресса, теряет большую часть своей аналитической силы и становится неопределенной, шаткой и гадательной. Вторая же через меру съезживает свою точку зрения и теряет большую часть своей общности и полноты»¹. Кроме обнаружения явных логических ошибок в определении и делении понятий, де Роберти засвидетельствовал здесь и круг своих научных и философских интересов: построенная по всем научным канонам социология, а также классификация различных наук, проблемы их взаимодействия и развития. Другими словами, кроме обществоведения, мыслитель недвусмысленно заявляет о себе, как о будущем ярком представителе позитивистской эпистемологии, оставившем целый ряд открытий и оригинальных мыслей.

Годы 1870-1874 прошли для Е. В. де Роберти под знаком работы в редакции газеты «Санкт-Петербургские ведомости». Издание, которое под руководством Владимира Корша стало одним из немногих рупоров либеральных и прогрессивных идей, по личному решению министра народного просвещения графа Дмитрия Толстого, было видоизменено в пользу провластной политики, а все его сотрудники — уволены². Кроме того, 8 января 1872 года мыслитель, вместе с Джоном Стюартом Миллем, избирается членом-корреспондентом первого в мире Социологического общества, первым президентом которого был Литтре. Описывая роль этого события в окончательном выборе де Роберти в пользу общественных наук, Ю. Семали и Б. Рубанов приводят оценку роли общества в развитии социологии, данную бельгийским правоведом Сержем Деплуажем: «Из этого общества произошла вся социологическая традиция, зачинателем которой многие безосновательно считают Эспинаса, а главным сегодняшним ее представителем — Дюркгейма»³. В 1874 году Евгений Валентинович создает семью: его спутницей жизни, верной помощницей и единомышленницей стала Екатерина Александровна Глазенап, происходящая, по одним данным, из немцев-католиков, по другим — из польских дворян. Тогда же он начинает работу по ознакомлению образованных кругов общества Российской империи с философией позитивизма, прежде всего, с идеями Конта, Литтре и других видных представителей этого течения мысли и науки. Его статья «Очерк о полупозитивистах» стала одной из работ, которую использовал сам Литтре, ссылаясь на нее в

¹ Семали Ю., Рубанов Б. Л. Штрихи к биографии и социологической доктрине Е. В. де Роберти / Юсуф Семали, Борис Львович Рубанов // Социс. — 2006. — №8. — С. 139-148. — С. 143.

² Там же. — С. 143-144.

³ Там же.

своем предисловии к книге известного немецкого философа и религиоведа Давида Фридриха Штрауса «Старая и новая вера»¹. В 1876-1878 годах де Роберти выпускает в «Laphilosophiepositive. Revue» девять статей на французском языке, объединенных под общим названием «Социологические заметки». В 1880 году на их основании и выходит в свет книга, которую мы представляем в настоящем томе: «Социология: основная ее задача и методологические особенности, место в ряду наук, разделение и связь с биологией и психологией». Это поистине первое фундаментальное произведение Е. В. де Роберти, о значимости которого можно судить уже по его названию. Его обзор мы представим в соответствующей части данной вступительной статьи, а сейчас продолжим наше ознакомление с жизненным и творческим путем мыслителя.

Авторы различных работ о де Роберти лишь изредка упоминают о ярком и драматичном эпизоде, имевшем место в конце 1870-х годов. Дело в том, что к этому времени позитивизм в Российской империи не только утвердился и распространился, но и занял столь крепкие позиции, что, как отмечают Анатолий Галактионов и Петр Никандров в своей книге по русской философии, завершающей советский период историко-философских исследований в данной области, «без учета его влияния невозможно разобраться в русской философии пореформенного времени»². Кроме популяризации его идей многими публицистами и философами, мы встречаемся с настоящими сообществами и даже школами ученых-естествоиспытателей, правоведов, историков, социологов, фольклористов, психологов, а также литературоведов и писателей. Петр Лавров, Владимир Лесевич, Николай Михайловский, Михаил Драгоманов, Николай Грот, Иван Франко, Матвей Троицкий, Петр Боборыкин, Леонид Оболенский, Илья Мечников, Климент Тимирязев, Николай Хлебников, Александр Стронин, Иван Франко, Дмитрий Менделеев, Роберт Вишпер, Георгий Челпанов – вот

¹ Семали Ю., Рубанов Б. Л. Штрихи к биографии и социологической доктрине Е. В. де Роберти / Юсуф Семали, Борис Львович Рубанов // Социс. – 2006. – №8. – С. 139-148. – С. 144. Авторы статьи, очевидно, приняли немецкого философа за французского автора, поэтому и дали написание его фамилии как «Стросс» (в письменном оригинале – Strauss, а читается, как известно, во французском и немецком языках по-разному). Впрочем, для франкоязычных Юсуфа Семали и Бориса Рубанова, подготовивших столь ценную статью и специализирующихся, прежде всего, по социологии, а не истории философии, эта описка может быть простительной.

² Галактионов А. А., Никандров П. Ф. Русская философия IX-XIX вв. – 2-е изд., испр. и доп. / Анатолий Андрианович Галактионов, Петр Федотович Никандров. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1989. – 744 с. – С. 451.

далеко не полный перечень имен украинских и русских деятелей науки и культуры, которые вошли в историю как представители позитивизма или прославились своими открытиями, сделанными под явным вдохновением и осмыслением его идей. Поэтому неудивительно, что критики этого философского течения, с одной стороны, — материалисты, от нигилистов образца тургеневского Евгения Базарова до первых марксистов Российской империи и, с другой, — представители традиционной, классической университетской и религиозной, в первую очередь, православной духовно-академической философии, не только не могли избежать столкновения и борьбы с ним, но, скажем со всей уверенностью, именно в результате такой борьбы не только сохранили философскую традицию, но и создали свои оригинальные учения, ставшие лицом русской и украинской философии от XIX века до наших дней. Назовем хотя бы Памфила Юркевича, Владимира Соловьева, Петра Лилинского, Николая Бердяева...

В 1877 году в интеллектуальном мире Российской империи произошло событие, имевшее поистине революционный характер. Если три года до этого внимание всей философской общественности было приковано к блестящей защите 21-летним магистрантом Владимиром Соловьевым своей знаменитой работы «Кризис западной философии (против позитивистов)», то на этот раз основательнейшему пересмотру подвергся сам позитивизм. Речь идет о книге крупнейшего украинского представителя данного течения Лесевича — «Опыт критического исследования основ начал позитивной философии»¹. Еще свежа была память о том, с каким пылом Лесевич буквально напал на тогда еще начинающего великого русского философа, «осмелившегося» поставить под сомнение ведущую роль позитивизма в мировоззрении тех лет, когда появилась фундаментальная работа, в которой горячий приверженец Конта, Литтре, Милля, Спенсера и их единомышленников показал неприемлемую догматичность, отсутствие критических, в кантовском смысле слова, установок в философии, претендующей на название единственной соответствующей науке. Главным итогом проведенного Лесевичем анализа системы основателя позитивизма и научно-философских построений ученых, принявших его теорию и методологию исследования, явилась необходимость обращения к гно-

¹ Издана отдельным томом в Санкт-Петербурге, позднее — в 1915 году в Москве в первом из пяти запланированных и трех вышедших в свет томов собрания сочинений Лесевича, и вместе с отдельными статьями выйдет во втором томе сочинений украинского мыслителя в нашей серии.

сеологии, как ведущей философской дисциплине и к психологии, только что начавшей эмпирическую эру своей истории, как науке, непосредственно дающей достоверный ответ на вопрос о возможности познания. Ведущий представитель позитивизма в украинской мысли переходил ко второму, неокантианскому этапу эволюции своих философских взглядов¹, завершившимся эмпириокритицизмом Рихарда Авенариуса и его учеников, и хотя во многом сохранил кантовско-литтреистские критерии научности, естественно, простым последователем, эпигоном французских позитивистов первой волны оставаться уже не мог. Это и послужило основанием к интенсивной дискуссии, которая продолжалась почти до начала 1880-х годов и, по сути, разделила философские круги Российской империи на два лагеря: сторонников и противников ревизии первого позитивизма. В первом оказались личные друзья и единомышленники Лесевича – Лавров, Михайловский, а также известный русский философ, психолог, историк и правовед Константин Кавелин. Другие же – упомянутый нами выше Стронин, давший под псевдонимом «Алеко» отрицательный отзыв на книгу украинского мыслителя, а также видный идеолог революционного народничества, в своем отношении к философии близкий к нигилизму Дмитрий Писарева и Максима Антоновича – Петр Ткачев, подписавшийся как «П. Никитин» и «Все тот же» – высказались против. Среди оппонентов Лесевича самым ярким по эмоциональности оценок, а также по манере полемики оказался де Роберти. Чтобы убедиться в этом, достаточно упомянуть тот факт, что разные отклики на критикуемый труд и ответы его защитникам Евгений Валентинович подписывал то как «де Роберти», то как «де ла Серда». Такой прием оказался столь удачным и эффективным, что Лесевич, Михайловский, Ткачев, а также известный в то время фейлетонист Александр Скабичевский, также участвовавший в этой перепалке как «Заурядный читатель», приняли за действительное то, что де Роберти и де ла Серда – это два отдельных лица, принимающие участие в столь жарком споре, более того, норовящие один другого сильнее уязвить автора «Опыта...» и его защитников, особенно Михайловского. Как известно, в плане снятия эмоционального напряжения развязка этого столкновения приобрела форму, присущую отношениям Гегеля и Шопенгауэра во время чтения великим немецким

¹ Некоторые подробности развития взглядов Лесевича от начала и до завершения философского пути мыслителя мы уже имели возможность осветить. См. вступительную статью к первому тому его сочинений, вышедшему в нашей серии.

классиком лекций по философии в Берлинском университете, или даже, если сказать еще точнее, к отношению и репликам Диогена Синопского к своим оппонентам и вообще к тем, кто просто не нравился знаменитому обитателю бочки в Афинах.

Евгений де Роберти выступил с защитой главных социологических и эпистемологических идей Конта и Литтре от критики кантианского и неокантианского образца не только из соображений идейного родства. Он хорошо понимал роль эмпирических методов и общей ориентации на науки о природе, в первую очередь, физики, химии, биологии для создания такого обществоведения, которое строится на их фундаменте, чем и завершает здание научной картины мира и в то же время использует их методологический инструментарий для решения своих конкретных и всеобщих проблем. К тому же, как мы увидим далее на многочисленных примерах, мыслитель и социолог полностью осознавал неминуемое присутствие в любой науке, в том числе и положительной, метафизического содержания, сконцентрированного в их исходных положениях (аксиомы в геометрии, постулаты в физике) и самых широких, наиболее общих вопросах. Поэтому ему чужды декларируемые «разгромные» антиметафизические выпады, столь присущие Лесевичу и многим другим позитивистам самых разнообразных оттенков, за которыми прячется, в лучшем случае, намерение отмежеваться от метафизической проблематики науки, а в худшем — откровенно нигилистические установки, требующие исполнения над философией, культурой, традиционными ценностями вообще пресловутого приговора: «упразднить за ненадобностью».

Обращаясь к метафизике как одному из источников философии и науки, Е. В. де Роберти не только дает дальнейшую разработку гносеологической концепции происхождения философии, но и вплотную подходит к эволюционной эпистемологии. Он исследует усовершенствование анатомии и физиологии центральной нервной системы человека именно как основания соответствующего прогресса познавательной, а с ней экономической, общественной и культурной жизни человека и общества. И если в «Социологии» мы впервые встречаем знакомое еще со школы определение человека как «биосоциального» существа, то довольно оригинальные и интересные для нашего времени, после Карла Поппера, Томаса Куна, Имре Лакатоса и Пола Фейерабенда, обобщения истории философии в частности и умственного развития человечества в целом изложены во второй фундаментальной работе де Роберти «Прошедшее философии. Опыт социологического исследования общих законов развития философской мысли»,

вышедшей на русском языке в 1886 году в двух томах и состоящей из трех частей: «Исторические данные», «Выводы» и «Философия прошедшего и генезис философии наук»¹. Через год книга была выпущена в сокращенном, одномтомном, более популярном варианте.

И «Социология», и «Прошедшее философии» – это научные труды, выступающие результатом почти трети века работы их автора, а в еще большей степени – многотысячелетнего развития философии, естествознания и обществоведения народов мира, прежде всего, Европы. Тем не менее, современники не преминули сделать из них жизненно-практические выводы. Оценки двух книг, а с ними и всего творчества мыслителя и ученого, оказались для него поистине трагическими. Так, если «реакция западного научного сообщества на этот труд («Социология», – Б. М.) была достаточно благожелательной, и Р. Вормс, спустя много лет, оценил его как весьма ценный для того времени, а Д. Драгическо детально проанализировал в своей докторской диссертации»², то российские авторы были гораздо более критичными. «Н. И. Хлебников, – продолжают Ю. Семали и Б. Рубанов, – критиковал де Роберти за излишнее, по его мнению, внимание к методологическим проблемам социологии. Статья другого рецензента – математика Н. В. Бугаева (подписанная псевдонимом Громов) содержала столь отрицательную критику «Социологии», что даже вызвала ответную критику де Роберти»³. Однако главный удар нанес известный церковно-политический деятель Царской России, тогдашний обер-прокурор Священного Синода Русской Православной Церкви (напомним, что занимающее эту должность лицо назначалось самим императором и было подотчетным ему) Константин Победоносцев. Он «не без оснований считал, что пропагандируемый в ней позитивизм может составить конкуренцию православной вере. В результате книга была запрещена и изъята из книжных магазинов и библиотек, а за ее автором был установлен гласный полицейский надзор. Более того, полиция обвинила его в связях с революционной организацией «Земля и воля», конкретно – с руководителями последней П. П. Гайдебуровым и Д. А. Кропчевским»⁴. Эта же участь постигла и «Прошедшее философии», в том числе и его одномтомное изложение.

¹ Эта работа будетиздана нами в следующих томах сочинений Е. В. де Роберти.

² См.: Семали Ю., Рубанов Б. Л. Штрихи к биографии и социологической доктрине Е. В. де Роберти / Юсуф Семали, Борис Львович Рубанов // Социс. – 2006. – №8. – С. 139-148. – С. 144.

³ Там же. – С. 144-145.

⁴ Там же. – С. 145.

Большая часть тиража книги была попросту уничтожена, но Евгений Валентинович нашел достойный выход из положения: в 1881 и 1887 годах соответственно «Социология» и второй труд переизданы на французском языке в Париже, причем «Прошедшее философии» вышло в свет под названием «Старая и новая философия».

Неудивительно, что после таких поворотов судьбы мыслитель ищет любые возможности проводить как можно больше времени подальше от несвободной родины. Он все чаще бывает в столице Франции, где преподает в «Свободном колледже общественных наук», а также в Брюсселе, читая курсы лекций в Свободном университете практически до его закрытия в 1899 году. И в Западной Европе политика сыграла с де Роберти злую шутку. Когда 9 декабря 1894 года социалист-анархист, деятель Парижской коммуны Эдуард Мари Вайян совершил террористический акт — взрыв самодельной бомбы во французском парламенте, в превентивных, по мнению правоохранительных органов, целях, Совет этого университета исключил из своих рядов профессора географии Жака Элизе Реклю, известного анархистскими взглядами. Е. В. де Роберти, а также Эмиль Вандервельде, Гильюм де Грееф и другие известные ученые в знак протеста против такой политической расправы уволились, основав на некоторое время Новый Брюссельский университет¹, возглавляемый де Греефом.

Мыслитель не только читает лекционные курсы, но и публикует их в виде ряда франкоязычных книг. Так, в 1896-м выходит «Этика. Добро и зло», в 1897-м — «Социальный психизм», в 1898-м — «Принципы этики». Затем, в 1900-м, издана «Структура этики». Кроме того, еще в 1894 году написана работа «Огюст Конт и Герберт Спенсер», посвященная сравнительному анализу взглядов двух великих позитивистов, а в 1902-м — книга о Фридрихе Ницше.

В рамках Всемирной выставки в Париже де Роберти участвовал в проекте «Международная школа», призванном сделать образование доступным для народа. В его рамках каждая страна-участница в своем павильоне организовала чтение лекций. Делегация России, точнее, входящие в ее состав профессора, прочитали в общей сложности 51 лекцию, причем главой их группы стал Илья Мечников, на то время директор крупнейшей лаборатории Института Пастера. Евгений Валентинович и другой видный социолог-позитивист, украинец с

¹ См.: Семали Ю., Рубанов Б. Л. Штрихи к биографии и социологической доктрине Е. В. де Роберти / Юсуф Семали, Борис Львович Рубанов // Социс. — 2006. — №8. — С. 139-148. — С. 145.

Харьковщины Максим Ковалевский были заместителями председателя, а юрист Юрий Гамбаров — ее секретарем¹. И снова ученый попадает в поле зрения спецслужб родной страны. Руководитель зарубежной агентуры Департамента полиции Министерства внутренних дел России Петр Рачковский лично отправил своему начальнику Вячеславу Плеве донесение, в котором говорится, что русские профессора представляют в столице Франции организацию «Народная воля», среди членов которой были Леонид Шишко и Николай Русанов².

Подозрения стражей порядка сказались на деятельности де Роберти в Париже не сразу. После окончания лекций под эгидой Всемирной выставки он основывает в рамках Высшей школы общественных наук Русскую высшую школу общественных наук, которая получила здание по адресу: улица Сорбонны, 14. Как и в группе русских профессоров на Всемирной выставке, президентом школы (председателем ее Ученого совета) избран Мечников, а вице-президентами — де Роберти и Ковалевский, генеральным секретарем стал французский психолог Виктор Анри³. Но уже в 1903 году мыслитель был вынужден покинуть Францию: после очередного рапорта Рачковского министру внутренних дел России, в котором он назвал школу революционной группой, де Роберти получил указ с требованием немедленно возвратиться на родину. После нескольких отсрочек его выполнения, оправданных лечением болезни, ученому пришла весть: «Его жена нанесла визит Плеве, который сказал, что ее муж должен вернуться в Россию, иначе он будет навсегда лишен права въезда на родину, а его имущество будет конфисковано»⁴. Неудивительно, что свой новый труд «Новая программа по социологии» де Роберти отметил таким посвящением: «Я посвящаю эту книгу, завершенную в тяжелый период потрясений, в особо трудных обстоятельствах моей жизни, моей отважной супруге Каролине и моим двоим сыновьям Леону и Жоржу». Кроме огромного резонанса во французских газетах, этот инцидент закончился тем, что известные деятели науки Франции через министра иностранных дел своей страны и императрицу-мать Марию Федоровну направили письмо лично Николаю II в защиту своего собрата. Среди десятков ученых, подписавших его, есть имена Эмиля Дюркгейма, Теодюля

¹ Семали Ю., Рубанов Б. Л. Штрихи к биографии и социологической доктрине Е. В. де Роберти / Юсуф Семали, Борис Львович Рубанов // Социс. — 2006. — №8. — С. 139-148. — С. 145-146.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же. — С. 146.

Рибо, Люсьена Леви-Брюля, Жоржа Кюри, Эмиля Бутру, других тружеников науки с мировой славой¹. Со своей стороны Е. В. де Роберти отказался от должности товарища председателя Совета Русской высшей школы общественных наук в Париже и сообщил об этом в письме великому князю Алексею Александровичу. В итоге «в конце июня 1904 г. столь нашумевший указ был заменен другим, позволявшим де Роберти жить там, где ему заблагорассудится»².

Возвратившись на родину в том же году, то есть накануне Первой русской революции, философ, будучи председателем Тверского земства, принимает участие в состоявшихся в 1905 году общероссийских съездах земских и городских деятелей, а также вступает в новосозданную Конституционно-демократическую партию (кадетов). На четвертом земском съезде (6-7 августа) он предложил одну из трех моделей государственного устройства будущей России, которая была отклонена в пользу более либеральной. На последнем земском съезде 19 ноября того же года, откликнувшись на текущие события в стране, он произнес слова, ставшие пророческими: «Перед нами две тревоги: диктатура и анархия. Красный и черный призраки. Этот спектр без промежуточных цветов. Остается выяснить, под каким соусом мы желаем быть съеденными»³. После этого Евгений Валентинович отходит от участия в политической жизни, сосредоточившись на научной и преподавательской работе.

В 1906 году де Роберти избирается членом Совета Международного социологического общества. Через два года он издает новую книгу «Социология действия», увидевшую свет на французском языке, а вместе с М. Ковалевским и выдающимся русским психологом и врачом Владимиром Бехтеревым создает и лично возглавляет первую в Российской империи кафедру социологии, ставшую одним из подразделений основанного в 1907 году Психоневрологического института. В 1912 году публикуется работа «Понятия разума и законы Вселенной», в которой «лучше всего излагается социологическая теория познания»⁴ де Роберти.

8 мая 1915 года жизнь мыслителя трагически обрывается: на расвете он стал жертвой грабителя, проникшего в его дом в имени Ва-

¹ Семали Ю., Рубанов Б. Л. Штрихи к биографии и социологической доктрине Е. В. де Роберти / Юсуф Семали, Борис Львович Рубанов // Социс. – 2006. – №8. – С. 139-148. – С. 146-147.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же. – С. 147.

лентиновка на Тверской земле. Убийцу признали душевнобольным, а на столе Евгения Валентиновича была найдена рукопись его неоконченной статьи «Кризис морали и науки»¹. Тело де Роберти было перевезено в Санкт-Петербург и при большом скоплении студенчества погребено на «Литературных мостках» Волкова кладбища. Через несколько месяцев в огне гибнет и личная библиотека ученого, насчитывавшая более семи тысяч томов...

Евгений де Роберти пробыл на этом свете почти семьдесят два года, большинство из них посвятил науке и философии. Его идеи уходят корнями в системы представителей первого позитивизма, особенно Конта, Литтре, Спенсера, а последователями ученого среди многих других являются Питирим Сорокин и Агнесса Звоницкая. Нам уже известны одобрительные отзывы на труды де Роберти, авторами которых являются социологи Румынии, Франции. Причины критического отношения к его наследию также частично известны. В подробностях они проявятся в процессе более обстоятельного изучения и анализа его произведений, в том числе и представленной в настоящем издании «Социологии».

Книга Е. В. де Роберти о социологии состоит из предисловия одиннадцати глав, разделенных на параграфы. Достаточно просмотреть подробное ее содержание, чтобы увидеть целый ряд преимуществ произведения. Кроме того, что этот труд является переработкой ранее вышедших статей, в названии параграфов автор дает и перечень главных вопросов теоретико-методологического исследования оснований социологической науки, и, конечно же, предлагает четкую схему развертывания их решений, а также раскрытия заявленной им темы. Важно обратить внимание на два аспекта содержания «Социологии» украинского мыслителя: первый из них отражает его приверженность идеям основателей позитивизма, то есть выражает определенную «ортодоксальность» взглядов их автора. Второй же демонстрирует своеобразие и даже некоторую оригинальность идей де Роберти, и скажем даже больше: именно за такое гармоничное сочетание общих для всего позитивизма и присущих только автору представляемой книги мотивов Евгений Валентинович и подвергался критике, часто столь эмоциональной и незаслуженной, прежде всего, от своих соотечественников.

Итак, приступим к рассмотрению текста. Прежде всего, речь в нем идет о том, что социология — наука для XIX, богатого открытиями ве-

¹ Голосенко И. А. Евгений де Роберти: интеллектуальный профиль / Игорь Анатольевич Голосенко // Социологические исследования. — 2001. — №2. — С. 99-107. — С. 102.

ка, не только новая в смысле выделения наряду с другими отраслями знаний, но, будучи призванной к жизни «великим французом Контом» в качестве завершения ряда опытных наук и предназначенной к эмпирическому изучению общества, на момент выхода в свет книги де Роберти пребывает пока еще в подготовительном состоянии, то есть не получила такого оформления и разработки, которыми поистине славятся физика, биология, химия. Главная трудность на этом пути, ставшая основанием многих ошибок, по мнению украинского мыслителя, состоит в том, что «новую науку пытались сочетать с остатками всех метафизических систем, еще продолжающих пользоваться расположением публики. Ее толкали, поочередно, в объятия всех распространенных предвзятых идей, всех популярных гипотез, традиционных взглядов и модных научных новинок»¹. Последствия, обусловленные тремя самыми распространенными заблуждениями относительно социологии, не заставили себя долго ждать: «Социальную науку направили на путь дедуктивных или рассудочных выводов, у нее отрицали характер абстрактной науки и изображали ее как конкретную науку. Наконец, ей дали в путеводители ложный свет реальной или всеобщей аналогии. Замечательные мыслители связали свои имена с этими воззрениями, которые, впрочем, соприкасаются довольно близко, и толпа искателей, как водится, послушно пошла по пятам высоких авторитетов»². Может показаться, что де Роберти целиком отвергает традиционную философию как «метафизику», то есть как пройденный этап развития человеческих знаний. Но это далеко не так. Более того, он признает, что заблуждение – это «частица истины», а если так, то свою цель он определяет как «допустить менее значительных ошибок или достигнуть менее неполных истин, сравнительно с заключающимися в оспариваемых нами мнениях»³.

Следовательно, необходимое условие оформления новой науки об обществе состоит в выборе правильного, адекватного метода принимаемых ею исследований. Это предусматривает решение двух вопросов: определение конкретной последовательности прохождения пути мысли (напомним, что греческое «методос» – не что иное, как охотничья тропа, единственный путь к желаемому результату) и той идеи, которая позволяет достичь единства научного знания. И такие

¹ Де Роберти Е. В. Социология: основная ее задача и методологические особенности, место в ряду наук, разделение и связь с биологией и психологией / Евгений Валентинович де Роберти. – СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1880. – 370 с. – С. 2.

² Там же.

³ Там же. – С. 3.

решения найдены. Касательно метода, де Роберти говорит, что «речь уже идет не о том, чтобы сделать выбор между объективным методом, который, отливая представления ума в объективные формы реального мира, проходит по порядку через три ступени всякого исследования — наблюдение, предположение и поверку, и субъективным методом, который, отливая действительность в форму наших собственных представлений, останавливается на второй из этих ступеней — гипотезе в ее чистом виде. Не может быть речи и о выборе между индукцией в тесном значении этого термина и дедукцией»¹. Решение второй части методологического вопроса социологии, как известно, состоит в выборе теоретического основания не только этой отрасли научного знания, но и единства научной картины мира в целом, другими словами — заключается в нахождении предпосылок универсального научного метода. Здесь, обращаясь к эмпирической психологии, де Роберти свидетельствует о взгляде, близком к идеям не только западных философов и ученых, особенно основателя первой в мире лаборатории экспериментальной психологии Вильгельма Вундта, не говоря уже о Спенсере, Милле, Рибо, Ипполите Тэне, Адольфе Кусмауле и других европейцах, потрудившихся над превращением философской науки о душе в эмпирическую науку об основаниях поведения человека. Евгений Валентинович непосредственно сближается с Гротом и Челпановым, роль которых в истории украинской философии и психологии практически невозможно переоценить. Это же относится и к Василию Карпову, а также Петру Авсенеу (он же архимандрит Феофан), которые, будучи представителями духовно-академической философии, основательнейшим образом подготовили почву к приобретению психологией привычного нам вида. Поэтому о принадлежности де Роберти к украинской философской мысли можно говорить более уверенно, чем может показаться на первый взгляд.

Вернемся, однако, к нашему непосредственному предмету. Вот что говорит автор «Социологии» относительно второго вопроса о методе: «Успехи, сделанные современной психологией, не оставляют никакого сомнения относительно основного единства метода, общего всем наукам. Теперь известно, что единственным источником и единственной основой классификации, абстракции, определения, индукции, обобщения, суждения, умозаключения, дедукции и аналогии

¹ Де Роберти Е. В. Социология: основная ее задача и методологические особенности, место в ряду наук, разделение и связь с биологией и психологией / Евгений Валентинович де Роберти. — СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1880. — 370 с. — С. 3.

служит психическая ассоциация, основанная не на соприкосновении ощущений в пространстве и во времени, порождающем лишь простейшие явления восприятия и представления, а на отношениях сходства и различия. Все умственные процессы одинаково сводятся к одному и тому же основному процессу сочетания представлений, сходных между собою, различных друг от друга, или в одно и то же время представляющих и сходства, и различия»¹.

Конечно, социология, имея свой собственный объект и предмет, не только должна занять свое место в классификации наук, но и разработать свой собственный метод исследования, применимый к общественным явлениям. Ведь, например, «хотя математика исследует природу иначе, чем физика или химия, и хотя последние, в свою очередь, значительно отличаются в методологическом отношении от биологии, однако все знают, какое замечательное сближение произошло в настоящее время между первой из этих наук и группой неорганических наук»². Упомяну в том, что науки представляют собою не изолированные отрасли знания, а группы знаний, особенно в смежных дисциплинах, то есть, описав хорошо известные нам сегодня процессы дифференциации и интеграции научных знаний, де Роберти приходит к решению вопроса о том, чего не хватает социологии, которая в его время еще не приобрела четкой формы, чтобы быть наукой. Ответ на него следующий: «Социологии недостает (курсив в оригинале, — Б. М.) *естественной истории* общества или сравнительного и аналитического описания общественных явлений. Другими словами, социологии не хватает ясного сознания того, что, будучи отвлеченной наукой, она, вместе с тем, есть и *наука описательная* по существу. Вот, в двух словах, тезис, который мы намерены защищать здесь против обычного мнения о несовместимой противоположности, в приложении к какой-либо системе научных сведений, понятий об отвлеченном и описательном знаниях»³. Чтобы показать важность социологии, на следующих страницах своей книги де Роберти приводит примеры исследования вопросов нравственности и права, известные еще из древнегреческой философии, среди прочего постоянно подчеркивая связь науки об обществе с психологией. Целиком в духе первого позитивизма с его ориентацией на эмпирическое естество-

¹ Де Роберти Е. В. Социология: основная ее задача и методологические особенности, место в ряду наук, разделение и связь с биологией и психологией / Евгений Валентинович де Роберти. — СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1880. — 370 с. — С. 3-4.

² Там же. — С. 6.

³ Там же. — С. 7.

знание мыслитель утверждает, что «до самого последнего времени, очевидно, не было известно *научное назначение* общественных и психологических фактов, которые наблюдались, собирались, накапливались и, до некоторой степени, даже классифицировались в совершенно других видах, чем цели строго научные, и преимущественно в видах собственно практических. Весьма долгое время даже отдаленным образом не подозревали, что могли существовать такие естественные науки, как наука об обществе и психология, науки, которые бы ни в чем существенном не отличались от неорганических наук и науки о жизни»¹.

Начальным методом, первичной основой социологии является наблюдение, которое понимается даже как «синоним опыта вообще», поскольку невозможно без обобщения явлений действительности, пусть даже и самого малого. Оно, «направленное на самый индивидуальный и самый конкретный факт, всегда есть уже нечто большее, чем этот факт, есть всегда уже более или менее обширное обобщение, основанное на весьма значительном числе различных восприятий и представлений, и рассматриваемое как нераздельный или индивидуальный факт только по отношению к еще более обширным или высшим обобщениям. Каждому, впрочем, известно, что существуют наблюдения, считающиеся более общими по сравнению с другими, признаваемыми более частными»². Логические методы, наведение, или индукция, вывод, или дедукция, приемы согласования, различения, совместного изменения, несводимых остатков³, согласно де Роберти, естественно примыкают к наблюдению, как к основе или корню, и «являются или способами поверки уже составленных с помощью простого наблюдения обобщений, или средствами для достижения еще более обширных обобщений»⁴.

Тем не менее, нельзя игнорировать тот факт, что содержание и характер наблюдения, а также методов обработки его данных в целом, способы изучения явлений действительности в различных отраслях науки существенно отличаются. Ведь «существуют науки, наблюдающие путем непосредственного восприятия (интуитивно), например, математика. Другие наблюдают в обыкновенном или тесном значе-

¹ Де Роберти Е. В. Социология: основная ее задача и методологические особенности, место в ряду наук, разделение и связь с биологией и психологией / Евгений Валентинович де Роберти. – СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1880. – 370 с. – С. 17.

² Там же. – С. 25.

³ Здесь, конечно же, нетрудно узнать пять разновидностей научной индукции Милля.

⁴ Де Роберти Е. В. Социология: основная ее задача и методологические особенности, место в ряду наук, разделение и связь с биологией и психологией / Евгений Валентинович де Роберти. – СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1880. – 370 с. – С. 25.

нии этого слова, например, астрономия. Иные наблюдают, воспроизводя явления в ряде опытов, т. е. прибегая к экспериментации: такковы физика и химия. Наконец, существуют науки, которые наблюдают с помощью широко применяемых и особенно развитых в них приемов классификации, группировки, определения и т. п., словом, существуют науки, наблюдающие с помощью так называемого *научного описания*»¹. На этом основании мыслитель выделяет четыре вида наук: науки непосредственного восприятия или аксиоматические, науки чистого или простого наблюдения, экспериментальные и равноправные с предыдущими описательные науки.

Естественно, что описание, так или иначе, присутствует во всех видах наук, а его характер и степень определяются особенностями объекта и предмета исследования. В связи с этим де Роберти определяет границы сферы применения описания к изучению различных явлений. Он устанавливает, что «роль описания в данной науке — а равно и во всем иерархическом ряде — расширяется, и значение этого метода усиливается по мере того, как явления, подлежащие нашему исследованию, становятся все более и более сложными»². Требуется также решить вопрос о соотношении между описанием и наблюдением. Здесь имеет место следующая закономерность: «Необходимость научного описания возрастает пропорционально количеству (конечно, не абсолютному, а относительному) наблюдений в данной науке»³, причем пропорция в данном случае прямая: чем больше наблюдений, тем больше следует прибегать к описаниям.

В методологическом отношении социология оказывается наиболее близкой к науке о жизни — биологии. Идею основателя позитивизма Конта о ряде наук (астрономия, математика, физика, химия, биология и социология) де Роберти развивает в том отношении, что наука об обществе не только непосредственно основывается на биологии, но и применяет общие методы исследования. «Все сказанное о биологии, — утверждает украинский мыслитель, — может быть повторено и по отношению к социологии. Что справедливо о биологических методах, должно в одинаковой степени быть справедливым и относительно социологических методов уже вследствие тождества или, по крайней мере, близкого сходства объективных условий, характеризующих оба

¹ Де Роберти Е. В. Социология: основная ее задача и методологические особенности, место в ряду наук, разделение и связь с биологией и психологией / Евгений Валентинович де Роберти. — СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1880. — 370 с. — С. 27.

² Там же. — С. 32.

³ Там же. — С. 33.

рода явлений»¹.

Прежде чем перейти к подробному анализу социологического знания, философ старается внести ясность и однозначность в решение одной из ведущих проблем первого позитивизма: различие между абстрактными и конкретными науками. Известно, что по этому вопросу на протяжении практически всей середины XIX века шла оживленная дискуссия, а местами и полемика между его видными представителями. Самыми активными ее участниками стали Литтре, Милль, Спенсер, Александр Бэн, а из украинских философов к классификации наук, далеко не в последнюю очередь с целью устранения явных логических ошибок, обращались Лесевич, Грот, Франко, а в отношении материала исторических наук и Драгоманов. Проблема состоит в том, что конкретность определяется тем или иным отдельным объектом исследования определенной науки, а абстрактность — предметом или свойством, представляющим собою результат обобщения более или менее широкого множества отдельных явлений. Де Роберти посвящает соответствующим вопросам отдельную главу своей книги, где на основании анализа многих примеров из естествознания тех времен предлагает свои определения абстрактных и конкретных наук. Так, отвлеченная (абстрактная) наука «анализирует, при помощи простого наблюдения, экспериментации или описания, известные естественные агрегаты, избираемые ею в массе существующих в природе соединений, которые отчетливее и полнее других обнаруживают какое-нибудь основное свойство материи. Конечная цель такого анализа заключается в определении однообразных отношений (естественных законов) между данной категорией свойств и всеми другими, анализируемыми таким же образом и с той же целью, но уже в других агрегатах и другими абстрактными науками»². Конкретная наука, со своей стороны, «изучает сложные агрегаты, составленные из агрегатов, уже исследованных различными отвлеченными науками. Ее ближайшая цель, следовательно, совпадает с ближайшей целью отвлеченной науки: она заключается в возможно полном анализе данных агрегатов»³. В генетическом отношении абстрактные науки определены как основные, а конкретные — как производные. Мысль, что социология — наука конкретная, представляет собой, по

¹ Де Роберти Е. В. Социология: основная ее задача и методологические особенности, место в ряду наук, разделение и связь с биологией и психологией / Евгений Валентинович де Роберти. — СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1880. — 370 с. — С. 36.

² Там же. — С. 63-64.

³ Там же. — С. 64.

мнению де Роберти, заблуждение. В действительности она «лишь существенно описательная наука, самая описательная, несомненно, из всех отвлеченных наук»¹. Обобщив утверждения, касающиеся определения места социологии в классификации наук и указав на особенности изучаемых ею явлений, первое место среди которых занимает чрезвычайная сложность, украинский мыслитель ведет речь о возможности применения в социологических исследованиях тех методов, которые оказались столь успешными в естествознании. Констатируя невозможность эксперимента и чистого наблюдения в науке об обществе, де Роберти в очередной раз говорит о единстве социологии и биологии, в данном случае на основании общей методологии: «Мы видим себя вынужденными прибегнуть к единственному, еще остающемуся и возможному способу исследования, который, впрочем, уже нашел широкое и полезное применение в соседней и сходной характером своих явлений науке – биологии: а именно к методу, который может быть назван методом сравнительного и аналитического описания»². Исходя из этого, определяется содержание научной работы в социологии: научная классификация и целесообразное распределение огромного числа фактов и наблюдений, составляющих результат накопленного опыта прошедшего, переданный нам путем традиции, и ежедневного опыта настоящего, в котором значительная часть – наследственные приспособления к психологическому и социологическому наблюдению – также принадлежат прошедшему³.

Утверждение социологии в качестве составной части научной картины мира предусматривает еще одно обращение к классификации наук. Если две предыдущие главы книги де Роберти посвящены определению принадлежности социологии к разновидности абстрактных наук, а также критике подхода Спенсера к вопросу о происхождении наук и их классификации (четвертая), то пятая глава «Социологии» излагает вопрос о междунучной классификации науки об обществе. Здесь мы находим определение закона природы, который «есть отношение тождества между двумя рядами явлений, которые до установления закона могли казаться вовсе не сходными и из которых один считается причиной или группой предшествующих явлений, а

¹ Де Роберти Е. В. Социология: основная ее задача и методологические особенности, место в ряду наук, разделение и связь с биологией и психологией / Евгений Валентинович де Роберти. – СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1880. – 370 с. – С. 68.

² Там же. – С. 78.

³ Там же.

другой – действием или группой последующих явлений»¹. Кроме законов математики, физики и химии украинский мыслитель относит к такому отношению между явлениями и знаменитый закон научного развития Конта, а, согласно позитивизму, прежде всего, французской школы, единство научной картины мира в целом имеет онтологические и методологические основания: «Позитивная философия первая открыто провозгласила единство науки, метода и философии, тройное единство, которое, очевидно, может быть основано только на единстве материи в ее разнообразных проявлениях и свойствах»². На основании иерархического ряда наук Конта и классификации наук Спенсера, которая в очередной раз была проанализирована с точки зрения адекватности применения английским позитивистом терминов «абстрактный» и «конкретный», де Роберти делает попытку не только объединить эти две классификации, но и дать характеристику современному для него состоянию главных наук. Результат этого следующий: «Математика представляет самую развитую ветвь человеческого знания: это единственно абстрактная наука; физика и химия уже менее развиты: это науки только абстрактно-конкретные; биология и социология не вышли еще из младенческого состояния: это науки конкретные»³.

Деление же самой социологии на отдельные дисциплины должно довершаться по всем канонам научности, выработанным в естествознании. Ссылаясь на Милля, а также на выдающегося английского астронома Джорджа Гершеля, де Роберти выдвигает требование: «Опираясь на широкое и твердое основание, представляемое естественной историей социальных явлений, обширной областью, где классификация и специализация господствуют по праву, естественная наука тех же явлений должна, по крайней мере в самом начале, оставаться нераздельной и образовать одну доктрину, один комплекс знания»⁴. Поскольку социология, по де Роберти, только начинает свое развитие, ее деление «будет совершеннее и даст лучшие плоды, когда она разовьется естественно и сама собою из единства социологического знания»⁵.

¹ Де Роберти Е. В. Социология: основная ее задача и методологические особенности, место в ряду наук, разделение и связь с биологией и психологией / Евгений Валентинович де Роберти. – СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1880. – 370 с. – С. 102.

² Там же. – С. 137.

³ Там же. – С. 144.

⁴ Там же. – С. 150-151.

⁵ Там же. – С. 151.

Конкретно мыслитель предлагает следующее деление социологии, в первую очередь, общей. Социальная статика изучает отдельно взятые структурные единицы общества: 1) семейство (социальная эмбриология); 2) класс (простые структуры); 3) народ (внутренние сложные структуры); 4) раса (внешние сложные структуры). Социальная динамика изучает общественные процессы: 1) социальная эмбриогения (законы образования обществ); 2) социальная экономия (законы элементарных ассоциаций); 3) право и социальные учреждения (законы сложных ассоциаций); 4) общая этнографическая история (общие законы цивилизаций)¹. Кроме истории и статистики, в социологию включается предложенная украинским мыслителем новая наука, «специально изучающая общественную среду» – мезология². Будучи вспомогательным родом описания, она «имеет место при всяком рациональном изучении биологических и социологических явлений. Это аналитическое и сравнительное описание «среды» или внешних жизненных и социальных условий, влияющих, так или иначе, на внутреннее устройство и отправления биологических индивидов и их социальных группировок, находящихся с этим устройством и функциями в постоянном и определенном отношении»³. Дальнейшие разъяснения роли мезологии свидетельствуют об исходных данных для выработки де Роберти знаменитой биосоциальной гипотезы, а также иллюстрируют один из многих примеров математизации общественно-гуманитарных наук, имевших место в позапрошлом веке. «Эти вспомогательные исследования, – пишет де Роберти, – имеют целью облегчить разрешение весьма общей задачи, выпадающей на долю как биологии, так и социологии, и могущей быть сформулированной следующим образом: когда даны среда и строение (или орган), определить неизвестную функцию; или при известных функции и среде найти соответствующее им устройство. Наконец, определить среду, когда орган и функция известны»⁴.

Как известно, публикуемая нами книга де Роберти посвящена решению вопроса о соотношении между социологией, биологией и психологией. В дополнение уже сказанного об основании единства мира и его научной картины украинский мыслитель говорит о реальной

¹ Де Роберти Е. В. Социология: основная ее задача и методологические особенности, место в ряду наук, разделение и связь с биологией и психологией / Евгений Валентинович де Роберти. – СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1880. – 370 с. – С. 180.

² Там же. – С. 184.

³ Там же. – С. 186.

⁴ Там же.

аналогии, как «учении, стремящемся сгладить всякое действительное разграничение между теориями о жизни, законами мышления и законами, управляющими обществами»¹. Это сближает взгляды автора «Социологии», с одной стороны, с «психофизикой» Эрнста Маха, как одного из представителей второй волны позитивизма, а с другой – с известными в современной физике «теориями всего». Дополнительным аргументом в пользу такой постановки вопроса стал закон сохранения энергии, потому неудивительно, что у де Роберти речь идет о гипотезе единства или основной однородности материи и единства, или однородности энергии, или силы. Следующие строки в очередной раз демонстрируют идейное родство их автора с Гротом, в особенности с учением о монодуализме: «Первая половина этой гипотезы составляет химическую теорию, которая, без сомнения, должна быть предпочтена построенному на грубом эмпиризме предположению об основной разнородности материальной субстанции, рассматриваемой в ее различных элементах. Вторая половина той же гипотезы составляет философское учение, оказывающее уму большие услуги в качестве могучего орудия междунаучного или философского общения»².

Если с биологией как основанием социологии, согласно Конту и Литтре, доказательство иерархической преемственности не представляет особых трудностей, то с психологией дело обстоит иначе. Ведь уже в самом начале решения вопроса о соотношении между социологией, биологией и психологией имеет место закономерная дилемма: «Одно из двух: или психические явления принадлежат к явлениям биологического порядка, и тогда их отношения к социальным явлениям необходимо управляются законами, регулирующими отношения этих последних к биологическим явлениям, и сам вопрос... является уже вполне разрешенным, ...или же наоборот – психические факты представляют собою особый порядок явлений, не совпадающий, во всех своих точках, с биологическим порядком»³. На основании определений Контом и Литтре психологии, как физиологии го-

¹ Де Роберти Е. В. Социология: основная ее задача и методологические особенности, место в ряду наук, разделение и связь с биологией и психологией / Евгений Валентинович де Роберти. – СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1880. – 370 с. – С. 187. Хотя в дальнейшем реальная аналогия в результате критического анализа будет признана в целом несостоятельной, а ее «многие победы» – иллюзорным и, нельзя не заметить ценности этого метода даже в пределах поисков де Роберти, о чем скажет и он сам // Там же. – С. 222-223.

² Там же. – С. 188.

³ Там же. – С. 279.

ловного мозга, Е. де Роберти не соглашается с требованиями Милля и Спенсера о выделении этой науки в самостоятельную отрасль положительных знаний. «Психология, будучи физиологией мозга, — утверждает он, — не может образовать науки, которые послужили бы основанием для объективной философии, то есть такого мирозерцания, которое не делало бы из мыслящего субъекта или человека — центр Вселенной, той точки, к которой постоянно снова возвращаются все явления в безбрежном океане космической эволюции»¹. Так решается первая часть упомянутой выше дилеммы. Что касается второй, то она заключается в положении о самобытном характере психологических явлений, которые не могут быть сведены к биологическим, как не тождественные им. Среди сторонников этой точки зрения, кроме Милля и Спенсера, особо выделяется «неокритическая школа» — неокантианство в лице своих ярких представителей, ратующих за психологию как отдельную науку. Но если, согласно требованиям позитивизма, каждая наука должна исследовать определенную группу явлений, в данном случае нужно раскрыть особенности психических явлений. Е. де Роберти обращает внимание на то, что «человек в психологии есть не причина, а следствие, не фактор, а продукт, и что истинные факторы кроются в биологических и социальных условиях»². Следовательно, психические явления не имеют статуса, аналогичного с биологическими и социальными, а это значит, что психология не может претендовать на место в ряду наук. Вместо этого «наша гипотеза предлагает рассматривать факты сверхорганического порядка, мысль, чувство и т. п. не как явления биологические или социальные — и еще менее как явления психические, в обыкновенном смысле, придаваемом этому названию, — но как факты *биосоциологические*, т. е. как составные явления, которые в органическом мире играют роль и имеют научное значение, вполне аналогичные с ролью и научным значением, принадлежащим, в неорганическом мире, известным группам физико-химических фактов, как, например, геологическая и метеорологическая группы»³. Принятие биосоциальной гипотезы и утверждение, таким образом, последовательно эмпирической методологии в социологии и психологии ведет к тому, что в порядке научных идей «социология и психология осво-

¹ Де Роберти Е. В. Социология: основная ее задача и методологические особенности, место в ряду наук, разделение и связь с биологией и психологией / Евгений Валентинович де Роберти. — СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1880. — 370 с. — С. 292.

² Там же. — С. 299-300.

³ Там же. — С. 312.

бождаются от последних пут, удерживавших их в кругу априорных спекуляций и мешавших их окончательному переходу из метафизического состояния в позитивное»¹. Если социология является наукой абстрактной, то психология, наряду с политической экономией, историей, этнографией и другими отраслями обществоведения, как наука конкретная², призвана «служить складом материала» для будущей социологии. В этой науке, а вместе с ней и в биологии, как абстрактных, «описание будет преимущественно индуктивное, т. е. здесь будут анализироваться, классифицироваться и сравниваться явления одного и того же научного порядка, исключительно биологические или социологические. Впрочем, вследствие естественной и рациональной зависимости последних от первых, социологии, в известных условиях, можно будет прибегать и к дедуктивному описанию, к проверке своих теорий и законов посредством их сравнения с более общими теориями и законами биологии, даже посредством рационального вывода из этих последних»³. В психологии ситуация противоположная: в ней, как конкретной науке, описание будет преимущественно дедуктивным, ведь «психологические явления обязаны своим происхождением совокупному действию биологических условий и социальных влияний. Поэтому в теории все, без исключения, законы психологии могут и должны одновременно выводиться из биологических и социальных законов. На практике, однако, такая дедукция почти всегда остается бесплодной, и помогать этому приходится, прибегая опять к обыкновенным описательным приемам и открытию чисто эмпирических законов»⁴.

Вместо заключения Е. де Роберти в основном напоминает о главных вопросах, рассмотренных в своей книге, но высказывает ряд мыслей, достойных особого внимания. Он говорит, что «установление социологии как науки только в том смысле может приписываться позитивизму, что Огюст Конт ясно определил значение социологии как последнего апостериорного звена в ряду абстрактных наук, как единственного реального завершения всякого знания»⁵. Такое понимание социологии, в свою очередь, решает довольно интересно, показатель-

¹ Де Роберти Е. В. Социология: основная ее задача и методологические особенности, место в ряду наук, разделение и связь с биологией и психологией / Евгений Валентинович де Роберти. — СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1880. — 370 с. — С. 325.

² Там же. — С. 331.

³ Там же. — С. 334.

⁴ Там же. — С. 334-335.

⁵ Там же. — С. 340.

но поставленный историко-философский вопрос: оно «связывает позитивизм всех времен и народов с позитивизмом XIX века, делает из последнего естественное, законное продолжение первого... Оно способствует правильному пониманию позитивизма Анаксимандра, Демокрита, Эпикура, Лукреция, Аристотеля, Эразма, Бэкона, Гоббса, Спинозы, Декарта, Локка, Вольтера, Дидро, Кондильяка, Канта к позитивизму Конта, Литтре, Милля, Бэна, Льюиса, Спенсера»¹. Буквально на этой же странице украинский мыслитель ведет речь об энциклопедическом характере науки, столь важном для всех, а особенно для нашей учащейся молодежи, к тому же с явной заявкой на антропный принцип, служащий единству естественнонаучных и гуманитарных знаний: «Наукой законов общественности оканчивается знание законов природы. Но цепь апостериорного знания не обрывается на социологии, а скорее образует сомкнутый круг, в котором все звенья неразрывно связаны друг с другом»².

Мы отметили практически все главные идеи книги Евгения де Роберти «Социология». Остается сказать, что, не учитывая своей французской ипостаси, она переиздается впервые за 134 года.

Б. Матюшко

¹ Де Роберти Е. В. Социология: основная ее задача и методологические особенности, место в ряду наук, разделение и связь с биологией и психологией / Евгений Валентинович де Роберти. — СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1880. — 370 с. — С. 340-341.

² Там же. — С. 341. Ниже Е. В. де Роберти прямо упоминает французских просветителей-энциклопедистов и говорит о продолжении их дела.

СОЦИОЛОГИЯ

**ОСНОВНАЯ ЕЕ ЗАДАЧА И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ
ОСОБЕННОСТИ, МЕСТО В РЯДУ НАУК,
РАЗДЕЛЕНИЕ И СВЯЗЬ С БИОЛОГИЕЙ
И ПСИХОЛОГИЕЙ**

ОСНОВНАЯ ЗАДАЧА И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СОЦИОЛОГИИ

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ВМЕСТО ВСТУПЛЕНИЯ

Multi pertransibunt, sed
augebitur scientia

1. Социология не есть еще наука вполне установившаяся, наука, которая бы преследовала определенные цели определенными же средствами.

Великий француз Конт первый ясно и твердо поставил вопрос о завершении ряда основных наук, обрывавшегося в его время на биологии, новой отраслью отвлеченного знания — опытной наукой об обществе. С тех пор этот вопрос вступил в чрезвычайно важный — хотя только начальный или подготовительный — фазис развития. Социологическая задача проникла глубоко в научное сознание эпохи, но два поколения ученых заметно не приблизили ее к разрешению. Время, очевидно, еще не выпестовало своего могучего создания.

Этот не закончившийся еще фазис был свидетелем многих крупных ошибок: только такой ценой великие идеи становятся достоянием масс. Новую науку пытались сочетать с остатками всех метафизических систем, еще продолжающих пользоваться расположением публики. Ее толкали, поочередно, в объятия всех распространенных предвзятых идей, всех популярных гипотез, традиционных взглядов и модных научных новинок. Но и это имело свою выгоду. Немало плодотворных семян могло быть и, конечно, было посеяно этим путем. Multi pertransibunt, sed augebitur scientia.

Три заблуждения особенно повлекли за собой серьезные последствия. Социальную науку направили на путь дедуктивных или рассудочных выводов. У нее отрицали характер абстрактной науки и изображали ее как конкретную науку. Наконец, ей дали в путеводители ложный свет реальной или всеобщей аналогии. Замечательные мыслители связали свои имена с этими воззрениями, которые, впрочем, соприкасаются довольно близко, и толпа искателей, как водится, послушно пошла по пятам высоких авторитетов.

Но что такое заблуждение, в большинстве случаев, как не частица истины? Следовательно, называя заблуждениями решения социоло-

гической задачи, с которыми мы не можем согласиться, мы этим хотим лишь указать на неполную или частичную их истинность. И потому в нашей попытке разрешить в настоящем сочинении ту же задачу с точки зрения, во многом отличной, как нам кажется, от тех, с которых преимущественно подступали к ней до сих пор, мы ободряем себя одной надеждой и ограничиваем свое честолюбие одной целью: допустить менее значительных ошибок или достигнуть истин менее неполных, сравнительно с заключающимися в оспариваемых нами мнениях.

2. Нетрудно убедиться, что большинство спорных вопросов в области, в которую мы вступаем, сводятся, в конечном результате, к вопросу о свойственном социологии методе. Но здесь необходимо сделать одну оговорку.

В наши дни для новой науки, которую хотят «обосновать» или «установить», речь уже идет не о том, чтобы сделать выбор между объективным методом, который, отливая представления ума в объективные формы реального мира, проходит по порядку через три ступени всякого исследования — наблюдение, предположение и проверку, и методом субъективным, который, отливая действительность в форму наших собственных представлений, останавливается на второй из этих ступеней — на гипотезе в ее чистом виде. Не может быть даже речи о выборе между индукцией, в тесном значении этого термина, и дедукцией.

Успехи, сделанные современной психологией, не оставляют никакого сомнения относительно основного единства метода, общего всем наукам. Теперь известно, что единственным источником и единственной основой классификации, абстракции, определения, индукции, обобщения, суждения, умозаключения, дедукции и аналогии служит психическая ассоциация, основанная не на соприкосновении ощущений в пространстве и времени, порождающем лишь простейшие явления восприятия и представления, а на отношениях сходства и различия. Все умственные процессы одинаково сводятся к одному и тому же основному процессу сочетания представлений, сходных между собою, различных друг от друга, или в одно и то же время представляющих и сходства, и различия. Правда, перечисленные выше действия ума могут, при помощи психического усилия особого рода, рассматриваться отдельно друг от друга, но никогда, ни в одном серьезном и немного продолжительном исследовании не могут применяться друг без друга. Они дополняют и замещают одно другое, взаимно помогают друг другу и тесно переплетаются в исполнении одной

и той же функции. Уже давно специально к двум из этих умственных операций, индукции и дедукции, было применено сравнение, уподобляющее их двум фазисам сердцебиения: сжиманию и расширению, которые, очевидно, не могут проявляться независимо одно от другого. Итак, повторяю: в настоящее время уже нельзя присваивать социальной науке исключительно дедуктивного характера, столько же чуждого ей, как и другим отраслям человеческого знания, не исключая даже математики. Но, с другой стороны, нельзя и видеть в ней такую странную и беспримерную науку, которая упорно отказывалась бы проверять свои наведения с помощью незаменимых средств, доставляемых дедуктивной или силлогистической логикой.

Но вопрос о методе не исчерпывается подобными общими соображениями. Рядом с теорией подает свой голос и практика. И если первая и должна управлять последней, то лишь при условии постоянно справляться с ее нуждами и, по возможности, всегда удовлетворять их. Поэтому, принимая в теории, что все науки употребляют одновременно, для констатирования между изучаемыми ими явлениями отношений сходства и различия, все логические приемы без исключения и все способы исследования, допускаемые природой человеческого ума, мы, однако, не можем и не должны отрицать, что на практике каждая наука обладает тем, что называется ее особыми методами, т. е. специальной технологией, известным подбором наиболее подходящих искусственных приемов, известным особым рода приспособлением общих логических методов к требованиям специальных случаев, к различным условиям, в которых находится наблюдатель или наблюдаемое явление и т. д.

Одним словом, особые методы, свойственные каждой науке, суть, собственно говоря — орудия, которыми она работает. Если эти орудия в частностях не вполне одинаковы для различных наук, так как работа, которую следует выполнить каждой из них, обставлена не одинаковыми условиями, то эти различия все-таки не распространяются ни на сам материал орудий (я понимаю под материалом общие логические методы), ни даже, быть может, на наиболее существенные черты каждого специального метода. И точно, многие из наиболее характерных различий, представляемых особыми приемами, свойственными каждой науке, объяснимы условиями времени и места. Они исчезают и появляются по мере изменения таких внешних условий. Во всяком случае, значительная часть этих различий зависит от степени развития, достигнутой в данный момент той или другой отраслью человеческого знания. Так, хотя математика исследует природу иначе,

чем физика или химия, и хотя последние, в свою очередь, значительно отличаются в методологическом отношении от биологии, однако все знают, какое замечательное сближение произошло в настоящее время между первой из этих наук и группой неорганических наук.

Нельзя, наконец, не видеть, что различные науки образуют, в отношении свойственного каждой из них специального подбора способов исследования, не какие-либо изолированные и независимые друг от друга единицы, а группы, охватывающие одновременно несколько наук. Нельзя не заметить, что эти группы соединяют именно те науки, которые признаются смежными в общепринятой теперь классификации, и что эта двойная группировка наук и особых методов основана на тождестве, для каждой группы, тех объективных свойств, сумма которых, изменяясь от одной группы к другой, и составляет то, что обычно называется большей или меньшей сложностью явлений.

Но из сказанного выше вытекает с очевидностью, что недостаточно указать какой-нибудь науке на общие логические методы, которым она может или должна следовать, чтобы такая наука могла правильно развиваться, как недостаточно дать работнику железо и дерево, чтобы снабдить его нужными ему орудиями производства. Одному нужен лемех, другому пила или топор, третьему — молот. Пока наука не выработала своих особых приемов или специальных методов, ей не хватает чего-то существенного: это наука, которая, как принято выражаться, не обосновалась, не установилась на незыблемом основании. Именно таково в настоящее время положение науки об обществе, и основная задача, которую философия наук должна решить по отношению к социологии, принимает, естественно, форму вопроса: чего недостает социологии, чтобы быть наукой?

На поставленный таким образом вопрос мы отвечаем: социологии недостает *естественной истории* общества или сравнительного и аналитического описания общественных явлений. Другими словами, социологии не хватает ясного сознания того, что, будучи наукой отвлеченной, она вместе с тем *наука описательная* по существу. Вот, в двух словах, тезис, который мы намерены защищать здесь против обычного мнения о несовместимой противоположности, в приложении к какой-либо системе научных сведений, понятий об отвлеченном и описательном знаниях.

3. Но прежде чем приступить к развитию этого положения, не лишним будет сказать несколько слов о запасе сырого социологического материала, которому нужно придать, путем специальной обра-

ботки, научную ценность. Этот материал составляют общественные явления или факты общественного порядка.

Недостатка, в строгом смысле слова, в подобном материале, конечно, не могло быть ни в одну историческую эпоху: всякое, самое неразвитое общество, уже кишит общественными явлениями. Но хотя такого недостатка и не было на самом деле, он все-таки мог ощущаться первыми наблюдателями в области социальных явлений. Даже в настоящее время сохраняет полное значение вопрос: не проходит ли большинство этих явлений, и между ними, может быть, самые важные, незамеченными и неосознанными, так, что они как бы вовсе не существуют для наблюдателя? Несомненно, во всяком случае, что теперь громче, чем когда-либо, раздаются с разных сторон жалобы на недостаток данных в области общественнознания. Мы позволяем себе, однако, думать, что эти жалобы гораздо менее основательны, чем кажется с первого взгляда. Количество фактов общественного порядка, известных исследователям в социальной области, в настоящее время так разрослось, что с успехом ориентироваться в этой подавляющей массе разнородных данных стало чрезвычайно трудно, а иногда даже просто невозможно из-за отсутствия как сносной классификации общественных явлений, так и предварительных эмпирических обобщений, которые бы служили сокращенными формулами для длинных рядов отдельных наблюдений. Во всяком случае, масса уже подвергшихся наблюдению социальных фактов легко выдерживает сравнение с запасами данных, служащими целям других отраслей человеческого знания. Что иначе и не могло быть, становится понятным, если принять в расчет громадный интерес, который явления этого рода должны были всегда вызывать в человечестве во все эпохи. Социология имеет то общее с «интроспективной» психологией, что, принимая во внимание только массу и практическое значение накопленного здесь на протяжении многих веков сырого научного материала, обе отрасли знания могут быть поставлены на первом месте в ряду наук по своему гностическому богатству или обилию данных. Современный человек знает чрезвычайно много как о самом себе, своей внутренней психологии, так и о своей внешней психологии, о своих отношениях к другим людям. Можно сомневаться, чтобы он знал больше, с точки зрения массы наблюдений или количества голых данных, о внешней природе¹. Конечно, как мы увидим вскоре, существуют при-

¹ Нужно ли указывать на неистощимую руду психологических и социальных наблюдений, заключающуюся лишь в области общей литературы, в бесчисленных творениях

чины, действием которых вполне удовлетворительно объясняется, почему сравнительно более скудные фактические сведения о природе дали богатые научные результаты в то время, как изобилие социальных данных до сих пор еще остается бесполезным в научном отношении. Но это последнее обстоятельство, очевидно, не находится в прямой связи с самим фактом обилия или недостатка общественно-научных наблюдений. Одно присутствие громадных запасов строительного материала еще не обеспечивает непременно появления, в данный срок, самого здания, для которого этот материал предназначается. Глубокий и непосредственный интерес, который представляют всякому обществу происходящие в нем явления, достаточно объясняет почему, во все исторические эпохи, индивидуальное и коллективное внимание постоянно обращалось на множество крупных и мелких подробностей социального устройства и быта; причем охрана таких наблюдений и передача их далекому потомству совершались самыми разнообразными способами. Часто какое-нибудь древнее изречение, пословица, обычай или юридическое правило служили, подобно техническим терминам в науке, средством для сохранения, закрепления и передачи первых попыток к объяснению и обобщению подмеченных явлений, первых социальных теорий и смутных предугадываний законов социального мира.

4. Здесь, в виде примера, я укажу только на два наноса, если можно так выразиться, социальных наблюдений, которых еще почти не коснулся инструмент современных социологов, несмотря на то, что их разработка обещает богатые результаты. Эти вековые наносы — нравственность и право. Что такое, на самом деле, нравственность, или так называемые всеобщие начала нравственности, и проистекающее из них право, как не своеобразный осадок сложных общественных процессов, как не более или менее бессознательное отражение или отголосок сокровенных законов общественной организации?

И, правда, трудно представить себе какую-нибудь иную «объективную» основу нравственности — и в особенности ее элементов, общих всем народам и временам, и обычно называемых ее вечными и неизменными началами — кроме внутренней организации или строения общества и законов, которые управляют этой организацией и

философов, моралистов, поэтов и вообще писателей в всех времен и народов, наблюдавших человека со всевозможных точек зрения, и общественные явления во всех возможных их проявлениях и сочетаниях? В этой области общественная жизнь, со своим и бесчисленными личными и вещными отношениями, развертывается перед нами в бесконечном ряде картин — плодах бесчисленных художественных анализов и синтезов.

свойственными ей отправлениями. Всякое нарушение таких законов ощущается как нечто нравственно-неприятное или ненормальное: как дурной или безнравственный поступок, как несправедливость, наконец, как преступление. Все это — видоизменения одного и того же основного явления.

Право является здесь как естественный продукт нравственности. Конечно, еще Аристотель учил, что «нет права в смысле огня, который горит одинаково у греков и персов». Но новейшей общественной науке суждено было доказать, что мнение Аристотеля справедливо только постольку, поскольку вместе со сложностью явлений расширяются и законосообразные пределы их изменяемости. Юридическая наука, несмотря на рутинность и узость, характеризующие большинство нечастных взглядов, и схоластический характер ее общих положений, уже давно, однако, пришла к ясному сознанию истинной природы явлений права, к пониманию их свойства — корениться во внутреннем строении общества и отсюда уже переходить в положительное законодательство, а не наоборот. Она давно уже сознала, что «законодательствовать» не значит изобретать, измышлять или создавать, а только искать и открывать — т. е. составляет почти научный прием. В истории права, изложенной и истолкованной строго научным путем, мы, таким образом, имеем, до известной степени, настоящее естественно-историческое собрание общественных фактов или своего рода общественно-научный музей, правильное пользование которым должно, конечно, значительно облегчить исследование сложных общественных процессов.

То же самое следует сказать и о нравственности, основе всякого права. Едва ли не лучшим определением нравственности будет назвать ее гигиеной общественного союза. Требования нравственности отличаются от требований гигиены только тем, что они обращены к сохранению не индивида, а всего союза. В этом смысле нет, и никогда не могло быть индивидуальной нравственности. Нравственный кодекс и обыкновенная гигиена, рассматриваемые как производные отрасли знания, точным образом отражают в своих началах, первый — социальное строение или организацию, а вторая — физиологическое строение. Поэтому взятые вместе они составляют едва ли не самую важную отрасль наших практических знаний. Нравственность служит непосредственно охране общества и посредством — охране социального неделимого, гигиена же — охране физиологического неделимого и, через него, всего естественного вида. Нарушенное нравственное требование ощущается обществом — но не изолированным

представителем вида *homo sapiens* — как несправедливость, подобно тому, как невыполненное требование гигиены ощущается организмом как физическая боль. Часто повторенное, нравственное нарушение так же неизбежно ведет ко всякого рода общественным недугам и затем — к опасным процессам разложения, как частое повторение проступков против гигиены — к заболеванию и опасностям, грозящим разрывом физиологического единства. Такой взгляд вполне подтверждается сравнительным изучением диких племен и цивилизованных народов — изучением, доказывающим, что там, где нет места для правильно организованного общества, нет места и для каких бы то ни было нравственных понятий, и что изолированный человек, к состоянию которого всего ближе подходит состояние дикаря, решительно не способен составить себе какие бы то ни было представления о справедливом и несправедливом, нравственно-дурном и хорошем.

5. Изложенный сейчас взгляд на нравственность и право имеет то преимущество, что с его помощью удовлетворительно объясняются происхождение и прогрессивное развитие явлений так называемого альтруизма, которые составляют обычный камень преткновения психологии. Альтруистическое чувство, с этой точки зрения, не может представляться как основное органическое дополнение или противовес эгоистическому чувству, т. е. присущему всем животным инстинкту самосохранения. Без сомнения, с течением времени устанавливается нечто похожее на такое уравновешение. Этого факта никто не станет отвергать, как никто не станет оспаривать, что в каждом живом организме должны существовать чисто физиологические предрасположения, известное мозговое или нервное приспособление, наследственные свойства и стремления, одним словом — биологические условия, необходимые для того, чтобы живое существо могло испытывать сложные импульсы симпатии. Но все это не может служить основанием для признания альтруизма таким же простым чувством, каким является эгоизм, который есть чисто биологический инстинкт, служащий сохранению жизни. Альтруизм же, наоборот, проистекает не из исключительной игры физиологических условий, а главным образом из взаимодействия общественных условий. Альтруизм может быть определен как охранительный инстинкт естественных агрегатов, называемых обществами. И совершенно подобно тому, как охранительный инстинкт жизни не мог предшествовать появлению самой жизни или быть одной из ее первоначальных причин, а должен рассматриваться как естественный продукт некоторых первоначальных свойств организованной материи, точно так и охранительный ин-

стинкт общества не мог существовать до образования этого последнего или быть одной из основных причин такого образования, а должен рассматриваться как необходимый и, конечно, самый драгоценный продукт ассоциации людей между собой.

Эгоизма со всеми его психическими и психофизическими последствиями вполне достаточно для объяснения образования первых абрисов общественного сожития или появления на нашей планете нового основного свойства организованного вещества: общественности. Альтруизм, в этой гипотезе, представляется как бы психологической стороной или индивидуально-психологическим эквивалентом общественности. Но это, очевидно, не мешает ему быть, прежде всего, и преимущественно результатом общественности, притом результатом, который, по мере развития общественного организма, становится, в свою очередь, производителем общественных явлений или общественной силой. Вот почему сущность всякой нравственности в смысле, придаваемом нами этому слову, сводится исключительно на большее или меньшее преобладание в ней альтруистических стремлений, т. е. на соображения общественного блага, а не индивидуальной пользы, как полагают и пытаются доказать приверженцы известной теории «истолкованного эгоизма». Одно лишь сознание общественной пользы, альтруизм в настоящем значении этого слова, может служить прочным основанием для нравственного чувства или нравственности, а также для чувства справедливости или права. Ведь право — только практическая формула (слишком часто, к сожалению, затемняемая совершенно чуждыми ей элементами) для выражения исключительно общественного чувства, называемого одними — нравственным чувством, другими — чувством справедливости, третьими — альтруизмом, и составляющего, как мы уже сказали, лишь эгоизм общества или чувство самосохранения, присущее всякому общественному союзу. Конечно, не подлежит никакому сомнению, что и животные проявляют проблески симпатии, но бесспорно и то, что и они имеют зачатки всех тех способностей, одним присутствием которых в человеке думают объяснить общественность и ее последствия. И животные несомненно одарены, между прочим, способностью общения с неделимыми того же вида посредством ряда звуков и знаков, которых нельзя назвать иначе, как зачатками членораздельной речи. Тем не менее, подобные явления должны относиться к разряду чисто биоло-

гических основ, о которых говорилось выше и без которых немислима общественность, как жизненная организация немислима вне химического сочетания определенных тел или элементов, являющихся, в свою очередь, химическими основами всякой жизни.

6. Как бы то ни было, впрочем, и несмотря на всю важность, в практическом отношении, вопроса о наличном богатстве социологического материала, теоретически этот вопрос имеет второстепенное значение и лишь косвенно касается нашего главного тезиса. В отношении к последнему довольно безразлично в каком смысле, утвердительно или отрицательно, он разрешается: и в той, и в другой гипотезе описательный анализ может с одинаковым основанием признаваться таким же специальным методом общественной науки, каким экспериментальный анализ является в большинстве неорганических наук. Только во втором предположении или предположении о недостатке социологического материала, исследователям придется, прежде всего, заняться тщательным пополнением существующих пробелов, причем, разумеется, аналитическое и сравнительное описание общественных явлений будет, на время, оттеснено на второй план простым собиранием фактов.

Итак, нисколько не предпрешая тем нашего главного тезиса, мы можем допустить, что в актив социальной науки следует, действительно, вписать почти беспримерное обилие и разнообразие наблюдений. Но тогда естественно возникает вопрос: к чему привело науку это богатство материала, или, вернее, отчего оно не привело ее ни к чему, потому что кому же неизвестно, что социальная наука (вместе с психологией) самая бедная между всеми отраслями знания, с точки зрения научного значения ее теорий и до сих пор открытых эмпирических законов.

Ближайшее, но крайне поверхностное объяснение этого факта сводится к замечанию, что всякое богатство, в том числе и богатство знания, должно рассматриваться как мертвый или несуществующий капитал, пока настоящее употребление его неизвестно, пока им не пользуются, как бы следовало. Но до самого последнего времени, очевидно, не было известно *научное назначение* общественных и психологических фактов, которые наблюдались, собирались, накапливались и, до некоторой степени, даже классифицировались в совершенно других видах, чем цели строго-научные и преимущественно в видах собственно практических. Весьма долгое время даже отдаленным образом не подозревали, чтобы могли существовать такие естественные науки, как наука об обществе и психология, науки, которые бы ни в

чем существенном не отличались от неорганических наук и от науки о жизни. Много времени спустя подобная возможность была лишь предметом смутного предугадывания или самого неясного и шаткого сознания. Сильный и полный свет был пролит на этот вопрос только в нашу эпоху, которая обязана этим в особенности Конту и его великой философской концепции.

Подобное объяснение, однако, едва ли может быть признано достаточным. Ведь оно вовсе не затрагивает вопроса о том, отчего научное назначение или употребление общественных фактов оставалось так долго совершенно неизвестным или каким образом могло случиться, что эти факты не только наблюдались и собирались, но даже иногда и глубоко анализировались и, тем не менее, все-таки оставались разрозненными, научно не координированными и не обработанными в той мере, которая была необходима, чтобы в результате получилось точное определение существующих между ними однообразных отношений или законов.

Как согласовать это кажущееся противоречие? Словом — и предположив, что обстоятельства сложились именно так — в чем следует видеть действительную причину такого положения вещей, где следует искать его естественного объяснения? На этот вопрос мы постараемся дать по возможности краткий ответ.

7. Герберт Спенсер формулирует в одном из своих сочинений следующий психологический закон: порядок, или историческая и естественная последовательность, в которой различные группы явлений сводятся нашей мыслью на однообразие отношений или закон, зависит от более или менее частой повторяемости или числа случаев, в которых однообразные отношения, проявляющиеся в этих группах, ясно и раздельно, через посредство наших чувств, становятся предметом нашего опыта. Таким образом, в любом периоде научного развития, наилучше известном среди естественных однообразий природы, постоянно будут те, которые чаще и живее всего отпечатлеваются в нашем сознании.

Нет надобности доказывать, что эта формула только переложение, на психологический язык, исторической последовательности, положенной Контом в основание классификации отвлеченных или основных наук. С первого взгляда видно, что самые общие и несложные явления — именно те, которые чаще и раздельнее обнаруживают свои внутренние однообразные отношения перед нашими органами чувств и, следовательно, перед нашим сознанием и нашей мыслью.

Но Спенсер не довольствуется этой общей, вполне совпадающей с

законом Конта формулой. Он раскладывает ее на несколько частных или, как он сам говорит, из общего начала выводит несколько производных, которые, по его мнению, ближе, непосредственнее и, следовательно, точнее объясняют исторический ход и порядок развития наших знаний. Таких начал у него шесть, и так как каждое из них оказывает свое влияние на порядок, в котором последовательно открываются законы, составляющие предмет изучения различных наук, то их можно назвать также влияниями или условиями, способствующими окончательному обоснованию каждой науки или задерживающими это обоснование.

Эти условия следующие: 1) большая или меньшая степень непосредственной зависимости нашего личного благополучия от известных явлений; 2) более или менее выдающееся положение или заметность одного или обоих явлений, среди которых нужно открыть какое-либо отношение; 3) степень безусловной повторяемости такого отношения. Есть отношения, всегда присущие явлениям, и такие, которые проявляются крайне редко; отношения, устанавливающиеся в самый короткий промежуток времени и такие, которые обнаруживаются лишь по прошествии весьма долгих периодов. 4) Относительная повторяемость отношений, которая определяется условиями времени и места, то есть ограничивается известной страной, эпохой, народностью и т. п. 5) Простота или сравнительная несложность известных явлений и их отношений. 6) Наконец, что Спенсер довольно неопределенно называет степенью отвлеченности какого-нибудь отношения, понимая под этим, что первыми объектами научного приобретения всегда являются отношения сравнительно менее отвлеченные, т. е. более конкретные или сохраняющие еще близкую связь с действительностью.

Но я думаю, что Спенсер ошибается, выдавая эти частные положения за эквивалент своей первоначальной общей формулы. Последняя, на мой взгляд, действительно совпадает лишь с тем из них, которое касается большей или меньшей сложности явлений. Относительная простота явления составляет, действительно, объективное условие, вполне соответствующее субъективному условию: повторяемости явления и живости впечатления, производимого на нас тем или другим однообразным отношением. Все остальные, перечисленные выше условия, не достигают этой психической цели, потому что будят наше сознание и поражают наш ум не отношениями между явлениями, а самими явлениями. Во всех этих разнообразных случаях, отношения, точное определение которых составляет прямую задачу отвлеченной

науки, совершенно ускользают от нашего внимания, всецело поглощенного самими явлениями или более или менее частым и заметным повторением конкретных фактов.

Сложность явления мешает ясно видеть различные его отношения к другим явлениям. Мы, таким образом, неизбежно приходим к тому, что отлично знаем известные факты и в то же время вовсе не знаем управляющих ими законов. Правильность такого заключения становится вполне очевидной по мере того, как различные критерии Спенсера прилагаются, каждый порознь, сначала к наиболее простым, а затем и к наиболее сложным явлениям.

Возьмем, например, с одной стороны, физические явления, а с другой — биологические и социальные, и последовательно сравним их между собой со всех перечисленных выше точек зрения. Чисто физические явления, как тяжесть, частичное притяжение, электричество и т. п., не могут, без очевидной натяжки и искажения прямого значения слов, быть представлены как более непосредственно затрагивающие наше личное благополучие, как являющиеся для нас более богатым источником приятных и неприятных ощущений, как более бросающиеся в глаза, как повторяющиеся более часто во всяком месте и во всякое время, наконец, как представляющие более раздельную или заметную конкретную группировку, чем состояние нашего организма, чем наши ощущения, мысли, желания и страсти (явления, которые никогда не покидают нас), чем тысячи различных интересов, борьбой которых наполнено самое первобытное общество! А между тем физика представляет науку весьма совершенную и вполне развившуюся, в то время как биология и в особенности психология и социология едва успели открыть самое незначительное количество постоянных отношений между своими столь многочисленными и разнообразными явлениями.

Но зато врачебная наука, практическая философия и рассматриваемые как искусство — социальная экономия и политика — появились и достигли процветания гораздо ранее самых простых отделов научной физики.

Отсюда я считаю себя вправе вывести заключение, что шесть частных положений Спенсера и даже его общая формула, при грубом ее толковании, не имеют ни малейшего приложения к наукам «отношений», т. е. к группам естественных законов, называемым в наше время отвлеченными науками. Зато они вполне прилагаются к наукам «фактов», наукам в прежнем значении слова, в силу которого до сих пор еще называются практические исследования в области права, ме-

дицины, технологии, политики и т. п.

Другим результатом этого краткого анализа является теоретическое оправдание высказанного выше мнения о богатстве фактами и наблюдениями, и бедности теориями и законами, которые характеризуют новую науку об обществе. Это мнение подкрепляется и поверяется одновременно и законом Конта, и шестью производными положениями Спенсера. Соединяя первый с последними, мы неизбежно приходим к заключению, настолько же, по крайней мере, достоверному, как и те начала, откуда мы его выводим: что общественные явления должны были, действительно, с одной стороны, быть всегда предметом сравнительно наибольшего числа наблюдений, а с другой — всего труднее и позднее обнаруживать однообразные отношения, служащие им внутренней или причинной связью.

Таким образом, исчезает кажущееся противоречие между гностическим богатством или обилием материала в деле построения социологии, и столь мало подвинувшейся вперед постройкой самого научного здания, поздним развитием науки об обществе. Два этих явления не только не противоречат друг другу и не исключают одно другое, как может показаться с первого взгляда, но являются неразрывно связанными между собой, предполагающими друг друга и одинаково необходимыми и естественными.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

О МЕТОДЕ В СОЦИОЛОГИИ

8. Указав в конце предыдущей главы на некоторые из причин, объясняющих современную отсталость социальных знаний, в настоящей главе я прямо перехожу к изложению главнейших доводов, на которых я основываю свое мнение об описательном характере, свойственном социологическим исследованиям.

Мы ставим здесь следующие вопросы: какую роль описание играет в науке, и что такое описательная наука? Почему социальная наука должна прибегать к описательным приемам исследования, и каким образом можно согласовать этот метод, вообще не пользующийся особенным почетом и приписываемый преимущественно наукам конкретным и прикладным, с отвлеченным характером социологических истин?

Не трудно видеть, что намеченная в первой главе основная задача социологии почти всецело содержится в этих вопросах.

Наблюдение, в обширном смысле этого слова, в котором оно является синонимом опыта вообще, составляет, бесспорно, основу всякого имеющего научный характер исследования. Явление, в целом или части, должно стать предметом наблюдения, прежде чем стать предметом анализа. Точно так же и внешний стимул должен стать объектом сначала ощущения или восприятия, а потом представления, прежде чем стать объектом наблюдения, в научном значении этого слова. Научное наблюдение, направленное на самый индивидуальный и самый конкретный факт, всегда уже нечто большее, чем этот факт, всегда уже более или менее обширное обобщение, основанное на значительном числе различных восприятий и представлений, и рассматриваемое как нераздельный или индивидуальный факт только по отношению к еще более обширным или высшим обобщениям. Каждому, впрочем, известно, что существуют наблюдения, считающиеся более общими по сравнению с другими, признаваемыми более частными.

К этой общей основе или корню всякого знания — наблюдению, естественно примыкают различные, так называемые логические методы, наведение или индукция, вывод или дедукция, приемы согласования, различения, совместного изменения, несводимых остатков и т. п. Все они являются или способами для проверки уже составленных с помощью простого наблюдения обобщений, или средствами

для достижения еще более обширных обобщений. Отсюда недалеко до заключения, что приемы или правила наблюдения должны быть одни и те же во всех науках, которые, таким образом, дифференцируются лишь более специальными методами, коренящимися в наблюдении. И такое мнение, действительно, успело установиться в той обычной логике наук, которую теперь уже позволительно считать ошибочной и отсталой.

Лучшие из современных исследователей в области научной логики вполне согласны между собой в том, что методы индукции или дедукции различаются, от одной науки к другой, несравненно меньше, чем методы наблюдения. Правила, которым должна следовать индукция, не могут быть определены специально для каждой науки, между тем как такие правила могут и должны быть установлены по отношению к наблюдению. Или, как справедливо замечает Бэн: «Наиболее важные различия в способах постановки индуктивной задачи не соответствуют различиям между отдельными науками. Возможна общая логика индукции, но не общая логика наблюдения» (Logic inductive und deductive).

Без сомнения, любопытно и в высшей степени поучительно видеть, что науки дифференцируются не на высших точках своего развития, а на низших или в своих корнях, которые, на первый взгляд, кажутся столь однородными, что, таким образом, процесс неизбежного преломления нашего знания не только начинается весьма рано, но и почти целиком совершается в основных, первичных сферах сознания. Покинув эти последние, науки уже только сближаются между собой, и соединяются двойной связью — сначала общностью методов доказательства и проверки, или логических методов, а затем и общностью практических целей.

9. Итак, на первый план выступают различия в способах наблюдения. Каждая наука имеет свои особые приемы наблюдения. Но чтобы познать и усвоить последние, нет другого средства, как обратиться к рассмотрению самих свойств изучаемых каждой наукой явлений, ведь не подлежит сомнению, что наблюдение должно служить верным отражением наблюдаемого явления или точным слепком с него. Простой вывод из этой истины, гораздо более известный, чем она сама, заключается в обычном и совершенно верном мнении, что, только действительно разрабатывая ту или другую отрасль знания, можно вполне овладеть ее специальными методами исследования.

Существуют науки, наблюдающие путем непосредственного восприятия (интуитивно), например, математика. Другие наблюдают в обыкновенном или тесном значении этого слова — астрономия. Иные

наблюдают, воспроизводя явления в ряде опытов, т. е. прибегая к экспериментации: таковы физика и химия. Существуют науки, которые наблюдают с помощью широко применяемых и особенно развитых в них приемов классификации, группировки, определения и т. п., словом, существуют науки, наблюдающие с помощью так называемого *научного описания*. Таким образом получаются науки непосредственного восприятия или аксиоматические, науки чистого или простого наблюдения, науки экспериментальные и, наконец, — равноправные с предыдущими описательные науки.

Обыкновенно, однако, эта равноправность оспаривается у наук, называемых описательными и, по большей части, действительно заслуживающих этого названия. Науки эти — говорят обыкновенно — науки конкретные, а не отвлеченные. Впрочем, исследователи, пренебрегающие описанием, как основным научным методом, и те, кто отрицает у этого способа наблюдения право доступа в высшие сферы научного отвлечения, всегда впадают в двойное противоречие, которое разделяет их на два явно враждебных, чтобы не сказать — непримиримых лагеря.

Одни ясно видят, что такие науки, как наука о жизни, например, или наука об обществе, могут быть только науками отвлеченными или теоретическими. Поэтому, желая быть последовательными, отрицают у них характер описательных наук, т. е. лишают их единственного орудия, которое специально приспособлено к предстоящей им работе, и без которого последняя не может быть успешной или производительной.

Напротив того, другие — а их число постоянно растет, и в рядах их можно насчитать значительные философские и научные авторитеты — все более и более склоняются к признанию невозможности изгнать описательные приемы из органических и общественных наук, не обрекая их на полнейшее оцепенение. Но разделяя обычное предубеждение против совместимости описательных приемов с отвлеченным характером исследования, сторонники описания в биологии и социологии выходят из затруднения, извращая истинный характер этих двух наук, т. е. представляя их конкретными науками.

Ранее уже было замечено, что различные науки, что касается собственных им специальных методов исследования, образуют не изолированные, самостоятельные единицы, а группы, соединяющие в себе одновременно несколько наук. Я указал также, что эти группы заключают в себе науки, непосредственно следующие друг за другом в классификации знания, основанной на начале убывающей общности и

возрастающей сложности явлений. Таким образом, возникает и группа описательных наук. Она состоит из отраслей знания, пользующихся существенно одинаковыми способами наблюдения — научным описанием явлений, и охватывает собою две области, непосредственно соприкасающиеся в классификации наук — биологию и социологию.

10. Но возвратимся к описанию, как методу научного открытия. Говорим — открытия, а не доказательства, и по этому поводу заметим, что в данном основном характере описания нужно, без сомнения, видеть одну из причин, почему господствующая до сих пор формальная логика всегда обращала так мало внимания на описательные приемы, несмотря на их огромное значение для целой категории наук. Формальная логика имеет дело преимущественно с методами научного доказательства, и систематически оставляет в стороне несравненно более важные методы научного открытия. Но это исключение основных методов открытия из области логических исследований оказало, как кажется, немалое влияние на большинство писателей по вопросам научной методологии, побудив их положить в основание классификации наук начала логики научного доказательства, т. е. начала, общие всем наукам и служащие им скорее связью, чем источником различия.

Описание в науках органического мира, который заключает в себе и мир общественных явлений, не что иное, как наблюдение, но наблюдение уже несколько видоизмененное или получившее дальнейшее развитие. Точно так же и опыт, или экспериментация, в науках неорганического мира есть, без сомнения, наблюдение, но наблюдение особого рода, обставленное или обусловленное иначе, чем наблюдение, к которому прибегает астрономия, или непосредственное восприятие, имеющее место в математике. Можно сказать также, что описание — это дополнение к наблюдению в чистом его виде. Дополнение, в некоторых науках только полезное, а в других — прямо и положительно необходимое. Но лучше всего представить себе описание как особую ступень или подготовительную фазу в научной работе, как посредствующее звено в процессе идеализации или отвлечения от мира реальных явлений, процесс, который составляет сущность научного исследования и имеет целью открытие все более и более общих и отвлеченных законов природы. В этом смысле можно приравнять наблюдение к работе, которая в промышленной эконо-

мии помогает добывать первоначальный материал или сырой продукт, а описание — к дальнейшей обработке, которая хотя и не придает продукту его окончательной формы, но уже подвергает его глубокому изменению.

Коренные особенности биологических и социальных явлений обусловливают необходимость их предварительной подготовки или обработки, занимающей середину между голым наблюдением и последними усилиями отвлечения и анализа. Точно таким же образом специальная квалификация физических и химических явлений обусловливает необходимость специальной, предварительной их обработки, достигаемой путем искусственного воспроизведения явлений или экспериментации. Не подлежит также сомнению, что необыкновенная простота явлений небесной механики вместе с особыми условиями, в которые поставлен наблюдатель в этой области, составляют единственную причину, почему астрономия не нуждается, или нуждается очень мало, в такой посредствующей или подготовительной фазе научной работы, какая, безусловно, необходима во всех следующих науках и принимает в них две указанные выше типические формы. Астрономия уже в первой фазе научного процесса может придать своим заключениям всю желательную, если можно так выразиться, степень научной отделки. То же самое, но еще в большей степени, справедливо и по отношению к математике, в которой наблюдение уже совершенно обнажается от всех более сложных логических атрибутов, чтобы явиться в простой и основной своей форме, как так называемое непосредственное восприятие.

Для того, чтобы избежать недоразумения, я должен, однако, добавить, что выставляя описание специальным методом биологии и общественной науки, а экспериментацию — таким же методом физики и химии, я имею в виду лишь значительное преобладание в той или другой научной группе того или другого разряда методологических приемов, а не такое полное и нераздельное их господство, которое было бы сопряжено с совершенным исключением из одной группы приемов и способов наблюдения, свойственных другой группе. Не подлежит сомнению, что нет такого научного исследования, которое на всех стадиях или на всех ступенях своего развития могло бы вовсе обходиться без помощи описательных приемов, как нет и не может быть науки, в которой бы экспериментация, или опыт в тесном смысле слова, не мог завоевать себе хотя бы самое скромное место.

11. Один общий эмпирический закон — психологическая поверка которого, впрочем, не может представить затруднений — управляет применением и ограничивает роль описания в различных науках.

Согласно этому обобщению, роль описания в данной науке — а равно и во всем иерархическом ряде — расширяется, и значение этого метода усиливается по мере того, как явления, подлежащие нашему исследованию, становятся все более и более сложными. Новая предварительная или подготовительная фаза научной обработки становится необходимой всякий раз, когда исследование касается явлений, анализ которых или разложение на составные элементы представляет, в конечной инстанции, значительные или даже непреодолимые трудности. Это, как мне кажется, понятно и, подобно аксиомам, не нуждается в доказательстве, так как вполне согласуется со всем, что каждый из нас знает эмпирическим путем о человеческой природе и свойствах человеческого ума.

В науках наиболее простых явлений можно легко обойтись без описания последних — описания, имеющего значение самостоятельной подготовительной научной работы. Наблюдение, эта первая, основная ступень научного труда, уже выполняет здесь назначение описания в научном смысле слова. Конкретные явления тут так просты, одно явление так похоже на другое и так мало от него отличается, что здесь одно наблюдение равносильно целому длинному их ряду в науках высшего порядка или изучающих более сложные явления. Таким образом, науки более простых явлений представляют, по сравнению с науками более сложных явлений, лишь весьма ограниченное поле для регистрации, координации и классификации наблюдений. А эта регистрация, координация и классификация, основанные на точном и подробном анализе обнаруживаемых явлениями сходств и различий, и составляют собственно то, что называется научным описанием явлений.

Отсюда вытекает второе, производное из первого правило или обобщение, которое может быть сформулировано так: необходимость научного описания возрастает пропорционально количеству (конечно не абсолютному, а относительному) наблюдений в данной науке. Другими словами, чем более наука вынуждена умножать и разнообразить свои наблюдения, тем более она видит себя в необходимости распределять явления в известном порядке, различать их между собою, определять и классифицировать, одним словом — описывать явления.

12. Простая, по преимуществу, наука механики есть всецело наука наблюдательная. Опыт в строгом смысле слова ей неведом. Да и делаемые в ней — по отношению к каждому отдельному явлению — наблюдения гораздо менее многочисленны и разнообразны, чем

наблюдения, производимые во всех прочих науках¹. Наблюдение и описание сливаются здесь в один процесс, как производство в наиболее простых видах промышленности.

Непосредственно высшие науки — физика и химия — уделяют и соответственно больше места совокупности подготовительных приемов, называемых нами научным описанием. Номенклатура в химии представляет тому лучший пример. Данная номенклатура — не что иное, как форма описания, свойственная химии. Очевидно, на самом деле, что химическая номенклатура есть классификация, своеобразно обоснованная и превосходным образом приспособленная к специальным нуждам и требованиям химии. В этой группе наук, впрочем, простое наблюдение отходит на второй план, уступая главное место производству искусственных опытов, экспериментации.

Экспериментация представляет наиболее действительное средство для сокращения длинного пути, который, без ее помощи, пришлось бы проходить целиком с обыкновенным наблюдением как единственным путеводителем. В этом отношении экспериментация сходится в известной степени с описанием, прямое назначение которого состоит также в искусственном облегчении труда, превышающего обыкновенные силы человеческого ума. Производство опытов легко совместимо с описательными приемами, но в большинстве случаев оно, очевидно, исключает последние по той простой причине, что само служит им выгодной заменой. Отсюда вытекает такое правило: чем возможнее в данной науке производство опытов, тем менее необходимо в ней описание. Впрочем, как это видно на примере химии и некоторых частей физики, все еще иногда прибегающих в своих исследованиях к чисто описательным приемам, последнее правило имеет лишь второстепенное и условное значение. Оно ни в коем случае не может нейтрализовать действие общего закона, относящегося к большей или меньшей сложности явлений.

¹ Кажущееся исключение представляют некоторые части астрономии; тут наблюдения, хотя и не могут считаться разнообразными, так как они всегда относятся к одной и той же стороне наблюдаемого явления, однако бывают иногда крайне многочисленны. Между тем, в астрономии ровно ничего описывать в научном смысле слова: так несложны астрономические явления и до такой степени каждое из них лишь точное повторение всех других. Тут, таким образом, вполне подтверждается указанный выше основной закон или главное правило. Однако побочное правило, по-видимому, здесь уже не имеет применения. Было бы слишком долго, но не слишком трудно объяснить это исключение, т. е. показать, что оно несколько не подрывает теоретического значения или силы нашего второго правила.

В биологии с ее необыкновенно сложными явлениями мы вступаем в настоящее царство описания, как научного метода. Тут вся наука, с начала до конца, по преимуществу описательна. И это становится весьма понятным, если принять во внимание, что в этой области знания, упомянутые выше, — общий и два производных закона — соединяются для произведения одного и того же результата. Мы имеем здесь дело с чрезвычайным усложнением явлений, которое, с одной стороны, ведет к необходимости бесконечного умножения в каждом данном случае самого числа наблюдений, а с другой — крайне затрудняет производство правильных опытов. Опыты возможны в биологии и даже социологии, но и в той, и в другой они лишь в весьма редких случаях имеют решающий характер. В этих науках слишком трудно изолировать одну или несколько причин от всех остальных, от бесчисленных посторонних вмешательств и влияний.

Поэтому в биологии наблюдение составляет единственно возможное основание, настоящий фундамент, краеугольный камень всего научного здания. Опыт, в точном значении слова, является в биологии лишь одной из самых сильных опор здания. А приемы научного описания — это те вспомогательные леса, без помощи которых здесь и думать нельзя вывести само здание или достигнуть высших отвлечений или идеализаций, называемых естественными законами.

Все сказанное о биологии может быть повторено и по отношению к социологии. Что справедливо о биологических методах, должно в одинаковой степени быть справедливым и относительно социологических методов уже вследствие тождества или, по крайней мере, близкого сходства объективных условий, характеризующих оба ряда явлений.

Последнее соображение побуждает нас остановиться несколько дольше на биологии, чтобы на ее примере выяснить ложность некоторых довольно распространенных взглядов на значение, которое следует придавать описательным приемам в области органических наук вообще. Замечания, которые нам придется сделать по этому поводу, естественно приведут нас к имеющему общее философское значение вопросу о том, что следует понимать под *конкретной наукой*. Не считаются ли ныне конкретными, между прочим, вследствие неправильного и основанного на ложной аналогии расширения законного смысла этого термина весьма часто и такие науки, которые, в сущности, только *описательные*? Данный вопрос мы рассмотрим в следующей главе.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

АБСТРАКТНЫЕ И КОНКРЕТНЫЕ НАУКИ

13. Благодаря сбивчивости понятий и неустановившейся терминологии, о научном характере биологии преобладают совершенно извращенные представления. Наперекор основным началам всякой рациональной классификации, значение конкретного знания было придано в биологии сначала тем ее отдела, в которых описательные приемы достигли заметного перевеса над другими методами исследования. Но затем тот же характер был признан и за всеми остальными частями науки, так что вскоре вся биология была включена в разряд конкретных наук. Именно такого взгляда стали придерживаться наиболее последовательные умы.

Распространение на весь состав науки конкретного характера, приданного сначала только некоторым ее частям, было неминуемым логическим последствием не исправления первоначально допущенного и затем все более и более укоренявшегося ошибочного взгляда. На этой-то ошибке мы здесь и остановимся. По нашему мнению, упомянутые выше части биологии — естественная история с подразделениями ее на ботанику, зоологию и т. д. — никогда не были и не будут конкретными знаниями или частями, отрывками, зачатками будущей конкретной науки. Эти подробные описания растительных и животных видов, с тщательно выработанными приемами определения и классификации, не что иное, как сама биология — наука вполне отвлеченная, но только биология в ее элементарном виде, ее подготовительной фазе развития. В генезисе или истории зарождения, а затем и в истории развития каждой несколько сложной отрасли знания мы постоянно встречаемся с таким правильным научным наслоением, в котором нижняя формация, или первые слои, постепенно покрываются верхними, не растворяясь в них и не поглощаясь ими.

Первые наблюдения, всегда более поверхностные, вырабатываются при помощи первых описательных усилий ума. За ними, но не всегда на смену им, следуют более глубокие наблюдения, анализирующие явление с внутренних, скрытых сторон и часто сами уже составляющие обширные обобщения. Эти наблюдения становятся, в свою очередь, предметом новой описательной обработки, строго согласующейся с изменившимся характером научного материала и образующей как бы новый слой знания, новую формацию в науке. Так, например, за естественной историей отдельных видов следуют сравнительная анатомия и физиология растений и животных. Но нужно

ли настаивать на истине, очевидной для каждого, кто когда-либо открывал учебник общей и сравнительной анатомии, физиологии или патологии, на истине, что все эти, признаваемые абстрактными отделы биологии, с самого своего начала и до конца, имеют характер описательного знания не меньше, чем ботаника, зоология или анатомия, физиология человека и вообще всякого, взятого отдельно естественного вида. Но только с тем, методологически не существенным различием, что в одном случае описание направлено на позднее открытые признаки, менее очевидные, более постоянные и уже являющиеся результатом многих предварительных анализов и обобщений, а в другом — на признаки, с первого взгляда приковывающие внимание, более поверхностные или даже чисто внешние, крайне разнообразные, изменчивые и вообще составляющие результат первых робких попыток обобщения или сведения к нескольким общим формам и типам бесконечного разнообразия явлений органического мира? Правда, можно сказать, что в последнем случае описательный анализ не идет далее конкретных форм, называемых органами индивида, и часто даже останавливается ранее, на самих агрегатах, называемых индивидами. Но разве описываемые абстрактной биологией ткани, распадающиеся на клеточки, которые, в свою очередь, сводятся к элементам и т. д. до гипотетических атомов, не представляют непрерывной цепи конкретных существований или агрегатов, которых нельзя назвать иначе, как индивидуальностями, в научном смысле этого слова? И где же тут может быть установлено действительно объективное различие, проведена твердая логическая грань? Нет, различные материалы, которые служили и служат до сих пор построению абстрактной биологии, могут так и считаться материалами; им можно отказать в значении самостоятельной отрасли знания, но нельзя, логически, превратить их в конкретную науку. Как материалы, так называемые описательные естественные науки, прямо входят в состав абстрактной биологии? Уж, конечно, не от них, а разве только от этой последней, можно рационально ожидать когда-нибудь средств и данных, необходимых для научного синтеза жизни и для создания, если это окажется возможным или нужным, конкретной биологии в том смысле, который придается выражению «конкретная наука» в философской классификации человеческого знания.

Смешение, неизбежно вызываемое в уме неправильным употреблением термина «конкретная наука» для обозначения простых материалов отвлеченной науки, настолько велико, что лучшие исследователи в области научной логики пришли, наконец, к простому отрицанию самой возможности абстрактной науки о жизни. Так, например, Бэн в своем трактате об индуктивной и дедуктивной логике положительно утверждает, что «абстрактная наука биологии едва ли может

существовать». «Законы жизни, — поясняет он, — не могут быть определены одним общим и однообразным способом для растений и животных. Самое большое усилие, на которое способен наш ум по отношению хотя бы только к приблизительному различению абстрактной биологии от конкретной, заключается, по-видимому, в проведении грани между физиологией животных и растений, с одной стороны, и описанием и подробной классификацией тех же самых растений и животных — с другой». Иными словами, по мнению Бэна, лишь результаты биологии могут считаться абстрактными; что же касается самой науки или ее материалов, то они конкретны. Но если в этой фразе слово «биология» заменить словом «наука» или обобщить мысль Бэна, которая, к сожалению, как нам кажется, является лишь отголоском общего мнения в этом вопросе, то мы неизбежно придем к несколько неожиданному заключению, что все научные законы абстрактны, а все науки — конкретны.

14. Одно обстоятельство в особенности, как кажется, содействовало распространению заблуждения, против которого мы здесь восстаем: именно обстоятельство, что нижний слой или первые описательные попытки в области биологии сохраняют свое значение до сих пор и, по-видимому, сохранят его навсегда и останутся в науке наряду с верхним слоем, высшей формой научной обработки явлений жизни. Между тем, ничего подобного не происходило в других отраслях знания, несмотря на то, что и в них первые шаги имели, до некоторой степени, тот же описательный характер. Однако здесь эти описания частью совершенно смешались с разнородным материалом, составляющим содержание отвлеченной науки и, войдя таким образом в состав последней, послужили ей основанием для последующих, более выработанных теорий, частью же совершенно исчезли из преподавания и научной традиции, как ненужные более для дальнейших успехов науки.

Из этого различия между неорганическими науками и наукой о жизни, не объяснив себе надлежащим образом его причин, обыкновенно спешат вывести заключение, что не вошедший в отвлеченную науку описательный остаток или «реликват» биологии составляет именно то, что нашум, в силу своей склонности к симметрии всякого рода, всегда и всюду старается противопоставить отвлеченной науке: т. е. составляет науку конкретную. При этом, однако, совершенно забывают, что переходя от наук неорганических к науке о жизни, мы вместе с тем вступаем и в новую область, обставленную новыми, ей одной свойственными условиями, причем и видимое различие, о ко-

тором идет речь, более чем уравнивает сходимостью, коренящимся в глубине вещей.

В науках неорганического мира описание играет второстепенную, подчиненную роль; настоящее орудие этих наук или метод, который ведет здесь к научным открытиям, — это производство опытов. И потому мы никогда не видим, чтобы «решающий задачу» опыт в физике или химии исчезал бесследно или выбрасывался из состава отвлеченной науки. Опыты Торичелли или Гальвани, Лавуазье или Дюма имеют одинаковую долговечность с истинами, внесенными этими опытами в науку. Но не трудно также понять, что по своему существу или отличительным особенностям физические или химические опыты не представляют собою материала, пригодного для составления обзоров или собраний теорий и фактов, отличных от тех отвлеченных истин, из которых состоят соответствующие теоретические науки.

Иное мы видим в науках органической природы, заключающей в себе два порядка явлений: порядок жизни и порядок общества. Действительно, раз допустив, что описание заменяет, в огромном большинстве случаев, прямое производство опытов или, другими словами, составляет специальное орудие исследования или настоящий метод этих наук, уже легко будет самым характером описательных приемов объяснить образование тех обзоров, классификаций, собраний фактов и наблюдений, которые накапливаются на пороге отвлеченной науки, по мере их выделения из последней. Что является, в свою очередь, верным признаком того, что наука сделала новый шаг на пути отвлечения или открытия общих законов, управляющих явлениями.

Таким образом, объясняется необходимость научного наслоения, о котором шла речь выше и которое имеет неоспоримую философскую важность по отношению к наукам органической природы. Как и объясняется, в частности, и одновременное существование исторических наносов, наглядно свидетельствующих как о необыкновенных затруднениях, сопряженных с исследованием крайне сложных явлений жизни и общества, так и о значительных победах, уже одержанных научной мыслью над этими затруднениями. Такого рода наносами являются: самая древняя «формация» в области биологического знания — естественная история, как она понималась еще у греков и римлян, и новейшие образования — анатомия и физиология отдельных естественных видов, палеонтология, антропология и т. п. А в другом порядке явлений и истин — политическая география, статистика с демографией, антропология, рассматриваемая с социальной точки зрения или как биологическая основа социологии, история и фило-

софия истории, политика, политическая экономия, право, наука о языке и т. д.¹

15. В основании всякого заблуждения лежит или произвольное наведение, или неправильный силлогизм. Но мнение, будто зоология и ботаника (и вообще всякая описательная наука) — конкретные науки, основано не на наведении из фактов, а на логическом выводе из посылок, признаваемых обычно за вполне достоверные. Относящееся сюда рассуждение принимает приблизительно следующую форму: всякая отвлеченная наука дополняется соответственной конкретной наукой. Конкретную форму жизни составляют растение и животное, поэтому науки, описывающие выдающиеся признаки этих конкретных явлений, сами конкретные науки. Но в этом рассуждении все одинаково неверно: и посылки, и заключение.

Конкретная наука — это синтетическая наука, задающаяся целью воссоединить вновь то, что было предварительно разрознено аналитическими или отвлеченными науками. Я говорю науками, а не наукой, потому что это различие имеет в данном случае огромное значение. Действительно, какой смысл может иметь воссоединение или синтез того, что было отвлечено, анализировано одной абстрактной наукой? Можно ли восстановить самое простое конкретное явление с помощью одного, хотя бы и основного свойства вещества? Для самого простого синтеза в области конкретной мысли, очевидно, необходимы, по крайней мере, два элемента, два основных свойства из числа исследуемых различными отвлеченными науками. Поэтому, строго говоря, не может существовать ни конкретной физики, ни конкретной химии или биологии, или социологии; и в действительности такие науки никогда не существовали.

Правда, каждая основная или отвлеченная наука распадается на несколько отделов или подразделений. Отсюда легко вывести заключение, что в области одной и той же основной науки возможны внутренне, так сказать, синтезы, что здесь можно попытаться восстановить одно конкретное целое явление, изучавшееся с различных точек

¹ Очевидно, впрочем, что кроме указанной здесь общей причины существуют и многие другие, побуждающие тщательно сохранять, постоянно пересматривать, дополнять и исправлять прежние описания и обозрения в области биологии и социологии. Многообразие и разнообразие естественных видов, например, является одним из самых настоятельных поводов к постоянному изменению и исправлению существующих классификаций растений и животных. С другой стороны, и разнообразные требования практики, часто не имеющие ничего общего с нуждами науки, также побуждают сохранять и улучшать эти беспрерывно исправляемые объемистые словари, если можно так сказать — эти обширные *in folio* живой природы.

зрения каждым из разветвлений отвлеченной науки. Что это возможно, в этом нельзя сомневаться, но что в основе такой возможности лежит характерная иллюзия ума, это, как мне кажется, может также быть легко доказано. На самом деле, образованный таким путем синтез до такой степени отождествляется с точкой исхода абстрактной науки, что здесь в сущности за конечный синтез выдается сама эта исходная точка. Научным синтезом в этом случае называется конкретное явление в том самом виде, в каком оно представлялось взорам первых наблюдателей, было ими описано. Это вполне очевидно по отношению к ботанике и зоологии и, хотя не так ясно, но все-таки справедливо и по отношению к большей части других описательных наук. Не следует забывать, что всякое деление и подразделение отвлеченного знания есть лишь проведение совершенно идеальных линий, что ни одна часть отвлеченной науки никогда не теряет из виду тех конкретных явлений, анализ которых составляет ближайшую цель всей науки. Что же дает в результате всякий так называемый синтез, не выходящий из круга одной науки? Не приводит ли он, по крайней мере, к целостному, синтетическому представлению основного свойства, анализируемого отвлеченной наукой, например, к представлению общего свойства жизни как совокупности или единства частных свойств сокращаемости тканей, усвоения питательного материала, нервной деятельности и т. д.? Но нет надобности доказывать, что такой синтез жизни составляет лишь конечную цель отвлеченной науки о жизни и лежит, следовательно, еще в пределах последней. Таким образом, переходя от точки исхода к конечной цели абстрактной науки, мы постоянно колеблемся между обоими полюсами абстрактного знания, но не выходим из области отвлеченной науки и не вступаем в область конкретной науки.

Существенно отличается от предыдущего тот случай, когда две или несколько отвлеченных наук направляют добытый каждой из них в отдельности свет на одну и ту же точку объективной действительности, которую они и ставят в фокусе своих комбинированных лучей. Вот этот-то новый и, несомненно, синтетический свет мы и называем конкретной наукой.

Есть один весьма верный критерий для отличия действительно конкретной науки от науки описательной или вообще от начальной фазы всякой отвлеченной науки. Синтез, преследуемый конкретной наукой, никогда не совпадает ни с точкой исхода, ни с конечной целью соединяемых для образования конкретного знания отвлеченных наук. Каждая из последних отправляется от особой и различной сово-

купности фактов, от эмпирической «связи» явлений, которая обнаруживает преобладание одного какого-нибудь несводимого свойства и имеет конечной целью отвлеченное или изолированное познание этого самого свойства. Но преследуемый конкретной наукой синтез никогда не вмещается в тех же самых или даже вообще в столь же тесных пределах. Укажем, в виде примера, на геологию, представляющую настоящий тип конкретной науки. Геология не есть ни конкретная физика, ни конкретная механика или химия, или биология, но она обязана своим происхождением и существованием большей части этих наук. Она имеет своим предметом и целью познание или объяснение объективного синтеза, каких в действительности очень много, но который представляет ту особенность, что он не составляет ни точки исхода, ни конечной цели какой бы то ни было общей или отвлеченной науки. Этот пункт имеет существенное значение в нашем определении конкретной науки. Такая наука должна удовлетворять двум условиям: ее предметом не должен быть ни исходный, ни конечный синтез какой бы то ни было отвлеченной науки. Она должна изучать этот предмет, соединяя результаты, добытые несколькими отвлеченными науками. Таким путем она открывает законы особого рода, составляющие как бы «равнодействующие» законам отвлеченных наук. И это одинаково справедливо как в том случае, когда конкретная наука находит свои законы эмпирическим путем или с помощью обыкновенной индукции, так и тогда, когда она рядом дедуктивных рассуждений выводит их из элементарных законов отвлеченных наук. Конкретные науки — всегда исключительно науки «продуктов», а не факторов или элементов, и только в этом смысле они и могут называться синтетическими, в противоположность аналитическим или отвлеченным наукам.

Из двух только что указанных условий, которым всегда должна удовлетворять конкретная наука, первое очевидно уже содержит в себе и подразумевает второе. Реальный или объективный мир представляет не элементы или факторы, а материальные агрегаты, группы качеств или свойств, частные объективные синтезы. Как абстрактные, так и конкретные науки не могут, следовательно, иметь дело с чем-либо иным, кроме таких групп или агрегатов. Но для проведения строгой черты разделения между этими двумя родами знания недостаточно сказать, что аналитическая наука отвлекает от изучаемых ею специальных агрегатов известные элементы или свойства. И конкретная наука, со своей стороны, также постоянно обобщает и в конечном результате получает лишь одни идеальные существования или отвле-

чения. Только при этом она всегда имеет дело с агрегатами агрегатов, то есть с естественными сочетаниями (имеющими самостоятельное объективное существование) уже исследованных и анализированных абстрактными науками соединений. Но агрегат агрегатов, как всякое целое, разложимое на части, очевидно, не может заключать в себе элементов или факторов, не содержащихся предварительно в тех частных агрегатах, из которых он сам составлен. Так что конкретная наука есть, в сущности, лишь та связь, посредством которой несколько абстрактных наук скрепляются и соединяются между собой для достижения той или другой специальной научной цели. Вот почему мы и говорим, что второе из двух условий всякой конкретной науки есть необходимое следствие первого, которое и должно, прежде всего, приниматься в расчет при определении того, есть ли данное знание действительно конкретное или оно только кажется нам таким.

Между тем во внимание в этом случае обычно принимается лишь второе условие. Конкретную науку видят всюду, где только предполагается или действительно замечается взаимное содействие нескольких отвлеченных наук. При этом нисколько не уясняют себе, имеем ли мы дело с частным синтезом, вполне и со всех сторон рассмотренным и, так сказать, уже исчерпанным одной из абстрактных наук, или же, напротив того, нам приходится наблюдать и анализировать новый, более обширный синтез, неизвестное целое, составленное из известных частей, подвергая его новым опытам, если это возможно, или просто описывая его, если, по обстоятельствам случая, экспериментация оказывается неприменимой. Следование по этому ложному пути неизбежно приводит к тому, что почти в каждой из абстрактных наук видят науку конкретную, или же, что еще хуже, к тому, что в каждой отвлеченной науке различают две части: одну, совершенно пассивную, никогда не встречающуюся лицом к лицу с внешней природой, которую она вовсе не изучает, не имеющую ни собственного метода или своих особенных приемов исследования, ни деятельности, ни жизни — род архива, куда складываются результаты, добываемые с большим трудом и усилиями второй частью. Именно эта часть и является деятельной и живой, только она и становится ежедневно на очную ставку с естественными агрегатами, ею различаемыми и анализируемыми, только она и экспериментирует, описывает, заблуждается, исправляет свои ошибки, открывает, обобщает и несет свои результаты в упомянутый выше архив, незаконно присваивающий себе в текущей терминологии принадлежащие ей одной название и права отвлеченной науки.

16. В основании рассматриваемого заблуждения лежит ошибочное определение конкретной науки, в свою очередь объясняемое чересчур абсолютным противоположением понятий конкретного и абстрактного, как признаков, характеризующих различные роды знания. Ничто в действительности не оправдывает такой строгой антитезы, и ничто в различных родах знания не соответствует такой чисто фиктивной противоположности. Самая отвлеченная наука, раз она основана на апостериорном методе, может изучать, классифицировать, описывать, подвергать разнообразным опытам и в конечном результате анализировать лишь естественные агрегаты или конкретные существования. И если возражают, что она поступает таким образом, имея единственной целью — отвлечение от этих агрегатов общих законов, то на это следует ответить, что и наиболее конкретная наука не может иметь иной цели, как отвлечения от изучаемых ею фактов тех или других общих и постоянных отношений. Если же хотят сказать, что абстрактная наука, в противоположность конкретной, рассматривает всегда известные свойства вещества, вполне изолируя их от всех других, то на это следует ответить, что истинная цель всякой отвлеченной науки прямо противоположна цели, подразумеваемой обычной фразой об изолировании одного свойства от всех прочих.

Особая отвлеченная наука возможна и необходима всякий раз, когда мы встречаемся со свойством материи, которое не сводится без остатка на какое-либо другое или, если и сводится, так единственно с помощью гипотезы, не подлежащей проверке. Но если несомненно, что наука не может обойтись без анализа объективного агрегата, т. е. без превращения его в ряд отвлечений, имеющих реальное существование только в нашем уме, и если неоспоримо, что каждая отвлеченная наука дифференцируется от всех других тем особенным и высшим отвлечением, которое соответствует новому и еще неисследованному какой-либо отрасли знания свойству, то, с другой стороны, совершенно ясно и то, что единственной целью отвлеченной науки может быть только открытие необходимых и постоянных отношений, существующих между таким новым и всеми другими свойствами объективной действительности.

При этом, конечно, я нисколько не отрицаю необходимости и важности обычного изолирования фактов, к которому каждая наука прибегает в своих попытках распутать конкретные узлы явлений. Это изолирование — необходимый постулат всякого мышления, и без него не может обойтись ни конкретное, ни абстрактное знание. Всякая идея или представление, как справедливо говорит английский писа-

тель Бэджгот, есть не что иное, как конкретный факт или ряд фактов, минус что-то, что выбрасывается или исключается из реальной действительности. Факт или ряд фактов даны природой, но что и сколько нужно выбросить из реального факта, что и сколько нужно сохранить в нем для целей науки — определяется каждый раз самим исследователем. Я готов также признать верность делаемого Бэджготом сравнения открытия закона природы с открытием преступления: в одном случае задерживается заподозренное лицо, а в другом — изолируется заподозренная причина. Но в обоих случаях этот прием является только первым, предварительным шагом, только временной, мимолетной мерой: следователь должен спешить к очной ставке с другими лицами, а исследователь — к очной ставке с другими причинами и явлениями. Само выражение «изоляция» дает повод к многочисленным недоразумениям и ведет к ложным представлениям о сущности научного процесса. Многие в настоящее время так же склонны верить в силу и научное значение «изоляции», как великий канцлер королевы Елизаветы верил в свое время в силу и научное значение простого собирания фактов. Лучшим примером тому служат экономисты, все еще льстящие себя надеждой создать свою науку путем простого изолирования стремления человека к наживе от всех других его стремлений и влияний, которые, на языке научной логики, называются «посторонними». Однако эти влияния, на самом деле, столь мало посторонние, что до полного их исследования и точного установления их отношений к эгоистическим побуждениям политическую экономию едва ли можно будет считать положительной наукой. Ньютон сделал свои открытия не потому, что изолировал притяжение, а потому, что связал его со всеми известными ему количественными свойствами и явлениями вещества, и этой связью, этим рядом отношений объяснил множество фактов, остававшихся необъясненными прежними гипотезами. Сказать, что была такая минута в процессе ньютоновской мысли, когда притяжение явилось в его уме одиноким звеном, без всякого отношения к другим свойствам и явлениям действительности, значит сказать, что Ньютон подчинился присущим человеческой мысли ограничениям и недостаткам. Но видеть в изолировании, этом простом акциденте или вспомогательном средстве научной мысли главную причину и прямой источник успехов человеческого знания, представляется столь же разумным, как если бы кто-то в перьях и бумаге, без помощи которых не может обойтись ни один писатель, усмотрел причину успехов литературы. Центр тяжести научного процесса лежит не в том или другом, внутреннем или

внешнем приурочении или приспособлении исследователя к трудностям своей задачи, а в бесконечном и разнообразном сочетании фактов и признаков, причин и следствий, с целью открытия постоянных и однообразных отношений между различными свойствами вещества. Эта-то высшая цель знания и представляет единственное основание для взаимной зависимости различных наук и рациональной их классификации в иерархическом порядке.

Физик изучает физические свойства не с исключением всех других свойств материи, а скорее исключительно с точки зрения однообразных и постоянных отношений, открываемых наблюдением между одной категорией естественных свойств и всеми другими. Но в числе результатов исследований физика одним из первых и весьма важных делает открытие, что физические свойства относятся, так сказать, «безразлично» к более сложным и менее общим свойствам вещества, каковы химические, жизненные и т. п., или, другими словами, что здесь существует лишь одно общее и всегда неизменное отношение. Физик, следовательно, вполне прав, оставляя все эти свойства в стороне, игнорируя их и ограничиваясь свойствами, представляющими более чем одно отношение в связи с физическими свойствами. Таковы количественные или математические свойства — пространство и число. Поэтому физик задается целью найти отношения, существующие между физическими свойствами и свойствами протяжения (расстояние, движение и проч.) и числа (масса и т. п.).

Но отсюда вытекает одно важное последствие. Исследователь физических явлений не встречает надобности в специальном изучении химических тел (за исключением небольшого числа случаев), органических тканей или союзов живых существ. Он наперед знает, что физические свойства дают начало совершенно тождественным и неизменным явлениям и тогда, когда они неразрывно соединены с химическими свойствами, и тогда, когда они связаны с жизнью или общественностью. Причем сложность агрегатов, в которых совмещаются все эти свойства, может быть только серьезной помехой для его собственных исследований. Поэтому он благоразумно и с чутким пониманием практических трудностей, неразлучных со всяким научным анализом, ограничивается исследованием естественных агрегатов, представляющих, по большей части, лишь простое соединение физических свойств со свойствами протяжения и числа. Но эти агрегаты он уже изучает вполне, со всех сторон, и я не думаю, чтобы затем предстояла еще какая-нибудь надобность в изучении тех же самых агрегатов в какой бы то ни было конкретной науке. Конечно, те же агрегаты

могут снова появиться в одной из конкретных наук как существенные составные части более обширных или сложных агрегатов, исследование которых составляет специальный объект конкретной науки. Но здесь они не подвергнутся «переизучению» или вторичному анализу, а будут лишь, употребляя термин, заимствованный у логики, «соотмечены» или «коннотированы», что уже вовсе не то же самое и без чего не может обойтись, по отношению к предмету ближайших к ней отраслей знания, ни одна отвлеченная наука.

То же можно сказать и о химии, биологии, социологии. Химик должен проникнуться сознанием, что его целью должно быть исследование химических свойств не самих по себе и независимо от всех других свойств изучаемых им тел, а в их различных постоянных отношениях к этим свойствам. Подобно физику, он начинает с открытия, что химические свойства относятся вполне безразлично к более частным и сложным свойствам вещества, называемым жизнью и общественностью. Вследствие этого, он совершенно исключает жизнь и общество из своей специальной области, вводя в нее тотчас же, напротив того, представления числа, протяжения, массы, расстояния, веса, теплоты, света, электричества и т. д. По той же причине, он изучает основательно и со всех сторон известные агрегаты — естественные и искусственные химические соединения — которые, по его мнению, лучше других могут служить для открытия искомых отношений. На этом пути он доходит до элементов и органических тканей, включая и их в область своего исследования. Однако он останавливается перед агрегатом, называемым органом, который не может научить его ничему, чего бы он уже не знал. Биолог находится в существенно одинаковом положении: он изучает известные естественные агрегаты, клеточку, ткань, орган, растительные и животные особи с единственной целью — вывести тайну однообразных и постоянных отношений, связывающих свойство, которым они одарены — жизнь, с прочими свойствами материи. Но слишком очевидно, что агрегат, называемый обществом, точно так же, как агрегат, называемый минеральной породой или кристаллом, не может научить его ровно ничему в этом отношении: поэтому он одинаково исключает из своей программы оба разряда явлений. Как нельзя более ясно, наконец, что невозможно, не впадая в очевидный абсурд, видеть в социологии что-то иное, кроме исследования отношений общественности к остальным свойствам в природе или, другими словами, ясно, что невозможно изучать общество, изолируя его от земного шара и его обитателей, то есть от физических и биологических условий, которым подчинено челове-

ство. Замечу еще раз, что агрегаты — организмы и общественные союзы, однажды исследованные в отвлеченных науках о жизни и обществе, не могут уже после того, по моему мнению, быть «переизучены» с какой бы то ни было *теоретической* точки зрения. Но они могут, конечно, стать еще предметом или целью многих практических исследований.

17. Желая проверить защищаемую нами точку зрения, мы последовательно провели ее через все звенья длинной цепи наук, за исключением первого звена — математики. Это опущение было сделано нами не без намерения: мы не опасались, что наше мнение не выдержит критерия, неоднократно уже оказывавшегося роковым для несравненно более выработанных теорий, но хотели и здесь дать математике особое место, соответствующее ее особому положению в научной логике.

Математика всегда была и останется единственной наукой в своем роде. Известна роль, которую она играла в истории философии. Математика или, лучше сказать, обманчивые аргументы, почерпнутые из ее примера, служили долгое время главным основанием для ложной теории врожденных идей. Математика же была последним убежищем новейшей метафизики, благодаря двери, оставленной открытой априорному методу Кантом, великим сокрушителем старой метафизики: именно так называемым необходимым истинам или логическим формам познания. Наконец, математика, уже в наши дни и в руках некоторых современных философов, обратилась в орудие, посредством которого хотели поколебать в самих ее основах контовскую классификацию наук. Одним словом, о логические затруднения, порождаемые математикой и заключающиеся главным образом в необыкновенной простоте изучаемых ею явлений, разбилось уже столько различных теорий, что не было бы удивительно, если б то же случилось и с нашим мнением об абстрактных и конкретных науках.

На самом деле, с первого взгляда не может не казаться, что пример математики подрывает в корне все наши выводы. Мы имеем тут перед собой отвлеченную науку, которая уже действительно ограничивается исследованием одного свойства вещества, рассматриваемого ею в полном смысле слова отвлеченно, с совершенным исключением каких бы то ни было отношений его к другим признакам, свойствам и силам. Таким образом в математике, по-видимому, осуществляется на самом деле тип абстрактной науки в том чистом виде, в каком он обыкновенно рисуется научному воображению, а отсюда недалеко до заключения, что и другие науки должны стремиться, каждая в своей

области, к возможно полному достижению того же идеала. Весьма соблазнительным с этой точки зрения представляется и соображение, что единственной помехой к осуществлению этого типа во всех прочих отвлеченных науках было до сих пор главным образом недостаточно полное и строгое отделение в них абстрактной части от конкретной. Все эти возражения, однако, кажутся мне столь же мало состоятельными, как и те, которые были направлены некогда против опытного или экспериментального характера самой математики. Оба рода возражений принадлежат к одной категории и проистекают из одинакового, уже указанного нами источника — чрезвычайной простоты количественных или математических явлений. Крайности сходятся, по-видимому, и в сфере науки и философии. Необыкновенная простота порождает столько же логических затруднений, как и чрезвычайная сложность. Недалеку же, может быть, день, когда социология, выйдя из своего зачаточного состояния, крайней сложностью своих явлений произведет в рядах философов и ученых не меньше смятения и разногласий, чем производила до сих пор математика по прямо противоположной причине — вследствие крайней простоты своих явлений. В социологии чрезвычайная сложность общественных явлений, одновременное действие множества причин и одновременное появление бесчисленных последствий мешают ясному зрению или различению нового основного свойства вещества, которое здесь скорее предполагается или вводится в науку как полезная гипотеза, чем считается имеющим реальное существование. В математике, напротив того, неясно различается первоначальный, опытный источник, откуда вытекают все наши количественные понятия, потому что наблюдение, принимающее во всех прочих областях знания форму более или менее сложных представлений, здесь является в самом элементарном виде — как непосредственное восприятие. Но та же причина затемняет и ясное понимание того, что и математика, в сущности, только строго и во всем следует выведенному нами для всех прочих отвлеченных наук закону. Изучаемые в математике свойства так всеобщы и просты, что нет и не может быть явления или естественного агрегата, который бы не обнаруживал их, и притом всегда в одинаковой степени и одним и тем же неизменным способом. Отношения этих свойств ко всем прочим остаются неизменно тождественными, с какими бы явлениями мы ни имели дело и при каких бы обстоятельствах их ни рассматривали. Таким образом, и совершенно согласно с объяснением, данным выше относительно физики, химии и проч., и математика не имеет никакой надобности изучать эти от-

ношения в агрегатах, составляющих специальный предмет других наук.

Но наука, как мы знаем, изучает не изолированное от всех прочих свойство, а однообразные отношения, существующие между одной категорией свойств и всеми остальными. И очевидно, что математика не может составить исключения в этом отношении, не теряя тем самым своего характера отвлеченной науки. С другой стороны, конечная цель математики, как отвлеченной науки, достигается избранием объектом ее научного наблюдения нескольких естественных агрегатов из числа таких, которые ежедневно встречаются в природе на каждом шагу, и которые так несложны и так известны всем и каждому, что наблюдение или исследование их математикой совершается путем непосредственного восприятия, становится «интуитивным» и под конец вовсе не сознается нами наряду с исполненными трудностей наблюдениями и исследованиями в других отраслях знания. Данные агрегаты образуют опытное основание как геометрии трех измерений, так и науки чисел. Результатом их наблюдения и изучения, внимательного на первых порах, а теперь являющегося делом несознательного восприятия, были немногие аксиомы, на которых, как на непоколебимом основании, возвысилась с течением времени известная всем блестящая логическая надстройка, состоящая из нескончаемого ряда дедуктивных выводов. Но эта надстройка многими — и, как мне кажется, совершенно правильно — признается не за настоящую науку, открывающую однообразные взаимные отношения между различными свойствами вещества, заключающуюся всецело в упомянутых выше немногих аксиомах с ближайшими их последствиями, а за могучее и достойное удивления орудие общей научной логики. Эта логическая надстройка встречается в одной математике, но едва ли можно считать очевидным абсурдом мнение, признающее и за другими науками ту же способность к логическим построениям, в зависимости хотя бы только от приблизительного осуществления в них условий, полное совмещение которых всегда останется преимуществом математики. Всеобщее и простое явление, изучаемое механикой, — движение, могло бы, согласно этой гипотезе, послужить когда-нибудь основанием для логического надстроения такого же рода, хотя, конечно, и менее совершенного во всех отношениях.

18. На предыдущих страницах мы старались выяснить, что описательная наука — потому только, что она описательна — не есть еще наука конкретная, что описание не есть признак, непременно указывающий на конкретный характер науки, а составляет особый научный

метод, соответствующий особенным свойствам наблюдаемых явлений. Мы старались показать также, что этот метод оказывает известным наукам такие же услуги, какие оказывает другим наукам экспериментальный метод. Наконец, мы признали, что описательные приемы могут одинаково и безразлично применяться в области абстрактного и конкретного знания. Мы приходим, таким образом, к следующим определениям отвлеченной и конкретной науки. Отвлеченная наука анализирует, при помощи простого наблюдения, экспериментации или описания, известные естественные агрегаты, избираемые ею в массе существующих в природе соединений как отчетливее и полнее других обнаруживающие какое-нибудь основное свойство материи. Конечная цель такого анализа заключается в определении однообразных отношений (естественных законов) между данной категорией свойств и всеми другими, анализируемыми таким же точно образом и с той же целью, но уже в других агрегатах и другими абстрактными науками. Конкретная наука, с другой стороны, изучает сложные агрегаты, составленные из агрегатов уже исследованных различными отвлеченными науками. Ее ближайшая цель, следовательно, совпадает с ближайшей целью отвлеченной науки: она заключается в как можно более полном анализе данных агрегатов. Но для достижения одинаковой цели лучше всего служат и одинаковые средства, а потому и методы конкретной науки вполне совпадают с методами отвлеченной науки. Существенное и вместе с тем необходимое различие открывается между этими двумя родами знания лишь по отношению к конечным результатам их усилий. Мы видели, к чему приводит исследователя точный анализ известных агрегатов в так называемых отвлеченных науках. Большая или меньшая простота или сложность агрегатов, разумеется, не имеет при этом никакого особенного значения. Весь вопрос сводится к тому, состоят или нет эти агрегаты из частей, в которых путем предварительного анализа уже найдены и определены однообразные отношения явлений. В первом случае, как бы просты ни были данные агрегаты, они могут быть предметом только конкретной науки. Во втором, и как бы сложны они ни были, они будут предметом отвлеченной науки. Другими словами, различие между отвлеченной и конкретной наукой заключается в том, что последняя никогда не достигает ни познания нового основного свойства материи (что, очевидно, невозможно уже потому, что она изучает соединения, всецело распадающиеся на агрегаты, все основные свойства которых уже были предварительно исследованы различными науками), ни более совершенного познания этих основ-

ных свойств и элементарных соединений (так как в таком случае задача конкретной науки слилась бы с различными задачами, преследуемыми отвлеченными науками). Но отвлеченные науки, всецело занятые своими специальными агрегатами и обнаруживаемыми ими свойствами, оставляют в стороне исследование разнообразных условий, необходимых как для образования, так и для сохранения, изменения и вообще развития всяких других, более сложных соединений. Этот-то пробел и пополняется так называемым конкретным исследованием. Поэтому можно сказать, что конечное назначение конкретной науки заключается в познании не однообразных отношений между основными свойствами материи, а специальных условий, управляющих образованием, сохранением и изменением таких встречающихся в природе специальных агрегатов, изучение которых, несмотря на представляемый ими не только практический, но и теоретический интерес, не могло, по той или другой причине, быть совмещено с исследованием одного из основных свойств в какой-либо из отвлеченных наук.

Из такого определения конкретной науки вытекают два последствия. Во-первых, конкретная наука составляет, не менее отвлеченной, чисто теоретическую науку. Она может, конечно, служить источником для различных практических отраслей знания, т. е. может порождать различные искусства, переставшие быть чисто эмпирическими и признавшие верховное руководство научной теории. Но преобладающая в конкретной науке цель всегда заключается в объяснении генетического процесса в природе, а цель эта — существенно теоретическая. Во-вторых, конкретная наука не может противопоставляться абстрактной науке как необходимая или логическая ее противоположность. Я уже не говорю об очевидной невозможности основывать конкретную науку на какой-либо одной отвлеченной, но и основанная одновременно на нескольких отвлеченных науках, конкретная наука обязана своим происхождением не логической (или субъективной) необходимости, а необходимости объективной или такому совпадению внешних условий, которое делает полезным, желательным или необходимым дополнительное исследование, с точки зрения представляемой ими естественной совокупности, тех или других агрегатов. Я уже указывал выше, как на причину смешения понятий в этом отношении, на слишком абсолютное противоположение терминов, обычно употребляемых для обозначения этих двух родов знания, из которых ни одно не является ни исключительно абстрактным, ни исключительно конкретным. В обычной терминологии верно не это

противопоставление, а лишь указание на то, что в одном порядке знаний главное и существенное — изучение основных свойств вещества, а в другом, напротив того, причину существования науки составляет объективный синтез, образуемый уже исследованными и известными свойствами материи. И потому, может быть, было бы не бесполезно к освященным употреблением терминам прибавлять дополнительную квалификацию и говорить, например, абстрактная, или *основная*, и конкретная, или *производная наука*¹.

¹ Подробный обзор наук, обычно включаемых в разряд конкретных, был бы здесь, без сомнения, не лишним. Из-за недостатка места, однако, я вынужден ограничиться в этом отношении немногими краткими замечаниями. Мы уже сказали, что в геологии осуществляется истинный тип конкретной науки. То же можно сказать и о метеорологии, которая изучает объективный синтез, не составляющий предмета какой-либо другой науки: атмосферу, рассматриваемую отдельно от земной коры; впрочем, очевидно, что на метеорологию можно смотреть и как на простое подразделение геологии. Конкретная астрономия или сидерология невозможна, пока небесные физика и химия не сделают больших успехов. Это одна из причин, почему Кант мог включить астрономию в число отвлеченных наук, хотя она, как абстрактное знание, составляет, очевидно, лишь часть механики. Переходя по преимуществу к описательным наукам, естественной и истории, зоологии и ботанике, можем лишь снова выразить удивление по поводу того, что эти науки были сочтены за конкретные, т. е. за науки, основанные на содействии нескольких отвлеченных наук. Можно ли сказать, что мы здесь имеем дело с несколькими отвлеченными науками только потому, что описываем цвет тычinki или лепестка, окраску шерсти животного или указываем на вес, величину и т. п. физические признаки? Самая абстрактная наука не обходится без такой «соотметки» или «коннотации» признаков и свойств из области других наук. Но объясняет ли зоология генезис цвета животных, например, с помощью физики, и не видим ли мы, напротив того, что этим вопросом занимается самая отвлеченная часть биологии — теория развития видов? А в чем состоит участие химии в зоологии? Как всякий знает, химия не играет тут никакой роли, и химической стороной явлений, представляемых растениями и животными, опять-таки занимается самая абстрактная часть науки о жизни. Далее, минералогия и кристаллография, по крайней мере в нынешнем своем виде, также не удовлетворяют, как мне кажется, всем условиям конкретной науки. Минералогия — эта естественная история неорганического мира — довольно древнее научное наложение, которое, описывая наружные признаки неорганических веществ, служило некогда базисом для химии, а с тех пор, как развилась последняя, к наружному описанию в минералогии присоединяется и описание химических признаков. Но в ней не преследуются никакого научного синтеза при помощи всей совокупности наук неорганического мира; в ней даже не объясняют с помощью физики вес, цвет, теплоемкость и т. д. различных веществ, нимало не занимаясь изучением их генезиса. Кристаллография является позднейшей научной формацией. Она может рассматриваться либо как подготовительная ветвь физики, относящаяся к законам частичного притяжения и отталкивания, либо как дополнение к химии, если окажется, что химическое сродство играет преобладающую роль в явлениях кристаллизации. Либо, наконец (что представляется мне весьма маловероятным), как начало или зачаток будущей конкретной науки, если

19. Высказанные выше соображения дают нам право, не останавливаясь на ее опровержении, отметить здесь ложную аналогию, приведшую многие умы к убеждению, что социология — конкретная наука. Из того, что социология представляет наиболее сходства с отраслями знания, обыкновенно, хотя и неправильно, считаемыми конкретными, спешили заключить «согласно разуму» (ανα — по, и λόγος — разум), что социология принадлежит к категории конкретных наук. Между тем, сказанное выше позволяет нам утверждать, что социология — лишь существенно описательная наука, самая описательная, несомненно, из всех отвлеченных наук. Правильность такого заключения, надеемся, не вызовет серьезных сомнений у тех, кто, помня указанные в начале настоящего труда законы, управляющие употреблением описательных приемов исследования в различных науках в тесном согласии со специфическими особенностями наблюдаемых явлений, применит эти законы и к новой науке об обществе. Здесь, очевидно, нет надобности возвращаться к исчерпанному уже предмету. Но, кратко резюмируя наше мнение, мы можем сказать, что общественная наука представляется нам существенно описательной наукой по следующим двум главным основаниям и со следующих двух главных точек зрения. Во-первых, потому, что такой метод обуславливается в ней самим характером общественных явлений, которые не могут ни наблюдаться непосредственно, как явления небесной механики, ни подвергаться изолирующим приемам физической, химической

можно будет доказать, что мы имеем дело с таким общим синтезом неорганического мира, важность и сложность которого обуславливают необходимость отдельного и самостоятельного изучения в конкретной науке. Вероятнее всего, однако, второе предположение, на которое указывают новейшие исследования относительно кристаллоидов, коллоидов и тех переходных форм между этими двумя видами частичного сцепления, которые были названы Фогельзангом кристаллитами. Различие между кристаллоидами и их органической противоположностью — коллоидами, если верны законы, выведенные Гинрихсом (что чем проще химическая формула вещества, тем совершеннее симметрия его кристаллической формы, и чем совершеннее симметрия кристалла, тем легче получить его) зависит, по-видимому, только от большей сложности химического состава органических тел. Вообще конкретную науку не следует искать в начале процесса научного развития. Дополнение — а конкретная наука всегда дополнение — не может открывать собою ряда развития, не может быть зачатком эволюции. В теории, нельзя оспаривать возможности всякого рода конкретных наук, но нельзя также, на практике, предвидеть, когда научная эволюция достаточно подвинется вперед для того, чтобы стало возможно дополнительное образование или конкретная научная формация.

или даже физиологической экспериментации. Из этого следует, что социология всегда останется описательной наукой, и притом в гораздо большей степени, чем сходная с ней по своим методологическим условиям биология. Во-вторых, потому что наука об обществе только вступает на путь правильного развития, а начало и первые шаги науки всегда легче соединяются с описательными приемами исследования. Предметом наблюдения, прежде всего, становятся явления в полном их объеме и преимущественно их наружные признаки, явные или осязательные сходства и различия. Вот этот-то первый вид наблюдения и называется, в обычной речи, описанием, причем более позднему описанию, которое намечает внутренние и скрытые признаки явлений, сходства и различия, более глубокие и невидимые глазу, не изошренному частыми наблюдениями, обыкновенно дается название анализа. Но название не изменяет сущности дела. Каким бы способом ни открывались и ни обнаруживались скрытые или внутренние признаки предметов, при помощи ли микроскопа или посредством неоднократно повторяемых и искусно изменяемых наблюдений, счастливых догадок и доступных проверке гипотез, наконец, даже сознанных и исправленных ошибок и заблуждений — всякий раз, когда удостоверенные тем или другим путем признаки не будут «поддаваться» прямым опытам, их поневоле придется описывать, т. е. довольствоваться их классификацией, определением и вообще расположением в таком порядке, который бы прямо и непосредственно способствовал открытию существующих между ними однообразных отношений или законов. Научное описание точно так же, как и анализ, лишь процесс, посредством которого наш ум разлагает явления с целью схватить и удержать в памяти представляемые ими сходства и различия. В обоих случаях мы имеем дело с одним и тем же методом, существенно одинаковым приемом исследования. Но о видимых вещах обычно говорят — описание, а о невидимых — анализ. Впрочем, я первый охотно признаю, что установленное обычной речью различие между двумя терминами — описание и анализ — не лишено основания. Этому различию соответствует нечто реальное и легко наблюдаемое в действительности. Как уже нами было указано, всякая отвлеченная и вместе с тем *описательная* наука, достигнув положительной фазы развития, представляет всегда два последовательных наслоения или две научные формации: чисто описательную, которой можно дать

родовое название «естественной истории» явлений и которая служит как бы вступлением или приготовлением к аналитической, которую можно назвать «естественной наукой» явлений. Крайняя степень сложности явлений органического мира составляет, очевидно, единственную причину, производящую в соответствующих науках — биологии и социологии — так сказать, научное «удвоение» или усложнение, почти вовсе неизвестное другим наукам, в которых оно встречается лишь изредка и в весьма неполной степени.

20. Современная положительная или опытная школа в психологии, во главе которой стояли или стоят такие ученые, как Милль, Спенсер, Бэн, Льюис и др., ясно, по крайней мере, по отношению к психологии — поняла неизбежность этого научного «удвоения» и даже довольно близко подошла к его истинному объяснению. Таким образом, например, один из последователей этой школы, Морелл, прямо заявляет требование, чтобы «естественная наука о духе была основана на естественной истории психологических явлений, причем цель последней должна заключаться преимущественно в том, чтобы классифицировать, а цель первой — чтобы анализировать эти явления». «И только когда это будет сделано, — говорит он далее, — когда психологические явления будут одновременно и анализированы, и классифицированы, мы будем иметь о них точные научные познания»¹. В том же смысле высказывается и Бэн: «Как бы несовершенна ни была первая попытка построить естественную историю чувств с помощью описательного метода, психологические вопросы не могут получить действительно научного характера, пока не подвинется вперед само осуществление такой естественной истории»². Наконец, и Герберт Спенсер соглашается с тем же взглядом, говоря о капитальном труде Бэна — трактате о психологии: «Утверждать, что исследования натуралиста, собирающего, подвергающего анатомическому исследованию и описывающего естественные виды, имеют такое же отношение к работам в сравнительной анатомии, направленным к открытию законов растительной и животной организации, какое работы г. Бэна имеют к трудам отвлеченной психологии, значило бы несколько удалиться от истины, так как сочинение г. Бэна не сплошь описательно. Тем не менее, такое сравнение дает самое точное понятие о том, что сделано этим исследователем, и показывает ясно, до какой степени эта работа была необходима»³.

¹ Morell J. D. An introduction to mental philosophy. — London, 1862.

² Bain A. The senses and the intellect. — New York, 1855.

³ Bain A. Practical essays. — New York, 1884.

Те же истины смутно сознавались и нередко даже высказывались и по отношению к социальной науке. Ровно тридцать лет назад знаменитый автор «Экономических противоречий» писал следующее: «Социальная наука есть систематическое и рациональное знание не того, чем *было* общество или чем оно *будет*, а того, чем оно *есть* на всем пути своего развития, то есть во всей совокупности своих последовательных проявлений... Социальная наука должна охватывать весь строй человечества не только в том или другом периоде его существования или в некоторых из его элементов, но во всех его началах и полном синтезе его бытия. Она должна охватывать этот строй так, как будто бы разбросанная во времени и пространстве социальная эволюция была разом собрана и закреплена на одной картине, которая показывала бы преемство и последовательность явлений и открывала бы их сцепление и единство. Такой должна быть наука всякой живой и прогрессивной реальности. Такова, бесспорно, наука об обществе»¹. Несколько страниц далее, имея в виду лишь часть общественной науки, политическую экономию, тот же писатель говорит: «Каждая наука должна, прежде всего, обозначить свои границы, определить и собрать свои материалы: системам предшествуют факты, а веку искусства — век эрудиции. Подчиненная, наравне с другими знаниями, закону времени и условиям опыта, экономическая наука, прежде чем заняться исследованием того, что и как должно происходить в среде человеческих обществ, должна была объяснить нам, что действительно происходит в них; и вся общественная рутина, громко называемая в книгах законами, принципами и теориями, несмотря на свою несвязность и противоречивость, должна была быть собрана самым добросовестным образом и описана с самым строгим беспристрастием. Для выполнения этой задачи нужно было, может быть, более гения, в особенности самопожертвования, чем того потребует весь дальнейший прогресс науки».

К сожалению, трудная и высокая задача, о которой говорит Прудон, никогда не была ни ясно понята, ни выполнена так, как требовал этот писатель. Немногое, что было сделано в этом направлении, хотя и достаточно для объяснения научного значения, бесспорно принадлежащего современной политической экономии, однако еще не может дать нам права ни видеть в этой отрасли социологии, вместе с Прудоном, «собрания всех сделанных до сих пор наблюдений над яв-

¹ Proudhon P.-J. *Système des contradictions économiques ou philosophie de la misère*. — Paris, 1846.

лениями производства и распределения богатства», ни полагать вместе с ним, что экономисты действительно «классифицировали эти наблюдения, описали соответствующие явления, определили их условия и отношения, так что эта совокупность познаний, схваченных на самых наивных, так сказать, проявлениях общества, и составляет политическую экономию, которая таким образом является естественной историей самых видных, авторитетных и распространенных обычаев и преданий человечества в области производства и распределения богатства». Кое-что в этом роде, действительно, разбросано во всех углах политической экономии, но главное и видное место в ней всегда принадлежало бессодержательным дедуктивным рассуждениям, бесплодным упражнениям ума, одним словом, более или менее бессознательному априоризму. Цитируя здесь в пользу моего мнения автора «Экономических противоречий», я должен заметить, что со собственными ему быстротой и неожиданностью логических переходов, он через несколько страниц после признания неотложной необходимости описания в области социальной науки уже восклицает: «О! Монографии, исторические обзоры! Мы пресыщены ими со времени Ад. Смита и Ж. Б. Сея. Исторический и описательный метод, с успехом употреблявшийся, пока нужно было производить только опознания и разведки, теперь уже бесполезен».

В настоящее время течение, влекущее исследователей в области социальной науки к познанию ее истинного метода, без сомнения уже значительно выиграло и в силе, и в быстроте. Между многочисленными, указывающими на это признаками, отмечу здесь один или два. Так, один из самых оригинальных современных мыслителей, Герберт Спенсер, задумал привести в исполнение энциклопедический труд, значение которого еще не может быть вполне оценено, но уже один план и заглавие — «Описательная социология» — знаменательны. Недавно вышедшее в свет большое сочинение немецкого экономиста Шеффле стремится к той же цели, хотя, к сожалению, уже с первых страниц этой книги видно, что ее автор не избежал общего увлечения ложным методом реальной аналогии. Но главным препятствием, лежащим на пути правильного развития социальной науки, остается извращение истинного характера социальных явлений, состоящее в изображении их простыми продуктами или результатами совокупного действия неорганических сил и свойств организованной материи — с неизбежным последствием такого взгляда, оспариванием у социологии характера и значения отвлеченной науки. Во главе этого ложного направления мы снова встречаем имя Спенсера, создавшего особую

школу признанием социологии конкретной наукой. Но Спенсер в известной степени все-таки исправляет свою ошибку, обобщая ее или распространяя тот же взгляд и на биологию, в которой он также видит конкретную науку, а отчасти и на все остальные теоретические науки, признаваемые им, за исключением лишь математики, абстрактно-конкретными науками. Менее последовательные мыслители усиливают значение этого основного заблуждения, ограничивая его пределами одной социологии, которую они обращают или в простое дедуктивное приложение к психологии, или в конкретное дополнение к более обширной совокупности знаний, охватывающей, наряду с наукой о жизни, и науки неорганического мира. Не свободен от этого упрека и Д. С. Милль, который если и не разделял указанный выше взгляд на социологию, то своим восхвалением дедуктивного метода в применении к общественно-научным исследованиям содействовал его упрочению и распространению. Бэн, которого, говоря вообще, нельзя заподозрить в пристрастии к дедуктивному методу, также считает социологию конкретной наукой. Но и у него можно выследить влияние той же предвзятой идеи о преобладающем значении дедукции в области обществоведения. Другой писатель, известный английский экономист Кэрнс, видит в социологии своего рода геологию, объясняющую общественные факты сведением их всецело на физические, физиологические и психические причины и мотивы, подобно тому, как геология объясняет строение земной коры при посредстве законов механики, химии и биологии. Но я не скоро бы закончил, если б захотел привести полный список писателей, уже высказавшихся и ежедневно высказывающихся в том же смысле.

21. В заключение вкратце повторю главные положения, рассмотрению и уяснению которых были посвящены предыдущие три главы. Вопрос сводится к тому, чтобы поднять социологию на степень естественной науки об обществе. Но для достижения этой цели, прежде всего, необходимо освободиться от некоторых распространенных заблуждений относительно условий, свойственных наблюдаемым в области социальной науки явлениям. Рассматривая общественность как особое свойство организованной материи и включая социологию в число отвлеченных или основных наук, мы, кроме того, признаем, что явления общественности до такой степени сложны, что ни чистое наблюдение наук наиболее простых явлений, ни экспериментация наук непосредственно более сложных явлений не могут исключительно или правильно применяться к их изучению. Таким образом, мы вынуждены прибегнуть к единственному, еще остающемуся и

возможному способу исследования, который, впрочем, уже нашел широкое и полезное применение в соседней и сходной характером своих явлений науке — биологии: к методу, который может быть назван методом сравнительного и аналитического описания. В зависимости от той же причины, крайней степени сложности общественных явлений, мы признаем, наконец, и необходимость в области социологии характерного разделения научного труда, в силу которого подготовительная научная работа отличается от повершительной или окончательной, и сама наука распадается на естественную историю общества и естественную науку об обществе.

Современная социология нуждается главным образом в научной классификации и целесообразном распределении огромного числа фактов и наблюдений, составляющих результат накопленного опыта прошедшего, переданный нам путем традиции и ежедневного опыта настоящего, в котором значительная часть, наследственные приспособления к психологическому и социологическому наблюдению, несомненно, также принадлежит прошедшему. Но в этой работе, само собою разумеется, должны преследоваться исключительно теоретические или научные цели. От прежнего времени у нас осталось множество аналитических трудов, масса описаний, но ими можно пользоваться разве только как сборниками фактов. Говоря же вообще, прежние анализы и описания являются теперь часто помехой научному исследованию. Они предпринимались с целями, не имевшими ничего общего с наукой, если даже не прямо враждебными ей (например, с теологическими целями).

Таким образом, анализ и классификация уже известных фактов должны, по большей части, быть начаты сначала. Но нужно помнить, что дело не идет здесь ни о классификации аеге регенниус, ни об анализе, который бы не боялся исправлений и изменений, неизбежно вносимых временем в самые лучшие научные работы. Положить прочное основание сравнительной и аналитической социологии можно, только начав с самого непритязательного общего описания, сравнения и анализа общественных фактов, которые при этом следует наблюдать и распределять самым экономичным, так сказать, способом. Данный способ, который, проливая больше всего света на факты и подробности, меньше всего отягощает теми и другими нашу память, и называется естественным порядком расположения событий и наблюдений. Словом, прежде всего, нужна хорошая естественная история общества.

Естественная наука об обществе, «социология» в том виде, в каком

она рисовалась воображению лучших и самых светлых умов, не заставит тогда себя долго ждать. Раз вступив на настоящий путь, социология уже не собьется с него, а будет правильно развиваться, совместно с естественной историей общества, которая явится самой надежной опорой ее первых шагов, а впоследствии будет оказывать и ей такие же точные услуги, какие до сих пор оказывают биологии ее чисто описательные и исторические притоки. Социологическая задача сводится, таким образом, на более скромные, но зато и более реальные размеры.

МЕСТО СОЦИОЛОГИИ В РЯДУ НАУК

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

ПОСТАНОВКА ВОПРОСА

Вопросы, которые, начиная с этой главы, мы намерены рассмотреть в дальнейших отделах настоящего труда, близко соприкасаются между собою и тесно связаны с основной (методологической) задачей социологии, общему выяснению которой были посвящены три предшествующие главы. Эти вопросы охватывают внешнюю классификацию социологии или место, занимаемое ею в иерархическом ряду наук; внутреннюю ее классификацию или подразделения на внутренние отделы; отношения ее к биологии и, наконец, к психологии.

Мы рассмотрим эти вопросы, придерживаясь указанного сейчас порядка, но предварительно заметим, что и в нижеследующем изложении мы, по необходимости, ограничимся довольно общими указаниями и будем часто довольствоваться положениями, за которыми можем признать только гипотетическое значение. Социальная наука еще не достаточно подвинулась вперед, чтобы прямо приступить к разрешению всех трудностей, присущих основным задачам обществознания. С помощью данных, имеющихся налицо, можно, в благоприятном случае, надеяться достигнуть только приблизительных результатов.

1. Истинное место социологии среди наук было указано ей еще основателем позитивной философии. Социология — наука абстрактная, изучающая явления особого порядка, отличающиеся от всех других относительно большей своей сложностью и относительно меньшей общностью.

Как известно, однако, против установленной Контом классификации наук были сделаны возражения с разных сторон и различных точек зрения. Большая часть этих возражений не заслуживают того, чтобы на них останавливаться или оспаривать серьезно. Но среди них есть и такие, которые сами по себе — независимо от авторитета знаменитого ученого, их впервые высказавшего, — представляют значительный философский интерес. Я говорю о критике, которой подверг классификацию Конта Герберт Спенсер, философ, с которым поневоле приходится считаться в каждом серьезном философском споре нашего времени. Положение, занятое Контом в вопросе о классификации наук, — превосходно, это признается в настоящее время луч-

шими умами. Но превосходные положения, подобно неприступным крепостям, сохраняются лишь тогда, когда все серьезные нападения на них немедленно отражаются. Спенсер в своих сочинениях и, в особенности, в очерке, озаглавленном «Генезис науки», отвергает основной принцип концепции Конта, относящийся к распределению наук в иерархическом порядке. Спенсер не хочет признать, что начало убывающей общности явлений, изучаемых различными науками, есть в то же время и начало, лежащее в основании развития наших знаний. Вместо последовательного ряда или исторического преемства, обусловливаемого этим началом, он в прогрессе знаний видит неправильное развитие, относительно которого ничего нельзя отгадать заранее, и которое, следовательно, не допускает какой бы то ни было классификации, опирающейся на историческую основу. Это развитие, по мнению английского философа, определяется исключительно взаимной зависимостью наук между собою или, другими словами, содействием или поддержкой, оказываемой друг другу различными отраслями человеческого знания.

Смещение понятий, лежащее в основе направленных Спенсером против классификации Конта нападок, не раз было разоблачено. Между прочим, и наиболее известный из учеников Конта, Литтре, не замедлил ответить на вызов, брошенный английским философом всей позитивной доктрине. На немногих страницах Литтре с обычной ясностью осязательно указывает на смещение Спенсером таких близких, но все же отличных друг от друга понятий: ряда, эволюции, установления науки и взаимной зависимости наук. Веские доказательства Конта он подкрепляет новыми доводами. Отличая эволюцию науки от ее обоснования или установления, он относит первую к началу взаимной зависимости наук, а установление — к началу убывающей общности или возрастающей сложности явлений. Развивая это положение, он объясняет, выражаясь его словами, что «тогда как ряд и установление представляют объективное условие, коренящееся в природе вещей, взаимная зависимость наук представляет субъективное условие познания. Двойное условие, которое исторически проявляется, с одной стороны, именно в последовательности моментов установления или обоснования наук — как ряд или преемственная связь наук, а с другой — в содействии, оказываемом всеми частями человеческого знания какой-нибудь части и одной какой-нибудь частью всем остальным — как эволюция или преемственное развитие наук»¹.

Впрочем, и в полемике Литтре один пункт представляется совершенно ненужной уступкой Спенсеру и в то же время возражением,

¹ Comte A. Cours de philosophie positive. — Paris, 1830.

которое идет дальше спорного вопроса или остается вне его пределов, но не имеет к нему прямого и непосредственного отношения. И Спенсер в позднейшем ответе доставляет себе некоторое подобие победы, останавливаясь на одном этом пункте и умалчивая об остальных, прямо бывших в цель, доводах противника. Речь идет о проводимом Литтре различии между объективной и субъективной общностью. Это различие, взятое само по себе, может иметь свое основание и даже не лишено известного философского значения. Но оно — не ответ на возражение, представленное Спенсером; оно обходит, если даже не признает затруднение, но нимало не разрешает и не устраняет его.

Главный довод Спенсера против предложенной Контом классификации наук является ударом, направленным если и не вовсе в пустое пространство, то, во всяком случае, в логическую смежную сферу, а не совпадающую с той специальной областью, которой принадлежат понятия о классификации, ряде и исторической эволюции наук. Убывающей общности Конта Спенсер противопоставляет возрастающую общность и утверждает, что действительность выражается лишь сочетанием или такого рода слиянием этих двух начал, при котором нельзя вывести из них ни группировки наук в последовательный ряд, ни развития знания путем преемства от одной науки к другой, причем потому, что эти начала, как диаметрально противоположные, взаимно уничтожаются в вытекающих из них последствиях. Но такая аргументация основана на легко разоблачаемом софизме. Спенсер, в сущности, не отрицает, что по мере осложнения явлений все труднее и труднее становится схватывать в них те постоянно однообразные отношения, которые мы называем законами природы и которые составляют единственную цель науки. Но и в контовском принципе развития, вполне объясняющем и оправдывающем его классификацию, не заключается ничего, кроме этого простого положения. Я говорю: в контовском принципе, а не в той или другой отдельной мысли или том или другом тексте его сочинений, потому что я слишком высокого мнения о философской добросовестности Спенсера, чтобы предположить, что последний, заявив о своем намерении возражать против общего духа данного учения и опровергнуть его в корне, в действительности хотел только напасть на отдельные противоречия или недосмотры, неизбежно проскальзывающие во всяком, сколько-нибудь подробном изложении отвлеченных теорий. К чему же, в сущности, сводится главное возражение английского философа? Просто-

напросто к следующему: Спенсер утверждает, и мы утверждаем вместе с ним, что в области наук имеется превосходный метод, который состоит в умозаключении от частного к общему и применением которого обуславливаются все успехи, достигнутые по настоящее время в большей части отраслей человеческого знания. Мы назвали индуктивный метод. Но если захотим в одной сжатой формуле указать на сущность этого метода и его результаты, т. е. на успехи знания, мы будем иметь полное основание для утверждения, что развитием человеческого знания управляет именно начало возрастающей общности. Как в теории, так и на практике, ничто не может быть справедливее такого неизбежного вывода. Очевидно, что Спенсера нельзя было бы упрекнуть в смешении понятий или неверно направленной критике, если бы он противопоставил свой принцип возрастающей общности противоположному началу убывающей общности, которое было бы, в свою очередь, выведено Контом из подобных же соображений о роли или значении различных научных методов. Так, допустим, что Конт выставил бы неоспоримые посылки: что дедуктивный метод применяется с большим или меньшим успехом во всех отделах человеческого знания, что научный прогресс зависит в значительной степени от употребления в различных науках приемов проверки, сущность которых состоит в умозаключении от общего к частному. Допустим далее, что Конт из этих посылок делал бы такой вывод, что только начало убывающей общности управляет развитием человеческого знания. Тогда Спенсер поступил бы только логично, возразив Конту, что этот вывод очевидно неверен, так как содержит в себе, по меньшей мере, один признак или одно утверждение, которого нет в самих посылках. Спенсер имел бы полное право сказать, выражаясь собственными его словами: «Обобщение Конта — лишь половинная истина. Дело в том, что ни та, ни другая гипотеза не точна сама по себе. Реальная истина выражается лишь сочетанием обеих. Прогресс науки двойствен; он одновременно направляется и от частного к общему, и от общего к частному. Он в одно и то же время и аналитичен, и синтетичен». Рассматривая развитие наших знаний исключительно с точки зрения метода, можно прийти только к тому результату, к которому в действительности и пришел Спенсер.

Но ошибочно думать, что точка зрения метода — единственно возможная в данном вопросе, или даже что она необходимо должна пре-

обладать во всякой теории развития знания. Справедливо как раз обратное. Законы развития человеческого знания нельзя выводить из простого рассмотрения научных методов. Только наблюдение реальных фактов, доступных исторической проверке, может дать все элементы или данные, необходимые для обобщений такого рода. Лучшим тому доказательством служит органическая жизнь. Но *проявление в большом числе случаев*, как совершенно верно говорит Спенсер, если выразить эту мысль в одном слове, дает *общность*. Следовательно, Конт был прав, утверждая, что общность в научном ряде постоянно убывает или уменьшается. Таково строгое значение этого термина в формуле, служащей для выражения закона развития наших знаний. Но тот же термин, не теряя своего первоначального значения, может и должен неизбежно уклоняться от него и принимать различные оттенки каждый раз, когда он применяется к рассуждениям другого порядка или переносится целиком в какую-нибудь частную область мышления. Именно это и случается, когда термин «общность» употребляется в области логики. В логике, под общим положением или понятием, все еще понимается такое положение или понятие, которое относится к большому количеству случаев, или истинность которого проявляется во множестве случаев. Но в сфере логики мы напрасно стали бы искать той равнозначности между понятиями убывающей общности и возрастающей сложности, которая на каждом шагу бросается в глаза в области феноменального или объективного развития. Частная концепция в силу только того, что она частная, не есть еще нечто более сложное, чем общее понятие. Отнюдь не играя словами и сознавая вполне, что мы употребляем здесь одни и те же термины для обозначения различных вещей, мы можем, однако, сказать, что в сфере логики справедливо как раз обратное: тут, чем более общее понятие или положение, тем многочисленнее и сложнее те умственные процессы, продуктом которых оно является. Итак, мы видим, что в двух различных, хотя и смежных сферах — логики, в которой трактуются научные методы, и истории научного развития, в которой говорится о преемственном порядке появления и обоснования различных наук — термин «общность» принимается в двух различных, несмотря на свою близость друг к другу, значениях. Это различие мы можем выразить в общих чертах, сказав, что в методологии общность или проявление в большом количестве случаев есть свойство, определяемое безотносительной численностью случаев или этой численностью вообще. Причем сами случаи берутся безразлично в любом порядке явлений или свойств, тогда как в теории эволюции общность или

проявление в большом количестве случаев есть свойство, определяемое относительной численностью случаев, т. е. их численностью, рассматриваемой как большая или меньшая доля во всей совокупности явлений природы и во всем бесконечном разнообразии свойств материи. Но отсюда получает свое начало и строго соответствующее понятие общности и понятие сложности.

Итак, настоящим ядром критики, направленной знаменитым английским философом против теории эволюции Конта, является простая двойственность в значении слов. Удивляться этому нечего. Двухзначность терминов — вот два слова, которые история медленно, но крупными буквами выводит на фронте философского здания прошлых веков. Я сильно опасаюсь, что большая часть наших самых серьезных философских споров, наших самых ожесточенных полемик и непримиримых разногласий будет рано или поздно включена в ту же категорию и отмечена той же надписью. Смещение, которое допустил Спенсер, представляется вполне очевидным. Точкой отправления его аргументации служит ошибочное предположение, что абстрактный термин есть нечто, раз и навсегда строго установленное и не подвергающееся колебаниям, различному применению и употреблению в различных значениях. Спенсер забывает, что если бы это было справедливо, наука и философия не имели бы надобности так тщательно определять, почти для каждого отдельного случая, значение употребляемых ими терминов. Он забывает, что язык — это далеко не совершенное орудие. Тот же упрек может быть обращен и к мыслителям, по меньшей мере, столь же глубоким и проникающим, как и Спенсер, и, конечно, несколько тысяч страниц капитального творения Огюста Конта включают в себе немало таких же погрешностей. Но в рассматриваемом вопросе основатель позитивной философии свободен от всякого подобного упрека. Чтобы выразить закон, открытый им не в собственном уме, а в действительных фактах, Конт употребил единственные подходящие термины, которые давал ему философский язык. Но он точно определил смысл употребленного им выражения «убывающая общность», вокруг которого исключительно вращается полемика его противника. И тени сомнения не может быть на этот счет в виду того, что у Конта убывающая общность является синонимом возрастающей сложности, что оба выражения постоянно употребляются им вместе, как взаимно дополняющие и поясняющие од-

но другое. Требовать большего нельзя. Делом самого Спенсера уже было не сбиваться с обставленной таким обилием предостережений дороги и не смешивать возрастающей или убывающей общности, которая есть метод или прием мышления, с общностью, возрастающей или убывающей, которая есть степень осложнения свойств в явлениях.

2. Я отложил до сих пор то, что хотел сказать по поводу различения субъективной общности от объективной. Это различие, как мне кажется, не имеет реального основания и не совпадает с различием, указанным в предыдущем параграфе. Субъективная общность постоянно и неизбежно сопровождает объективную, к какому бы порядку идей ни относилась последняя. Объективная или существующая в самых вещах общность по необходимости отражается в нашем уме как субъективная или отвлеченная общность. Строго говоря, та и другая образуют одно неразрывное целое, как мысль и ее содержимое, понятие и реальный, им выражаемый предмет. Возрастающая субъективная общность не может сопровождать убывающую объективную и наоборот. Следовательно, нет нужды и различать их, по крайней мере, для объяснения смешения, которое допустил Спенсер. И он, как мне кажется, совершенно прав, обращая против Литтре тот самый довод, который, в глазах последнего, должен был больше всего убедить противника. Этот довод взят из области биологии. Именно английский философ возражает Литтре, что, переходя от изучения органов к изучению тканей, представляющих более общие явления, чем органы, и от тканей — к еще более общим анатомическим элементам, биология следует по пути не только возрастающей субъективной общности, сопровождающейся уменьшением объективной общности, а скорее двойной возрастающей общности, субъективной и объективной в одно и то же время. Явления, представляемые строением какой-нибудь ткани, например слизистой оболочки, поясняет он, имеют более общий характер, чем явления, представляемые любым органом, в состав которого входит названная оболочка. Такой более общий характер принадлежит явлениям первого рода в том смысле, что они повторяются ежедневно в большем числе случаев, чем явления второго рода. Впрочем, все это чисто словесные различия, и нам лучше оставить их и сосредоточиться исключительно на однообразном соотношении или том естественном, управляющем явлениями научного развития законе, который вытекает из фактов и доказывается ими. Позволим себе еще одно замечание. Если приведенным возражением

Спенсера вполне удовлетворительно доказываем, что в области метода объективная общность неразлучна с субъективной, то совершенно то же самое и по тем же причинам справедливо и в области эволюции или порядке, определяющем последовательность явлений с точки зрения их суммы или совокупности. Так, любой общественный факт составляет, объективно, одно из наиболее частных явлений. Но, спрашивается, каким образом такой факт может стать, субъективно, более общим, чем любое жизненное или химическое явление? Мне кажется очевидным, что если не менять произвольно угла нашего умственного зрения и не переходить внезапно из одной сферы мышления в другую, то между идеальным или субъективным представлением и реальным или объективным явлением всегда будет существовать полное соответствие и основное тождество.

3. Точки зрения метода и эволюции — не единственные, которые обыкновенно смешиваются в занимающем нас вопросе. Новая точка зрения открывается при рассмотрении внутренней классификации или подразделения на части каждой науки, и эту точку зрения также необходимо тщательно отделять от смежных с нею. Но не так поступает Спенсер: одним из любимых его аргументов в споре с Контом является смешение эволюции наук, в результате которой получается связный ряд их преемственных построений, с прогрессом, совершающимся внутри каждой науки и влекущим за собою специализацию научной работы и соответствующее подразделение науки на части. Как известно, Конт находил возможным распространить закон, управляющий порядком возникновения или исторической преемственностью наук, и на их внутреннее развитие, т. е. на то прогрессивное и постоянное пополнение рубрик каждой из них, которое вызывает необходимость отдельной разработки входящих в эти рубрики учений или теорий. Но, сколько известно, Конт никогда не основывал своего ряда отвлеченных наук на исключительном наблюдении того, что происходит внутри каждой из них, взятой отдельно. Следовательно, и его классификация не может быть поколеблена доказательством ее неполной применимости ко всем подразделениям отвлеченных наук. А между тем именно такой вывод и предполагает, с самого своего начала и до конца, вся аргументация Спенсера.

Доводы, которыми Конт оправдывает расширение найденного и сформулированного им закона, могут не удовлетворять его открытого противника, как они не убеждают и меня, его открытого последователя. Но отсюда, конечно, не следует, что его закон не был верным выразителем тех точных фактов, объяснению которых он служит. Скорее

можно защищать как раз обратное положение: что закон Конта верен относительно исторической эволюции наук лишь постольку, поскольку он не может служить объяснением постепенных успехов, достигаемых внутри каждой отдельной науки. Это положение может казаться заключающим в себе внутреннее противоречие и тем более нуждается в объяснении, что привычка смешивать точки зрения, имеющие меньше всего общего между собою, сильно укоренилась в области высшего отвлечения.

4. Ряд или преемственный порядок наук в том виде, в каком он всем известен и, можно сказать, всеми признан в настоящее время, вытекает сам собою из внимательного и точного наблюдения фактов, это пока только эмпирическое обобщение. Но те же факты открывают нам и существование однообразного и постоянного соотношения между порядком, в котором следуют друг за другом частные факты — построения различных наук, и одним общим, проходящим через всю природу фактом, который мы обозначаем термином «осложнение явлений». Это уже закон или теория. Но это соотношение или закон выражает истину только до тех пор, пока мы ничего не изменяем в данных, входящих в его состав и соединяемых им связью причинности, то есть пока эти данные остаются строго идентичными и мы не расширяем и не суживаем значения, специально придаваемого нами каждой категории фактов в отдельности.

Все это вполне очевидно, и наиболее верные законы природы перестали бы выражать истину, если б в отношении к ним было допущено малейшее нарушение этого основного предположения. А между тем этой необходимой опоры и лишают закон Конта, когда распространяют его за первоначальные его пределы и включают в него понятия и факты, отличные от тех, которые он объясняет, когда из области развития знания его переносят в область внутреннего деления частных наук. Одним словом, когда стараются сделать его более общим, чем он есть или может быть на самом деле.

В занимающем нас вопросе, многие вместе с Контом и после него неправильно расширили первоначальное и строгое значение тех двух категорий данных, между которыми его закон устанавливает постоянное соотношение. Первый разряд данных, относящийся лишь к появлению наук на исторической сцене или к великим изменениям в них, называемым их построением или обоснованием, был приравнен в своем значении к развитию человеческого знания вообще, т. е. к полю, до того обширному и содержащему такое громадное разнообразие фактов, что одна причина, выраженная одним законом, какими

бы общими ни были эта причина и этот закон, очевидно не в состоянии охватить всей совокупности этих фактов или объяснить все их разнообразные и сложные соотношения. Еще большему искажению подверглось точное значение второй половины данных, входящих в закон Конта и относящихся к возрастающей сложности изучаемых различными науками явлений. По точному смыслу выражения — возрастающая сложность, одно явление считается более сложным, чем другое, когда кроме свойств, проявляемых последним, оно обнаруживает новые свойства, которые уже не могут быть сведены ни на одно из ранее исследованных. В таком случае новая наука, называемая высшей, возникает для исследования нового свойства, то есть того «остатка» или «реликвата», объяснить который низшая наука уже не в состоянии. Но если это так, то каким образом можно, не изменяя значения слов, говорить о сложности явлений, будто бы возрастающей в пределах одной и той же науки? В этих пределах появление свойства, не сводимого на исследованные ранее, имело бы неизбежным следствием распадение соответствующей отрасли знания на две отдельные отвлеченные науки. Именно такой случай представляет, между прочим, и психология, по крайней мере, у тех философов, которые рассматривают ее как самостоятельную науку, упорно закрывая глаза на все доказательства в пользу мнения, что психологические явления составляют только особое видоизменение отправления жизни, отнюдь не обнаруживающее нового свойства материи и не представляющее нового осложнения в естественном ряду явлений.

Обыкновенный язык, который не может быть языком ни частной науки, ни общей науки или философии, придает весьма широкий, но вместе с тем сбивчивый и неопределенный смысл слову «осложнение». Под этим словом понимается всякое многообразие как причин, так и следствий, а также всякого рода трудность, возникающая из приращения в количестве предметов или фактов, которые приходится одновременно принимать во внимание. При этом не выясняется, относятся ли эти предметы и факты лишь к различным сторонам одного и того же явления, или они представляют самостоятельные явления, сопровождающие другие явления, или же, наконец, они составляют явления, обнаруживающие совершенно новые свойства материи, не сводящиеся на прежде исследованные. Так, например, химические соединения, в состав которых входят четыре элемента, или так называемые амиды, считаются более сложными, чем алкоголи, альдегиды и органические кислоты, из которых они образуются через соединение с аммиаком и которые сами представляют соединения,

составленные из трех элементов и, в свою очередь, уже более сложные, чем углеродистые водороды, как, например, этилен, или маслянистый, и формен, или болотный газ, не говоря уже о простейшем углеводороде — ацетилене, который получается через непосредственное соединение, под влиянием электрического тока, свободных углерода и водорода.

Итак, необходимо строго отличать то особое и, так сказать, техническое значение, которое термин «сложность» имеет в законе Конта, от его значения в обычной речи. Здесь мы снова имеем дело с двумя различными точками зрения, смешивать которые не следует. Только забвением этого различия объясняется распространение закона междунучной эволюции на разделение научного труда внутри науки. Однако при этом тотчас же со всех сторон возникают бесчисленные исключения и противоречия, грозящие подорвать, вместе с неправильным расширением закона, и сам закон, несомненно верный в его собственных и строгих пределах. Не теряя из виду последние, мы имеем право сказать, что закон Конта может быть признан точным выражением однообразного соотношения последовательности между науками, лишь при условии не выражать в то же время подобного же соотношения и между различными частями каждой, отдельно взятой науки. Вне этого условия, классификация Конта представляла бы собой колеблющуюся и постоянно ускользающую под нами почву. Пограничные линии между различными науками тотчас же сгладились бы или стали бы совершенно произвольными, и мы снова впали бы в хаотическое созерцание единого и неделимого человеческого знания и его развития, о котором, правда, мы все бы еще могли сказать в неопределенных выражениях, что оно постоянно прогрессирующее, но о точном направлении которого мы вряд ли могли бы иметь какое-нибудь понятие. Словом, мы вернулись бы к тому самому хаотическому созерцанию, из которого вывел нас закон Конта, в чем очевидно и заключалось его прямое назначение как закона.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

ОБЩИЕ ДАННЫЕ О МЕЖДУНАУЧНОЙ КЛАССИФИКАЦИИ СОЦИОЛОГИИ

5. В предыдущей главе мы коснулись возражения, которое, по всей вероятности, будет нам сделано и которое состоит в том, что наука только отражает в себе природу, не знающую резких переходов, а потому все справедливое по отношению к крупным отделам знания, называемым науками, должно неминуемо и в одинаковой степени быть верно и по отношению к более мелким подразделениям, образующимся внутриглавных отделов. Не останавливаясь на несколько метафизическом оттенке этого возражения, мы отвечаем на него, что непрерывность явлений в природе составляет особую точку зрения, совершенно отличную от той, которая охватывает факты, выражаемые исключительно законом Конта. Точка зрения непрерывности логически приводит к основному тождеству явлений. Но как бы кто ни был твердо убежден в этом тождестве или его значении в области философии, т. е. обобщенного человеческого знания, все-таки, основываясь на нем, невозможно всецело отбросить различия и несходства, составляющие причину возникновения и реальный объект науки, т. е. специализированного знания. Точки зрения непрерывности и тождества — философские вершины, с высоты которых человеческий ум не видит ничего, кроме сплошного однообразия, не замечает никаких различий и разграничительных линий. Но назначение отдельных наук состоит именно в таком увеличении угла зрения — посредством приближения наблюдателя к наблюдаемым предметам, которое позволило бы нашему умственному зрению охватить все реальные несходства явлений. *Общее* тождество явлений относится к их *частному* тождеству, как погоня за единой общей причиной — к отысканию многообразных частных причин. Первое ведет к метафизической систематизации природы, известной под названием философии тождества, а второе составляет сущность и истинную цель частной науки.

Закон природы — это отношение тождества между двумя рядами явлений, которые до установления закона могли казаться несходными и из которых один считается причиной или группой предшествующих явлений, а другой — действием или группой последующих явлений. Из этого следует, что закон тем более верен и тем важнее для науки, чем он яснее раскрывает под наружным несходством основное

тождество двух членов отношения, его составляющих, т. е. чем очевиднее он обнаруживает внутреннее тождество причины и следствия. Таковы теоремы математики, большинство законов движения и наиболее общие и простые законы во всех областях научного исследования. Таков и контовский закон научного развития, если очистить его от чуждых ему элементов, играющих в нем роль настоящих «замешательств», т. е. новых отношений, зависящих от других законов. Искомое тождество здесь выступает при одном взгляде на члены отношения, связанные между собою законом, как причина и следствие. Причиной является возрастающая сложность явлений, понимаемая как постепенное нарастание новых и самостоятельных свойств материи, а следствием — ряд или последовательное установление наук, которое, в свою очередь, должно пониматься как признание нового основного свойства материи и построение на этом свойстве абстрактной доктрины, способной к развитию.

6. Важность намеченного выше различия не ускользнет от внимания читателя. Это различие имеет двоякое значение: почти исключительно теоретическое — по отношению к наиболее исследованным областям знания, внутренние деления которых уже ясно обозначились (здесь оно только объясняет, почему внутреннее разделение науки не подчиняется закону, служащему основанием для международной классификации); и одновременно теоретическое и практическое — по отношению к новым областям человеческого знания, как, например, к социологии, правильное развитие которой только начинается и будущие деления которой выступают еще в неясных очертаниях. Здесь оно предупреждает о полнейшей безуспешности усилий, направляемых к разделению частной науки по принципу убывающей общности и возрастающей сложности явлений. *Науки могут классифицироваться*, т. е. рассматриваться как разнородные совокупности знаний, но *наука* может быть только *разделяться*, т. е. рассматриваться как одно целое, части которого вполне однородны между собою. Словом, развитие частной науки не следует началу междунучной эволюции, а в полном своем объеме обуславливается постепенным переходом от познания частных или индивидуально-конкретных отношений к познанию отношений общих или абстрактных, т. е. происходит в действительности лишь с точки зрения метода. Но очевидно также, что и эта точка зрения не может служить основанием для какого бы то ни было разделения частной науки, так как она одинаково и безразлично применяется ко всем частям последней.

Специальные и большей частью совершенно различные точки зрения решают вопрос о внутреннем разделении частной науки, наиболее соответствующем особому характеру изучаемых ею явлений.

Так, в математике получает силу основное различие между числом и протяжением; в механике — различие между группами космических и земных явлений, а также между их статикой и динамикой; в физике — эмпирическое различие между свойствами материи, обладающими одинаковой степенью общности и наблюдаемыми в одних и тех же естественных агрегатах. В химии простое наблюдение факта, что только некоторые элементы, за исключением всех остальных, входят в состав организованных или живых агрегатов, обуславливает разделение этой науки на органическую и неорганическую химию. Наконец, в биологии новые точки зрения структуры и функции нормального состояния и расстройства дают начало важному тройственному делению этой науки на анатомию, физиологию и патологию.

Что касается социологии, то остававшиеся бесплодными до сих пор попытки ее классифицировать ясно показывают, что в самой постановке вопроса кроется коренная ошибка. Для разделения какой бы то ни было отрасли знания необходимо, чтобы ее собственное развитие само выдвинуло вперед специальный принцип, который мог бы служить основанием для различения и группировки исследуемых частных явлений. Низшие наслоения в образовании социологии или то, что мы назвали естественной историей общества, уже представляют собою эмпирические деления, которые необходимо будет принять во внимание при разделении высшего наслоения или естественной науки об обществе. Но последняя, как показывает пример биологии, в свою очередь, может выдвинуть новый принцип, который даст начало иному делению. Остается, таким образом, открытым обширное поле для всевозможных гипотез, пока опыт окончательно не подтвердит одну из них или не опровергнет всех.

По этому поводу я попрошу у читателя позволения коснуться одного личного вопроса. Вместе со многими позитивистами, я долго верил в возможность классификации социальной науки согласно началу убывающей общности и возрастающей сложности социальных явлений. Я старался выделить из общей массы этих явлений не только наипростейшие элементы, на которые они разлагаются, но и целые группы конкретных фактов, представлявшихся мне более простыми и общими, чем другие факты, тоже конкретные, но уже более частные и сложные. И долгое время я думал, что нашел основание для прочной классификации, приняв за точку отправления группу экономических фактов, которые казались мне наиболее простыми и общими из всех социальных явлений и которые я охотно сравнивал с аналогичной

группой явлений растительной жизни. Но это различие в социологии, как и в биологии, не вытекает из действительного осложнения явлений, в смысле обнаружения нового и несводимого свойства материи, а основано на идеальной и условной сложности, являющейся результатом естественного взаимодействия тождественных сил природы. В этом-то идеальном и чисто условном смысле политические явления считаются более сложными, чем экономические, нервные явления — более сложными, чем остальные проявления жизни, полевой шпат — более сложным, чем калий или кремний и т. д. Но и помимо того, я не вижу, чтобы точка зрения внутреннего усложнения действительно взяла верх при разделении уже установившихся отраслей знания, поэтому я сильно сомневаюсь, чтобы она оказалась плодотворнее в области социологии.

7. В заключение этой части нашего исследования, резюмируем его еще раз в кратких словах. Речь идет, в сущности, об обширной категории фактов, которые могут быть подведены под одну общую рубрику прогресса человеческого знания. Но на этом почти бесконечном пути следует различать, по крайней мере, три отдельные области, три различных порядка идей: во-первых, успехи, зависящие от развития знания или обнаруживаемые этим развитием; во-вторых, прогресс, зависящий от применения логических методов; наконец, прогресс, зависящий от научного разделения труда внутри каждой отдельной отрасли знания и обнаруживаемый этим же делением. Мы имеем здесь три различных отношения, из которых каждое соединяет собою два члена, один остающийся постоянным, а другой — последовательно изменяющийся. Неизменный во всех трех отношениях член есть прогресс человеческого знания, а три изменяющиеся — развитие, метод и внутреннее деление. Первое отношение связывает научный прогресс общим взглядом, охватывающим совокупность всех явлений природы, отличая их друг от друга посредством одного реального признака — последовательного проявления новых и самостоятельных свойств материи в различных естественных группах или агрегатах. Закон Конта выражает только это отношение. Второе отношение связывает прогресс знания со стремлением человеческого ума к все большему и большему объединению и обобщению приобретенных познаний — стремлением, которому мы обязаны существованием главных логических методов в науке. Наконец, третье отношение связывает прогресс знания со специальными и многообразными условиями, которые

проявляются внутри каждой отрасли знания, тотчас вслед за прочным ее обоснованием, и бывают объективными или субъективными, смотря по тому, относятся ли они к наблюдаемому объекту или наблюдающему субъекту.

8. До сих пор мы имели в виду одну отрицательную сторону критики Спенсера; нам остается познакомиться теперь с положительной стороной его учения или с собственными его построениями. Попытавшись доказать, что научный ряд в том виде, в каком он установлен положительной философией, составляет только гипотезу, причем не выдерживающую критики, английский философ не без основания находит, что этого недостаточно, что простое разрушение не может удовлетворить человеческий ум. Поэтому он и дополняет свое исследование изложением собственно ему принадлежащей классификации наук¹. Данная классификация настолько противоречит классификации Огюста Конта, что если признать ее верной, последняя должна неминуемо пасть. В настоящую минуту только две эти классификации и могут оспаривать друг у друга право на всеобщее признание. Таково мнение самого Спенсера, и с ним нельзя не согласиться. Конечно, после всего сказанного выше не подлежит сомнению, какой именно классификации мы отдаем предпочтение, но из-за вопроса, который мы стараемся здесь разъяснить (о месте, занимаемом социологией в ряду наук), будет целесообразно подкрепить наше мнение еще некоторыми доводами, почерпнутыми из рассмотрения классификации английского философа.

Прежде всего, вот в главных чертах доктрина Спенсера. Науки, по его мнению, не образуют ряда, воспроизводящего какой-либо порядок в явлениях или обнаруживаемых ими свойствах. Это, впрочем, не мешает различению между способами нашего познания, стало быть, и группировке наук в ту или другую категорию, словом, классификации знания. Но на каком начале будет основываться новая классификация, если отвергнуть точку зрения ряда или последовательного развития? Данное начало всецело заключается в различении двух понятий, смешиваемых Контом и большинством философов: понятий об *отвлеченном* и *общем*. Эти понятия не равнозначны, как обыкновенно думают. Отвлечение или абстракция означает *отделение* признаков *от* частных случаев (цитирую буквально). Общность означает *проявление во* множестве случаев. С одной стороны, мы рассматрива-

¹ Spenser H. Essays: scientific, political and speculative. — London, 1891.

ем только существенные свойства явления, мы имеем дело лишь с голым понятием, независимо от всяких частных реальностей; с другой — мы имеем в виду только повторность феномена, т. е. число случаев, в которых он проявляется.

Из этого следует, что бывает истина двоякого рода: «Абстрактная или не воспринимаемая чувствами ни в одном из тех случаев, к которым она относится, и общая или воспринимаемая чувствами в каждом из случаев, относительно которых она утверждается». Так, например, истина, что угол, заключенный в полукруге, есть прямой, составляет абстрактную истину, ибо она не может быть осуществлена в действительном круге и справедлива только относительно идеальных математических кругов и углов. Но эта же истина не может быть названа общей, так как она никогда не осуществляется на самом деле в природе. Напротив того, истина, что всякое позвоночное животное обладает двойной нервной системой, есть истина общая, так как она осуществляется в каждом из отдельных случаев, к которым относится, но это же последнее обстоятельство и мешает ей быть абстрактной. Но существуют науки, которые только абстрагируют и содержат в себе одни абстрактные истины: таковы математика и логика в ее субъективной форме. Существуют также науки, которые только обобщают и содержат одни общие истины: таковы астрономия, геология, биология, психология и социология. Наконец, существуют науки, которые абстрагируют и обобщают, в одно и то же время, и содержат вместе абстрактные и общие истины: таковы механика, физика и химия. Таким-то образом получается тройственная классификация, которую Спенсер и противопоставляет классификации Конта. Итак, мы имеем три класса, три группы или три категории наук; Спенсер называет их абстрактными, абстрактно-конкретными и конкретными, хотя, по справедливости, ему следовало бы назвать их абстрактными, абстрактно-общими и общими. Но если Конт не отличает абстрактного от общего, то Спенсер имеет право не отличать общего от конкретного.

Но оставим это. Мы хотим охватить одним взглядом весь путь, пройденный Спенсером, а не останавливаться на всех камнях преткновения, которыми этот путь усеян. Вот как Спенсер подробно характеризует три означенные выше категории. Абстрактные науки занимаются формами, под которыми мы воспринимаем явления. Эти формы — пространство или абстракт многообразных отношений сосуществования, и время или абстракт многообразных отношений последования. Абстрактные науки могут быть названы, следователь-

но, науками о законах феноменальных форм, и между двумя науками (математикой и логикой), занимающимися абстрактными отношениями сосуществования и последования, и науками, занимающимися самим бытием во времени и пространстве, — существует целая пропасть. Вторая группа, науки посредствующие или абстрактно-конкретные, изучает уже не кадры бытия, не идеальные и ничем реальным не занятые формы отношений, но само бытие, т. е. действительные явления и обнаруживаемые ими реальные отношения. Причем явления рассматриваются только с точки зрения их составных элементов, а это значит, что «упуская из виду все случайное в частном явлении, мы направляем наши старания на отыскание закона каждого видоизменения силы в отдельности, оставляя в стороне все прочие ее видоизменения». *Сила* — это концепция, отсутствие которой в абстрактной группе наук и появление в группе абстрактно-конкретной приводит резкую границу между обоими разрядами знаний.

Идеализация или абстракция в области абстрактно-конкретных наук спускается на одну ступень сравнительно с отвлечением в абстрактных науках и в такой же мере подымается по сравнению с тем же процессом в конкретных науках. Науки, входящие в эту среднюю группу, могут быть названы еще науками о законах элементов или *факторов*, в противоположность конкретным отраслям знания, изучающим законы *производных* явлений. Эта последняя группа, наконец, также изучает явления и их реальные отношения, но в ней уже больше не идеализируются явления, ни отношения. От аналитического объяснения природы здесь переходят к синтетическому. Это значит, что, «принимая во внимание все акциденты или обстоятельства, сопровождающие данное явление, мы стараемся объяснить себе его в целом, как продукт всех сил, действующих одновременно в определенном случае». Эти три главных отдела человеческого знания могут подразделяться самым различным образом. Каждый из них заключает в себе разные группы и подгруппы, различающиеся между собою по степеням общности содержащихся в них истин, «так как бывают общие абстрактные истины и абстрактные специальные истины, общие абстрактно-конкретные и специальные абстрактно-конкретные истины, наконец, общие конкретные и специальные конкретные». Но главные три класса истин не отличаются друг от друга по степени своей общности, они все одинаково общи или, точнее, всеобщы, так как для их достижения все предметы и явления в природе

могут и должны служить исследователю объектом или материалом. Эти классы отличаются только степенью, до которой доведена в них абстракция или процесс отвлечения. Здесь я заканчиваю изложение доктрины Спенсера, не вдаваясь во все частности развития, приданного ей самим автором.

9. Ложное учение всегда ложно уже в своем основании, поэтому последнее и нужно, прежде всего, стараться осветить критически. Частности всякого учения представляют нечто весьма разнообразное и смешанное. Заимствованные у самых различных точек зрения, они сами по себе большей частью вызывают так же мало возражений, как много их вызывает учение, с которым они соединены чисто внешней связью. Они похожи на орнаментацию безупречного стиля, придающую внешнее изящество зданию, но нисколько не способствующую его прочности. Но различие между абстрактным и общим составляет основу учения, которое я оспариваю. Это различие не может быть оправдано, с какой бы стороны на него ни смотреть и какое бы из него ни делать употребление. Различаемые понятия в действительности нельзя противопоставлять одно другому. Они не только не исключают, а, напротив того, взаимно предполагают и дополняют друг друга. Противоположение, сформулированное Спенсером, это простая софистикация, изменение реального значения предметов с помощью выводов, построенных на произвольном и условном значении терминов и оборотов обыкновенного языка, это игра слов во вкусе древних греков и средневековых схоластиков. Я не могу настаивать на этой стороне большей части философских разногласий даже в нашу эпоху, по этому вопросу я лучше предоставляю слово Юэллю, приведя некоторые места из первых глав его «Истории индуктивных наук». Читатель уже сам сумеет применить их к занимающему нас случаю. «Есть два способа философствования и определения смысла высших абстракций, употребляемых в научных исследованиях, — говорит этот беспристрастный историк науки, — один из них состоит в рассмотрении слов и вызываемых ими в уме представлений, другой — в обращении внимания на факты и предметы, вводящие в язык и общее употребление абстрактные выражения и термины. Только этот последний путь, метод *реального* исследования, ведет к успеху. Греки следовали по первому пути, обращали внимание исключительно на словесные различия и абстрактные понятия и потерпели неудачу... Убежденные в том, что философия должна явиться результатом изучения отношений, существующих между понятиями, скрытыми в

терминах обыкновенного языка, греки стремились выводить свои философские доктрины из рассмотрения этих понятий. Вместо того, чтобы черпать ясные представления о вещах из мира этих последних, при помощи индуктивных приемов мышления, они выводили свои знания из изучения того или другого разряда распространенных, всем знакомых понятий... Наклонность черпать философские принципы из слов и терминов языка замечается в самую раннюю эпоху, примером чему может служить приписываемое Фалесу, основателю греческой философии, следующее рассуждение: когда его спросили, что больше всего, он отвечал: «Пространство, так как все вещи заключаются во Вселенной, а сама Вселенная заключена в пространстве». С Аристотелем этот метод исследования достигает своего кульминационного пункта. Большая часть фактических ошибок, которые допустил великий Стагирит, объясняются простыми словесными софизмами. Обыкновенный его метод состоит в разрешении важнейших вопросов естественной философии, вызывавшихся тонкими спекулятивными умами, путем простого развития значения слов и фраз, употребляемых для выражения наиболее общих понятий о предметах и их отношениях. Другим способом рассуждения, получившим широкое применение в этих первых философских попытках, был логический прием противоположений. В нем исходили из предположения, что признаки или атрибуты, постоянно противопоставляемые друг другу в обыкновенной речи или при всяком абстрактном способе рассуждения, должны рассматриваться как заключающие в себе безошибочные указания на основную, весьма важную для изучения антитезу или противоположность в самой природе. Нужно заметить, что наклонность ума предполагать существование одного общего элементарного свойства во всех случаях, к которым мы обычно прилагаем один общий атрибут, пережила влияние аристотелевской философии, которой она предшествовала по времени»¹.

Но как бы твердо мы ни были убеждены в том, что классификация Конта прямо выведена из действительных фактов, а классификация Спенсера основана на словесных различиях, мы, однако, не можем заставить читателя разделить такое убеждение, пока не встретим Спенсера на его собственной почве и не разобьем его аргументацию его же оружием. Со времен Фалеса, который, как для всех очевидно теперь, лишь играл словами, противопоставляя понятие о величине или объеме понятию о пространстве, до Спенсера, тонко различающе-

¹ Whewell W. History of the inductive sciences. — London, 1837.

го между абстрактным и общим, философия прошла длинный путь. И никому, конечно, не придет в голову проводить близкую параллель между методом философа, предположительное существование которого относится к XI веку до христианской эры, и методом одного из замечательнейших мыслителей XIX столетия. Но в виду того, что Спенсер и до сих пор приписывает реальное и преобладающее значение рассмотрению абстрактных терминов, употребляемых в философском языке, нам предстоит проверить, может ли истолкование им этих терминов быть оправдано даже с исключительно-логической точки зрения. Со своей стороны, мы в этом сильно сомневаемся. Различение между абстрактным и общим представляется нам и в логическом отношении столь же произвольным и неосновательным, как и отождествление общего с конкретным, которое, по-видимому, вытекает у Спенсера из первого различения. Я охотно допускаю все послыжки спенсеровского рассуждения, т. е. принимаю его определение абстрактного и общего. Но с какой бы стороны я ни смотрел на эти послыжки, я не могу вывести из них того заключения, к которому приходит Спенсер. Допустим, что абстрактное есть нечто выделенное из частных случаев, а общее — нечто обнаруживающееся во множестве случаев. Однако из этого нисколько не следует, что абстрактное — это противоположность или логическое отрицание общего, или даже что эти термины выражают два существенно различных понятия. Эти определения абстрактного и общего легко могут быть согласованы с противоположным взглядом, утверждающим, что признак или атрибут, проявляемый во множестве случаев, т. е. общий признак, неизбежно, необходимо, логически — есть признак, выделенный из частных случаев, абстрактный. Объективно или в реальной действительности признак не может быть отделен от частного случая, в котором он проявляется. Из него нельзя делать предиката не только множества, но даже нескольких случаев одновременно, не отнимая у него реального или конкретного существования, не идеализируя его, хотя бы в самой незначительной степени, не абстрагируя его от всех проявляющих его с разнообразными и неуловимыми оттенками частных случаев, не превращая его в общее понятие или абстракцию. Вот почему с самых отдаленных времен, лишь только началось первое серьезное развитие в области человеческого мышления, философы никогда не сомневались в полнейшей равнозначности абстрактного и общего, всегда утверждая, что общее явление, свойство, признак или понятие совершенно однозначны с абстрактным явлением, свойством, признаком или понятием, в том самом специальном смысле,

какой придает последнему термину Спенсер, т. е. как нечто такое, что никогда не может быть осуществлено или воспринято чувствами ни в одном из частных случаев действительности. И наоборот, что всякое абстрактное понятие есть, в то же время, и общее понятие в специальном значении этого термина у Спенсера, т. е. как нечто такое, что всегда проявляется одновременно более чем в одном частном случае.

Все это справедливо в смысле еще более тесном и ближе касающемся предмета настоящего рассуждения. На самом деле, чем многочисленнее случаи проявления известного свойства, тем более это свойство может считаться общим. Но в то же время оно и более абстрактно, ибо в каждом частном случае все меньше и меньше можно ожидать встретиться исключительно с ним одним: такое свойство все меньше отождествляется с частным случаем, все более и более из него выделяется. Так, свойства числа и протяжения наиболее общи, так как они проявляются во всех возможных и воображаемых случаях, но одновременно они и наиболее абстрактны, так как одни и в отсутствии других свойств не проявляются ни в одном конкретном случае: *они не образуют собою ни одного частного случая*. Общность, составляющая объективную сторону отвлеченности, измеряется и, следовательно, познается легче, чем отвлеченность, составляющая субъективную сторону общности. Но, в сущности, мерило, очевидно, должно быть одно и то же для отвлеченности и общности. В конце концов, этим мерилom может быть только число конкретных случаев, в которых проявляется или из которых выделяется то или другое явление, свойство, признак или понятие.

Я мог бы ограничиться настоящим кратким объяснением, но, в виду некоторой его отвлеченности, постараюсь подкрепить и пояснить его несколькими примерами, которые я возьму предпочтительно у Спенсера. Так, для последнего явление, что все позвоночные животные имеют двойную нервную систему, составляет весьма общую, но отнюдь не отвлеченную истину. Для позитивистов — и в этом они не расходятся с философами других школ — это эмпирическая истина. Что значит такая истина, которая хотя и абстрагирована от реальных и конкретных фактов, но еще недостаточно, и хотя составляет обобщение, но еще не такое, которое бы вполне удовлетворяло объединительные стремления нашего ума. Эмпирическая и теоретическая истина или, как ее называет Спенсер, абстрактная, отличается только степенью, притом исключительно степенью научного совершенства, достигаемого каждым из этих двух типов истины, противопоставлять которые друг другу отнюдь не следует. Эмпирическую истину можно

назвать еще несовершенно отвлеченной или обобщенной: она есть абстракция или обобщение в периоде роста, развития, между тем как теоретическая истина есть совершенно отвлеченная или обобщенная, есть абстракция или обобщение, достигшее пределов своего естественного развития. Но эмпирическая истина неизбежно, неминуемо ведет к теоретической. Самый узкий эмпиризм становится в свое время теорией, поражающей своей глубиной и широким кругозором. Все науки начинают с эмпирических истин и приходят к теоретическим. Сама математика, которую Спенсер справедливо приводит как тип абстрактной науки, не миновала этого общего закона: аксиомы, составляющие почти все реальное содержание строго-опытной части математического знания, до сих пор об этом свидетельствуют. Но возвратимся к нашему примеру. Двойная нервная система у позвоночных животных, являющаяся эмпирической истиной, выдаваемой Спенсером за весьма общую (хотя ее и нельзя считать такой по сравнению с многими другими, также эмпирическими истинами естественной истории и биологии), в точных пределах своего формулирования очевидно так же мало способна быть реализована или воспринята чувствами в каждом данном животном, как мало может быть осуществлен, в реальных углах и кругах природы, идеальный угол в 90° , вписываемый математиком в не менее идеальной четверти круга. Было бы излишне предпринимать здесь полное доказательство этого столь очевидного положения, поэтому я к сказанному добавлю только одно замечание. Естествоиспытатель может держать в руках позвонок, принадлежавший какому-нибудь млекопитающему, птице, пресмыкающемуся или рыбе; и геометр, приняв некоторые обыкновенные предосторожности, может начертать круги и построить углы, если и не вполне совершенные, то все-таки поражающие своей правильностью. Но остеологический обломок в руках натуралиста кажется мне гораздо дальше стоящим от позвонка, о котором может идти речь во всяком, несколько общем предложении естественной истории или анатомии, чем реальный угол, построенный математиком, от идеального угла, к которому относятся исключительно геометрические теоремы. Очень вероятно даже, что геометрические очертания, осуществляемые природой, не более удаляются от идеальных линий математики, чем биологические реальности от абстрактных типов, к которым относятся исключительно законы биологии¹. Выражение

¹ «Снежные кристаллы, по совершенной правильности своих форм, обращают в конкретные реальности самые идеальные абстракции геометрии», — справедливо замечает,

«тип», только что нами употребленное, имеет в биологии специальное, хотя и близкое к приданному ему выше значение. Например, в остеологии позвонком-типом называют «абстрактную организацию, не встречающуюся в совершенном виде ни у рыб, ни у других позвоночных, но приближающуюся, вообще говоря, к теоретическому образцу у высших позвоночных гораздо больше, чем у низших»¹. Эти несколько строк ясно показывают, с какого рода обобщениями мы часто имеем дело в органических науках. Но если в приведенном определении, одинаково принадлежащем всем отделам науки о жизни понятия, отбросить все то, что относится до приближения к типу со стороны высшего класса животных (а таков специальный смысл этого термина), то в словах: «абстрактная организация, не встречающаяся в совершенном виде ни у одного из организованных существ», мы имеем верное и точное изображение истинного характера всех, без исключения, понятий, входящих в состав законов жизни и в своей совокупности образующих абстрактную науку биологии.

10. В этом, не выдерживающем критики различении общего от абстрактного, слышится, впрочем, как бы дальний отголосок другого различения — общеизвестного и принятого всеми, в том числе и позитивистами. Именно различение *реальных* законов природы от *идеальных*, которое основано исключительно на разнице в степени, свойственной тем и другим отвлеченностям, и которое, в свою очередь, повторяет только другое различие — эмпирической истины от теоретической. При этом, однако, идеальными называются лишь те теоретические законы, в которых не только игнорируются какие бы то ни было замешательства и посторонние влияния, но и вообще абстрагируются от всякого реального процесса в природе, которые, таким образом, в своем чисто-идеальном характере выражают лишь то, что *неизбежно должно было бы случиться* при заведомо иных условиях, чем существующие в объективном мире. Но идеальные законы, встречающиеся чаще всего в области математики и механики, не составляют исключительной принадлежности этих наук. Законы с подобным же характером устанавливаются во всех областях человеческого знания, в биологии и социологии точно так же, как в самых общих и абстрактных отделах механики. В этом отношении я сошлюсь только на следующие строки в последней книге Льюиса, одного из

между прочим, Тиндаль в одной из своих статей: Tyndall J. // For nightly Review. — 1894. — February.

¹ Littré É. Dictionnaire de médecine, article Vertèbre. — Paris, 1879.

замечательнейших представителей умеренной левой новой философии. «Движение, — говорит Льюис, — никогда не бывает однообразно и прямолинейно; тычинка или пестик никогда не бывает листом; кости черепа никогда не бывают позвонками; планета никогда не описывает эллиптической орбиты; эти и все другие идеальные законы представляют абстрактные истины и могут служить к объяснению конкретных фактов не иначе, как только при условии постоянного исправления последствий естественного стремления нашего ума к принятию отвлечений за реальности»¹.

Но в учении Спенсера можно отыскать не один только этот отголосок позитивной философии. Так, например, приступая к объяснению взаимной связи образованных им трех научных групп, Спенсер говорит: «Первая группа, абстрактная, служит орудием (открытия, исследования) для двух следующих групп, а вторая, абстрактно-конкретная, орудием для третьей или конкретной группы. Никакое перемещение этих ролей или функций немыслимо, в виду характерных отличий и особенностей каждой группы». Но то же самое, в сущности, если не в одинаковых выражениях, всегда утверждалось и Контом со всей позитивной школой, с той только разницей, что методологическая зависимость наук друг от друга выставлялась ими как необходимое следствие убывающей общности и возрастающей сложности явлений. Вообще нельзя не заметить, что если основания, составляющие, так сказать, внешнюю рамку классификации Спенсера, и ложны или, говоря точнее, если они, при первом прикосновении критики, превращаются в чисто-словесные различия, то само содержание его классификации — почти буквальное воспроизведение научного ряда по учению Конта. На самом деле, первая группа Спенсера охватывает собою только математику и наиболее отвлеченные отделы механики: кинематику (теорию движения) и то, что Спенсер называет геометрией движения². Вторая — охватывает всю остальную часть механики, а также физику и химию. В третьей, наряду с такими конкретными науками, как геология и метеорология, мы встречаем биологию и социологию. Но освещенное вышеприведенное объяснение Спенсера относительно назначения каждой группы служит орудием для последующей, не является ли подобное распределение уже само

¹ Lewes G. Problems of life and mind. — London, 1874.

² Логика также помещена в этой группе, но Спенсер согласен с тем, что объективно психология должна идти после биологии; и только субъективно, т. е. в виде логики, эта наука (единственная в своем роде и составляющая прямую антитезу по отношению ко всем другим) может стоять во главе научного ряда.

по себе достаточно убедительным доказательством вполне призрачного характера классификационных рамок Спенсера? Более настоятельные начала не могли бы, конечно, разрешиться простым воспроизведением в своих выводах самых выдающихся последствий начал, им диаметрально противоположных. Я, впрочем, хорошо знаю, что между рядом наук у Конта и их классификацией у Спенсера существует, по крайней мере, одно различие, состоящее в том, что тогда как у первого химия, например, подчинена физике, а социология — биологии, у второго это подчинение одной науки другой отпадает, исчезая в подчинении одной группы наук другой группе. Это, бесспорно, весьма важное различие.

Правда, это нововведение или эту поправку Спенсера весьма трудно защищать ссылкой на факты или на то, что действительно происходит в среде наук. Мы были бы вправе потребовать, чтобы нам показали, так сказать, на деле спенсеровского химика, пользующегося математикой и теорией движения, как необходимыми орудиями для своих работ и отвергающего помощь физики. Еще более интересно было бы видеть его социолога, рассматривающего общество как простой продукт физических и химических свойств материи, прямо выводящего из этих последних, не пропуская их через горнило фактов и законов биологии, — специальные законы общественных явлений. Но я, без сомнения, заблуждаюсь: факты сильнее всяких теорий, и метод, употребленный самим Спенсером в его социологических исследованиях, хотя косвенно и только окольным путем, но восстанавливает все наиболее существенные практические результаты того взгляда на научный ряд или непрерывную связь наук, которого придерживаются Конт и его школа. Действительно, мы знаем, что Спенсер, больше, чем кто-либо, способствовал установлению самой тесной связи между социологией и биологией. Таким образом, разногласие, существующее между Контом и Спенсером в теории, исчезает в значительной степени на практике. Однако в виду того, что теория всегда важнее практики, и теоретическая точка зрения должна всегда подчинять себе практическую, я не считаю нужным изменять что-либо в сказанном выше относительно существенной разницы между научным рядом Конта и классификацией Спенсера. И вот главным образом с целью утвердить занятое им положение на непоколебимом логическом основании, Спенсер и прибегает к своему, надеюсь, уже безвозвратно осужденному читателем различению между отвлеченным и общим. Нам кажется даже, что разногласие между Контом и Спенсером должно было, в уме последнего, предшествовать логическому оправданию, которое он

уже подыскалему впоследствии. Настоящая мысль Спенсера, однако, лежит в другом направлении, и к ее обнаружению мы теперь и обращаемся. Мы могли бы не касаться здесь этого предмета, если бы преследовали одни полемические цели. Но рядом с полемикой мы имеем другую цель. Мы желаем по возможности содействовать правильной оценке системы философа, который, если верить Миллю, «имеет право быть признанным равным Конту».

11. Спенсер — философ, который, по словам его поклонников, «воскресил гипотезу Лейбница о непрерывности прогресса в природе, очистил ее от глубоко засевших в ней метафизических примесей и подкрепил ее результатом двух веков опыта и научного развития»¹. Гегель пытался сделать то же в своем учении о развитии бытия, но там, где немецкий философ потерпел полную неудачу, английский, по мнению его учеников, имел полный успех. Он создал новую философскую систему, положил твердое основание «философии эволюции». Я не оспариваю прав Спенсера на удивление и признательность современников или потомства, эти права не подлежат сомнению. Напоминаю только, что этот самобытный мыслитель много занимался вопросом о генезисе или порядке возникновения в космосе различных разрядов явлений. Спенсер представляет себе этот порядок, или «космическую эволюцию», точно так же, как и позитивисты. Как на его взгляд, так и на наш, пять космических фаз следуют друг за другом, постепенно увеличивая собою сумму мировых явлений. Сначала обнаруживаются астрономические явления, потом геологические и, непосредственно за ними, биологические. Далее наступают психологические явления и, наконец, в заключение ряда, социологические. Никакой перерыв и никакое изменение невозможны в этом порядке последовательности и очевидной зависимости (с двойной точки зрения генезиса и научного объяснения), устанавливающихся между каждым из названных разрядов явлений и разрядами, ему предшествующими. Так думает Спенсер, и так думают позитивисты, за одним лишь исключением несущественного здесь вопроса о генетическом значении психологических явлений. Но если, невзирая на общность исходных точек, обнаруживается несходство в результатах, то это значит, что сам путь или метод, которому следовали, был различен в обоих случаях. В двух занимающих нас случаях дело идет о так называемом дедуктивном рассуждении, поэтому либо вывод Спенсера, либо вывод позитивистов должен быть ошибочен. Я думаю,

¹ Ribot T. La psychologie anglaise contemporaine. — Paris, 1870.

что подобный упрек нужно сделать именно Спенсеру: в своем заключении он допускает нечто, чего вовсе не было в послылках. Спенсер и позитивисты знают только одно, причем совершенно одно и то же: научный анализ конкретных агрегатов или явлений, соответствующих двум первым космическим фазам, астрономическому и геологическому периодам, привел к различению трех категорий свойств — количественных, физических и химических, отсюда и три различные абстрактные науки. Из этого бесспорного свидетельства опыта позитивисты заключают, что нужно положиться на аналогичный опыт для разрешения вопроса о том, проявляются или нет новые свойства в конкретных агрегатах и явлениях, соответствующих другим космическим фазам (биологической и социологической эпохам), а также, что всякое предсказание а priori в этом направлении, очевидно, бесполезно. Словом, что признание или отвержение новых свойств материи, действующих или проявляющихся в новых космических фазах и новых агрегатах, совершенно не известных первым фазам, может, в конце концов, быть только результатом опыта или, что то же, опытным фактом. Спенсер, напротив, думает, что это признание, или отвержение, может стать логическим фактом или результатом простой дедукции. По крайней мере в данном вопросе человеческий ум, по его мнению, лучший путеводитель, а разум рассуждает так: в первую эпоху космического бытия действуют только механические, физические и химические силы, но чего нет в начале, того не может быть ни в середине, ни в конце процесса. Стало быть, биологические и социальные свойства могут быть только продуктами механико-физико-химических свойств или, вернее, самими этими свойствами. Но, скажу прямо, это рассуждение только в таком случае имело бы значение и могло бы меня убедить, если б было доказано, что вначале уже существовали органические и социальные агрегаты. Однако, несмотря на это, налицо были только механические, физические и химические силы: ибо дедуктивное рассуждение правильно только в той степени, в какой оно ограничивается верным воспроизведением в своем заключении того, что уже содержалось в послылках.

Новое во взгляде Спенсера, в этом направлении, сводится исключительно к изгнанию биологии и социологии из ряда абстрактных наук, к отрицанию их значения, как основных наук.

Спенсер вполне признает все остальные части доктрины Конта; серьезное разногласие существует между ним и основателем позитивной философии только в этом пункте. Но что нового вносит в философию это разногласие, и вполне ли уверен Спенсер, что с его стороны

в этом споре нет бессознательного возвращения к прошедшему, нет простого обновления мнения, когда-то бывшего очень распространенным? У Литтре я нахожу следующее описание состояния биологии в эпоху, непосредственно предшествовавшую ее научному обоснованию, т. е. сравнительно недавно. Я привожу здесь эти строки, имеющие свое значение. «Со времени отдаленнейших свидетельств о занятии наукой, мы видим, что биология изучается ревностно. Ею занимаются Демокрит и Гиппократ, Аристотель посвящает ей много важных трудов; ее развитию, прямо или косвенно, способствуют все врачи; в ее области делаются чрезвычайно важные открытия, как, например, открытие кровообращения. И, однако, я, не колеблясь, скажу, что, несмотря на все это, биология еще не была наукой. Каков бы ни был характер открываемых фактов, из них не вытекало ни одного основного начала, которое могло бы догматически отделить биологию от других, низших знаний. Я пользуюсь здесь словом, которое вместе с понятием, им выражаемым, впервые было употреблено Контом. Как можно легко в том убедиться, я имею полное право употребить здесь именно это выражение. Биология оставалась *приложением к физике и химии*. Всякий раз, когда хотели теоретически обосновать ее, неминуемо приходилось группировать факты вокруг какого-нибудь принципа, заимствованного, смотря по времени, из вполне обоснованных наук. Ученые, восстававшие против подобных физических и химических объяснений, не могли ровно ничего предложить взамен их. Ясно, что биологии недоставало, так сказать, догматической устойчивости, которая могла явиться только тогда, когда бы, наконец, стало известным, обладают ли клеточка, мускульное и нервное волокно и т. д. особыми, им принадлежащими свойствами, или же они представляют лишь видоизменения различных сил неорганической материи»¹. Эти строки объясняют спорный вопрос настолько, что я нахожу излишним настаивать на применении, которое может быть сделано из них к воззрению, представляемому Спенсером.

Ясно, что если бы последний писал до появления бессмертных трудов Биша, он имел бы полное основание противопоставить анимизму, витализму и другим распространенным в то время теориям свой взгляд на возможность чисто физического и химического объяснения жизненных явлений. Но более пятидесяти лет отделяют нас от перелома, совершившегося в биологии. Постановка вопроса совершенно изменилась, а между тем Спенсер и теперь занимает то же положе-

¹ Littré E. La science au point de vue philosophique. — Paris, 1873.

ние, какое занимали в прошлом столетии противники (бывшие в этом отношении настоящими позитивистами эпохи), придерживавшиеся метафизических воззрений предшественников Биша. Как объяснить это явление, составляющее настоящий анахронизм в истории философии? Что касается меня, то когда я встречаю упорное отрицание абстрактного характера биологии и социологии и их полного научного равенства с науками неорганической природы, я не могу не видеть в этом новом появлении старой доктрины (бесспорно очень распространеннейшей в последнее время) прямого следствия того, что в социологии называется естественной реакцией, т. е., в сущности, следствия усталости мысли, наступающей после всякого сильного умственного напряжения. При этом следует заметить, что обычно эта усталость овладевает, по-видимому, сперва лучшими умами, естественными вожжами человечества как в поступательных, так и реактивных его движениях. Поступательное движение было осуществлено великой концепцией Конта о социологии, реакция же представлена ныне доктриной Спенсера. Законы чрезвычайно капризных явлений социологической реакции еще не исследованы; замечено только, что реакционная волна то остается позади «активной» и не достигает крайних пределов произведенного последней перемещения, то, по-видимому, даже выходит за эти пределы. В среднем же выводе и большинстве случаев, эти два противоположных движения, как кажется, могут быть измерены волнами одинаковой величины. Применяя сказанное к занимающему нас случаю, мы увидим, что здесь мы имеем пример реакции второго или третьего рода, смотря по тому, припишем ли мы *действию*, произведенному Контом, — введение в иерархию или ряд наук одной только социологии, или социологии и биологии вместе. Во всяком случае, весьма знаменателен факт, что Спенсер останавливается на пороге химии, т. е. не переступает крайних пределов управляющего умственными движениями закона, хотя ничто, казалось бы, ни в логике, на которую он опирается, ни в древней метафизике, из которой он, очевидно, черпает свои идеи о *форме* явлений, об единой и нераздельной *силе* и т. д., ничто, говорим мы, не должно было помешать ему распространить свою теорию не только на химию, но и на физику. Логика и метафизика, наоборот, одинаково должны были побуждать его к превращению его произвольной научной трилогии в широкую унитарную теорию и уничтожению сперва химического «несократимого остатка», а потом и физического, подобно тому, как им уже были уничтожены «несократимые остатки» биологии и социологии; к перемещению содержания химии в готовые

формы физики, а содержания этой последней — в готовые формы теоретической механики; к поискам за первичным началом, единой силой, основной энергией и (может быть даже, кто знает?) за конечной причиной. Одним словом, логика и метафизика прямо говорили ему о необходимости направить философию эволюции в русло более последовательной полунаучной, полуметафизической системы, зародившейся в Германии и в последнее время производящей, по видимому, настоящие опустошения в философских умах этой страны¹.

12. Выше я сказал, что учение Спенсера об абстрактных или основных науках является продуктом усталости ума. За отрицанием жизненных или социальных свойств кроется своего рода инерция мысли, не допускающая других специальных свойств материи, сверх завоевавших себе уже место в науке. Гипотеза жизни бесполезна: в области жизни нет ничего, кроме специализированных физики и химии. Еще меньше нужна общественная гипотеза: разве не ясно, что в обществе мы имеем дело лишь со специальным видоизменением обыкновенных физических и химических фактов? Как не вспомнить при этом определения жизни одним современным ученым: двойная метаморфоза солнечных лучей! Не то, чтобы мы видели тут малейшую ошибку и хотя бы тень заблуждения, это определение — чистейшая истина. Однако для нас невыносима поверхностная и пустая тавтология, которую стараются выдать за философскую глубину и, что еще хуже, за научную точность.

Генезис (или потенциальная реальность) явлений — одно, их акту-

¹ Два слова по поводу этого нового компромисса между современной наукой и древней метафизикой. Монизм (который можно назвать еще панэнергизмом — прямым и законным наследником умирающего пантеизма) возник в Германии вслед за замечательными трудами, внушенными немецким ученым быстро распространившимся по всей Европе идеями Дарвина и Уоллеса. Новая доктрина, подобно многим метафизическим системам, заявляет, прежде всего, притязание примирить философию с так называемым последним словом современной науки, в действительности же — с несколькими из последних научных гипотез, по выбору самих философов. Конечно, «разрабатывать» научные гипотезы полезно, и гипотеза Дарвина, несомненно, превосходна. Она для науки такое же ценное приобретение, как гипотеза эфира, например, и стала уже одной из составных частей современного мирозерцания. Такая ее роль вполне могла удовлетворить и, как мы знаем, действительно удовлетворяет строго позитивные умы. Но философы, не порвавшие окончательно всех связей с метафизикой, не желают видеть в ней только составную часть основанного на всей науке мирозерцания или простое расширение научного горизонта в одном направлении. Они хотят, не более и не менее, как построить на ней «новое» мировоззрение. Наука и превосходные труды Дарвина — здесь большей частью только предлог. Метафизическая жажда неутолима; сегодня она пьет из чаши Дарвина, а завтра, бросив ее, ухватится за первую попавшуюся гипотезу, — последнее слово науки... будущего!

альная реальность — совсем другое. С генетической точки зрения может быть вполне законным выводить животную и растительную жизнь из всей совокупности свойств неорганической природы. С той же точки зрения не менее правильно выводить химические свойства материи из ее физических свойств и, основываясь на доказанных превращениях и эквивалентности свойств материи, стремиться к их приведению к одному идеальному типу силы или энергии. Все это может быть наукой, даже более того — точной наукой. Но достаточно легкой перемены, незаметного изменения, чтобы такая наука внезапно превратилась в метафизику; допустите только в эти высшие умозрения понятие о сущности — и метаморфоза уже совершилась. Идея сущности, введенная в науку, немедленно вызывает в ней острое метафизическое брожение; преграды, которые объективная действительность ставит знанию, перейдены одним разом: из области познаваемого мы вдруг вступили в область непознаваемого, но здесь у нас уже не может быть другого путевода, кроме бесподобного метода *a priori*. Наука знала только о превращении одних свойств или сил в другие, но этот достоверный факт сам представлялся ей непроницаемой тайной. Из него она выводила одно заключение: что свойства материи, при известных условиях, превращаются одни в другие; что одно из них появляется в тот самый момент, когда другое исчезает, и обратно; что между *количествами* проявляющихся и поглощаемых таким образом сил существуют известные постоянные соотношения. Но наука никогда не утверждала ни тождества, ни полной сводимости одного свойства к другому, и если что-нибудь подобное говорилось и писалось, то только вследствие неопределенности и неточности научного языка или философской терминологии. Эта конечная сводимость всегда оставалась в глазах науки недоступной, непостижимой тайной. Это настолько верно, что никогда ни одно, даже самое позитивное или научное умозрение в этой области мышления, не могло обойтись без гипотезы *скрытых* свойств или сил материи. Жизнь (но почему не общественность, она не более недоступна чувственному восприятию, чем жизнь или химическое сродство) может предполагаться в скрытом состоянии в первых космических агрегатах, в которых еще нет никаких организмов, подобно тому, как химическое сродство предполагается в скрытом состоянии в материальных агрегатах, в которых наши чувства воспринимают одни физические свойства. Но метафизика знает гораздо больше этого, и знание свое она черпает из несравненно более чистых источников, чем мутные воды опыта. Она познает основное «тождество» свойств (или сил) материи. Останавли-

ваться на одних превращениях силы представляется ей глубоко нерациональным; на такое добровольное воздержание она готова смотреть как на жестокое оскорбление, нанесенное логике, если не самой проницательности мыслящего и отождествляющего субъекта.

Как, исходя из превращения свойств и явлений, не быть в состоянии сделать заключения об их существенном тождестве? Бедные позитивисты! Как, после всех знаменательных открытий последнего времени, они все еще упорно настаивают на том, что законы жизни нужно искать в явлениях жизни, а не в явлениях частичного притяжения и отталкивания, что, признаемся, было бы гораздо проще? Какое упрямство и, простите за выражение, какое тупоумие! Я хорошо сознаю, что наука, при известных условиях, неминуемо обращается в метафизику, но отсюда я вовсе не заключаю, чтобы эти два способа мышления были тождественны. При этом переходе науки в метафизику генезис (или потенциальная реальность) превращается в живую действительность, и генетическая точка зрения становится точкой зрения исследования и анализа явлений. Нельзя себе представить более радикального превращения. Но, в таком случае, какой остаток научной стыдливости еще удерживает ученых, столь горячо философствующих на эту излюбленную в наше время тему, от скромного признания, что они познали, наконец, саму сущность вещей?

Какая смелая гипотеза может утверждать, что жизнь есть продукт, а химические свойства тел — элемент или фактор? При изучении явлений жизни вполне сообразно с рациональным методом отводить как можно больше места химическим и физическим свойствам, но если за всем тем получается еще некоторый остаток, прямо не объяснимый этими свойствами, — что с ним делать? Следует ли, вопреки очевидности, отрицать его существование, опираясь на доводы, подобные охарактеризованным выше? Следует ли смотреть на биологию как на производную науку, основанную на механике, физике и химии, т. е. как на конкретную или прикладную отрасль знания, во всем подобную геологии, которая, действительно, не имеет дела с каким бы то ни было остатком или новым свойством, не исследованным целым рядом абстрактных наук? Оставаясь строго последовательным, не иначе следует смотреть на химию и физику. Однако таким образом не трудно дойти, пожалуй, и до пифагорейских грез о числе — принципе Вселенной. Во всем этом, очевидно, всегда смешивали две вещи: вопрос о методе, превосходном принципе научного исследования, в силу которого надо всегда по возможности объяснять неизвестное посредством известного, и чисто философский вопрос о классификации

и разделении человеческого знания. Но на той философской высоте, куда поднимаются наши противники, в трудно доступной области последних отвлечений, упомянутый методологический принцип видимо обращается против них же. На этой кружащей голову высоте, на самом деле, все одинаково неизвестно; тут уже не может быть речи об объяснении неизвестного известным, а что касается объяснения неизвестного неизвестным же (например, объяснения неизвестного, называемого жизнью, посредством неизвестного, называемого химическим сродством), то разрешение такой задачи — по плечу только метафизике.

Позитивная философия первая открыто провозгласила единство науки, метода и философии, тройное единство, которое, очевидно, может быть основано только на единстве материи в ее разнообразных проявлениях и свойствах. Поэтому было бы крайне несправедливо ставить в вину позитивной школе нарушение этого единства, только из-за того, что она отвергает ложный метод, ошибочный прием исследования.

13. Надеюсь, что меня не упрекнут за то, что я слишком долго остановился на доктрине Спенсера, как не упрекнут, полагаю, и за то, что я придал слишком много значения догматическим последствиям этого учения. Но я был бы несправедлив к Спенсеру и прогрессивному движению, постоянно, через многочисленные препятствия и реакционные течения, ведущему к лучшему и более точному познанию вещей, если б, расставаясь здесь с учением английского философа, не указал на заключающийся в нем плодотворный зародыш истины, в настоящее время только с трудом и медленно пробивающийся сквозь толстую кору предрассудков и старых умственных привычек. Глубоко убежденный в том, что нет того грубого заблуждения, которое не содержало бы в себе крупинки истины, я сравниваю заблуждение со стеклом, окрашенным в мешающий ясному зрению предметов темный цвет. Но сотрите краску, и свет, ничем не удерживаемый, свободно проникает сквозь прозрачную поверхность. Итак, на мой взгляд, по крайней мере, одна сторона в оспариваемой мною доктрине вполне справедлива. Эта сторона, пожалуй, так важна, что ею с лихвой выкупается все глубоко ошибочное в совокупности взглядов Спенсера. Между науками неорганического мира, с одной стороны, и биологией и социологией — с другой, действительно существует резко очерченная естественная граница, неизгладимая черта разделения. Спенсер всецело помещает эту границу в столь знакомую ему область эволюции или генезиса явлений — и простая черта разделения тотчас

же превращается в непроходимую пропасть. На мой же взгляд, эта граница всецело лежит в области метода¹. Наука одной половины природы не составляет абсолютной противоположности по отношению к науке другой половины, а есть только ее продолжение, причем переход от одной к другой нечувствителен. И только человеческий ум, одновременно сдерживаемый и возбуждаемый своей потребностью анализа, повсюду в природе проводит разделительные линии, рас-пределяя и заключая все подмечаемые явления в замкнутые области, называемые им науками.

Но нельзя настаивать на соблюдении этих границ, так как только таким способом человеческий ум может овладеть природой, понять ее явления, изучить ее законы. И между отделом или областью мысли (в первоначальном значении — обладания, *dominium'a*), называемой организованным миром, и охватывающей явления жизни и общества, и другой областью (неорганическим миром), настолько обширной, что ее границы, когда, покидая почву точной науки, мы вступаем в излюбленное философами умозрение, теряются во мгле «беспредельного пространства» и «бесконечной цепи причин», существует, без сомнения, более глубокая черта разделения, чем какую можно предположить при простом переходе от одной абстрактной науки к другой. Абстрактные науки следуют друг за другом в порядке, указанном Контом, и согласно закону, им открытому и установленному. Но эти науки образуют из себя группы, и есть полное основание различать их. Вот здесь-то и должна заявить о своих правах точка зрения метода, потому что здесь-то она и призвана оказать нашему уму множество услуг. Здесь, между группами наук, различия в способах и методах исследования выступают с несравненно большей силой и очевидностью, чем внутри каждой науки, взятой отдельно. Биология и социология составляют одну группу, физика и химия — другую, математика и общая часть механики — третью. Каждая из них исследует свою область явлений иначе, чем остальные. Представленное в этом виде тройственное деление Спенсера теряет свою несообразность: темное стекло становится снова прозрачным, истина пробивается сквозь заблуждение. Я достаточно ясно высказался об этом предмете в первых главах, чтобы здесь нужно было снова возвращаться к тому

¹ Я не говорю здесь о ряде наук и контовском законе развития знаний, являющихся совершенно чуждыми точке зрения метода. Я говорю не об усложнении явлений, об объективном или субъективном, но о последствии этого усложнения, заставляющего прибегать, в различных областях знания, к различным способам исследования. Внимательный читатель остережется от смешения этих двух близких порядков мыслей.

же вопросу, поэтому я ограничусь немногими замечаниями, внушаемыми мне существованием между Спенсером и мною, как мне, по крайней мере, кажется, одной общей точки соприкосновения.

Мы оба смотрим на социологию и биологию по преимуществу как на описательные науки, но, по мнению Спенсера, это науки конкретные, а по-моему — абстрактные. Вот как я понимаю этот вопрос, нас одновременно соединяющий и разделяющий. Описание, как научный метод, не может служить для определения абстрактного или конкретного характера науки, оно не более как средство, которое можно безразлично употреблять для достижения целей абстрактной науки и совершенно отличных от них целей конкретной науки. Смешение порождается этой общностью или единством, что касается средств, и этой двойственностью, что касается целей исследования. Явление описывается (когда нельзя прибегнуть к более действительным способам исследования) для поиска законов той или другой группы свойств природы, причем с описанием неразрывно связан процесс научного отвлечения, и само описание служит лишь подготовкой к этому процессу. Описывая, мы, в сущности, уже анализируем. В других случаях явление описывается не для того, чтобы исследовать новое свойство в природе или открыть законы, им управляющие. Ведь все это уже сделано и заранее известно, что в данном агрегате не заключается никаких еще не исследованных свойств материи, — но для того, чтобы восстановить во всем его объеме (и найти специальные законы, свойственные этой совокупности) явление, раздробленное на части отвлеченной и, по необходимости, уже предшествовавшей аналитической работой. Словом, чтобы слить результаты многих абстрактных наук в одно целое, которому, в отличие от составляющих его частей или элементов, дается название конкретного агрегата, хотя, в сущности, это лишь синтетический агрегат. Такова конкретная наука, которая, очевидно, возможна лишь при условии предварительного существования нескольких абстрактных наук. Конкретная наука является существенно прикладной, но приложение в ней имеет чисто теоретический характер, тогда как в собственно или строго прикладных науках приложение преследует уже прямо практические цели. Итак, повторяем: описание может и должно иметь место как в абстрактной, так и конкретной науке. И если непременно требуется установить в этом отношении какое-либо различие, то с нашей точки зрения мы можем сделать только следующую уступку: можем признать, что в абстрактной науке описание составляет преимущественно начало, вступление, первые шаги научного процесса. Я уже старался

выяснить это в одной из первых глав. Здесь же я только замечу, что предметом наших забот должен быть, прежде всего, настоящий период развития или современное состояние наук органического мира. Как говорит один, кажется, китайский философ, не следует никогда забывать, что не нами мир начался, и не нами он закончится. Что станет с биологией и социологией в более или менее отдаленном будущем — вопрос особый, оставляемый нами в стороне. Описание, как метод наблюдения, может быть или не быть равносильно опыту, составляющему тоже метод наблюдения. Во всяком случае, оно его заменяет. Оно исполняет одинаковое назначение в науках о жизни и обществе. Правда, в современной физике, например, экспериментальный метод видимо стремится уступить место методу более высокого логического порядка, математической дедукции. Но это не мешает и никогда не помешает физике быть экспериментальной наукой. Опыт остается, и, полагаю, всегда останется в физике единственным верным руководителем, всякий раз, когда в этой науке нужно будет начинать новый ряд наблюдений. Аналогичное развитие может стать конечной целью биологии и социологии. Эти науки могут, в свою очередь, стать сначала экспериментальными (как некоторые отделы биологии в наше время), а потом и дедуктивными. Но описание всегда останется их основным методом, их последним методологическим прибежищем. Возвратимся к нашей параллели между абстрактной и конкретной науками. В этой последней описание обычно составляет начало, середину и конец, т. е. все изложение науки. Описание здесь не идет дальше описания и имеет ближайшей целью синтез. В абстрактной науке, напротив того, описание имеет целью анализ и постоянно обнаруживает стремление подняться выше простого описания.

Вот почему описание всегда кажется, так сказать, более интенсивным в конкретных науках, всегда является как бы их истинным элементом, их настоящей областью. Таким образом, допускают обыкновенную ошибку — считают описательными только конкретные науки. И тогда естественно, вследствие продолжения той же интеллектуальной иллюзии, каждый раз, когда в научной области замечается преобладание описания, сейчас же поспешно выводится заключение о конкретном характере этой области знания. Иначе я не могу объяснить себе происхождения доктрины Спенсера, как и генезиса идей у многочисленных авторов, которые, следуя по стопам Спенсера или независимо от него, причисляли к конкретным наукам то социологию и биологию вместе, то (случай чаще повторяющийся) одну социоло-

гию. Я нахожу совершенно естественным, что эти науки, как находящиеся в первой, существенно описательной фазе развития, показались более конкретными, чем их предшественницы, которые во всех отношениях ушли далеко вперед и дали уже несколько действительно конкретных разветвлений. Рассматриваемая с этой точки зрения доктрина Спенсера является в совершенно новом свете: это чистый эмпиризм, не принимающий в расчет субъективной ошибки или *психологического уравнения*, классифицирующий науки так, как они кажутся, а не как есть на самом деле. Математика представляет самую развитую ветвь человеческого знания — это единственная действительно абстрактная наука. Физика и химия уже менее развиты — это только абстрактно-конкретные науки. Биология и социология не вышли еще из младенческого состояния — это конкретные науки.

Перехожу теперь к вопросу о разделении труда в социологии или к вопросу о внутренней ее классификации.

ДЕЛЕНИЕ СОЦИОЛОГИИ

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

ПОСТАНОВКА ВОПРОСА

1. Только с крайней осторожностью и многими оговорками можно в настоящее время касаться такого предмета, как внутреннее деление социологии. Вопрос о месте социологии среди других наук имел общее или философское значение, вопрос же о ее внутреннем делении — вопрос специальный, принадлежащий частной науке, — самой социологии. И если, пока речь шла об общем вопросе, положительная философия ярко освещала наш путь, то теперь, когда дело идет о специально-социологическом вопросе, мы по необходимости должны довольствоваться теми редкими проблесками света, которые хотя и предвещают приближение дня, но все еще не дают распознать настоящую дорогу. Немногих объяснений будет достаточно, чтобы показать всю трудность предстоящей нам задачи.

В своем известном опыте о методе в политической экономии, Милль говорит об определении науки: «Подобно стене города, и определение науки имеет назначением служить оградой только для существующих уже зданий, но отнюдь не для всех построек, какие могут возникнуть впоследствии. Человечество не размежевывало вдоль и поперек поля умственной культуры, прежде чем приступило к его расчистке. Факты складываются сами собою в особые группы, помимо всякой предвзятой классификации, группируются в нашем сознании сообразно своим общим признакам и очевидным сходствам. Подобные агрегации многократно бросаются всем в глаза и таким образом получают общее обозначение». Но то, что справедливо по отношению к определению целой научной области, *à fortiori* должно быть справедливо и по отношению к определению ее различных частей или отделов. Нет также необходимости настаивать на равнозначности этих двух действий ума: дать определение частям или отделам науки, и разделить ее на части.

Известный английский экономист Кернс высказывается по этому же поводу еще категоричнее. «Явления, — говорит он¹, — которыми занимается наука, должны быть классифицированы, и отдельные их группы должны быть обозначены особыми наименованиями. Эти два

¹ Cairnes J. The character and logical method of political economy. — London, 1875.

действия ума и составляют то, что называется определением в положительной науке, причем, само собою разумеется, первое из них, или классификация, составляет важнейшую и труднейшую часть задачи. Назначение классификации заключается в таком подборе и распределении частных явлений в области специального знания, которые соответствовали бы отношениям между явлениями и их особенностям, наиболее важным ввиду намеченной цели. Но тут, с первых же шагов, мы встречаемся с затруднением особого рода. Для того, чтобы распределить таким образом явления, необходимо, очевидно, точное знание всех этих отношений и особенностей, а равно и степени принадлежащего им значения в общем составе науки. Но это-то и недоступно исследователю в самом начале его работы, к какой бы области последняя ни принадлежала. Но как выйти из этого затруднения? Надо сделать то, чего требуют обстоятельства данного случая: набросать предварительную, грубую классификацию, какая, ввиду избранной цели, может быть выведена из поверхностного знакомства с фактами. Затем, по мере того, как в процессе исследования выяснятся новые соотношения, раскроются более резкие отличия, надо приложить вновь приобретенное знание к исправлению и улучшению первоначального плана. Но если таковы неизбежные условия, присущие всякому научному исследованию, то понятно, что в первой фазе развития положительной науки ее классификация должна быть весьма несовершенной, и научный исследователь должен быть готов к изменению сделанных им первоначально определений и принятой им первоначально классификации». При этом Кернс ссылается на мнение Джона Гершеля, — что терминология, или номенклатура, данной науки — скорее следствие, чем причина достигнутых ею успехов. Для обозначения явлений так, чтобы они сами собою распределялись в известные категории, необходимо сперва основательно изучить их свойства. Наконец, весьма сомнительно, чтобы, в интересах науки, следовало стремиться в этом отношении к достижению особенно высокой степени совершенства, которая может явиться причиной застоя или задержки научного развития. «Очевидно, — продолжает Кернс, — что всякая слишком заботливая отделка научных определений в первом периоде развития науки является ошибкой. Это не только, по большей части, напрасный труд, который в более или менее отдаленном будущем придется начинать сначала. Это весьма часто, как объясняет Гершель относительно физических наук, настоящая помеха дальнейшим успехам знания. Искусственная неподвижность создается в такое время, когда для науки важнее всего сохранить всю свою

гибкость, всю способность к прогрессивным видоизменениям. Так, писатели, больше всего содействовавшие первоначальным успехам политической экономии, мало заботились о научных определениях. Число определений, которые можно насчитать, например, в произведениях Тюрго, Смита и Рикардо, до крайности ограничено». В заключение, Кернс справедливо замечает, что приведенные возражения не исключают пользы установления, в начале развития науки, временных определений с тем, чтобы впоследствии постоянно и постепенно их совершенствовать. Такие попытки не только свидетельствуют о достигнутых успехах и отмечают пройденные ступени развития, они служат будущим зодчим науки лесами, при помощи которых постепенно расширяется и увеличивается научное здание.

2. Не трудно сделать приложение этих умеренных и трезвых взглядов, — качество ценное в наше полное философских и научных увлечений время, — к занимающему нас предмету. Описательная социология имеет прямой и непосредственной целью описание общества или «социального явления». Но что такое последнее? По своему существу, общественное явление — это факт ассоциации, союза живых организмов. Следовательно, задача состоит в том, чтобы, оставаясь в точных пределах опыта, описать общества, и преимущественно человеческие, как ныне существующие, так и существовавшие прежде. Но работа такого рода, распространенная на все конкретные общества прошедшего и настоящего, вероятно, превысила бы силы человеческого ума. Более того, ею нисколько бы не достигалась истинная цель науки, которая состоит в обобщении или отвлечении от конкретных агрегатов только крупных сходств и различий, и преимущественно сходств, ведущих к познанию соотношений причинности, т. е. тождества между группами неизменных предыдущих и группами неизменных же последующих явлений. Необходимо, прежде всего, свести бесчисленные, действительно существующие ассоциации к какому бы то ни было, может быть, еще и очень большому, но ограниченному числу типов, основных форм человеческого общежития. Таким образом, получится первоначальная, весьма несовершенная классификация социальных явлений. Ей непременно будет сопутствовать и первая попытка определения этих явлений, а так как классификация и определение — составные части всякого описания, то можно сказать, что будет сделано первоначальное, конечно, далеко не совершенное, описание общественных явлений. Личный такт наблюдателя, аналитические его способности и, в особенности основательное знакомство с предметом — вот условия, значительно облегчаю-

щие установление этой первоначальной классификации, план которой должен по возможности охватывать всю совокупность подлежащих будущему описанию и анализу социальных явлений. Другими словами, наилучшей классификацией социологии будет то предварительное ее разделение, которое получится как результат первого приступа к работе, явится следствием самого процесса научного описания. Такое построение, очевидно, будет гораздо более соответствовать требованиям описательного метода, чем попытка сразу достигнуть окончательной систематизации, которая, как Прокрустово ложе, может только искажать факты, насильно вгоняемые в ее рамки.

Понимаемая и разрабатываемая таким образом описательная социология легко обходится без тех будто бы основных разделений и классификационных схем *à priori*, которые сыплются теперь со всех сторон и относятся скорее к идеальной науке, к формам, лишенным всякого реального содержания, чем к социальным явлениям, уже анализированным в общих чертах и описанным в бессистемной массе существующих знаний, образующих собою нижний слой социальной науки или естественную историю общества. Опираясь на широкое и твердое основание, представляемое естественной историей социальных явлений, обширной областью, где классификация и специализация господствуют по праву, естественная наука тех же явлений должна, по крайней мере в самом начале, оставаться нераздельной и образовать одну доктрину, один комплекс знания. За неточными и бесплодными различиями, не согласными с объективной действительностью и не соответствующими ее полному научному объяснению, не должна теряться из виду идея единства науки, и сама наука не должна превращаться в такие свои составные части, которые принадлежат исключительно начальной и подготовительной фазе научного развития (политическая экономия, право, история). Это не значит, что мы не признавали пользы разделения труда в этой области человеческого знания, как и во всех других, но, «найдя лук слишком согнутым в одну сторону и желая выпрямить его, мы естественно перегибаем его в другую сторону»¹. Другими словами, мы находим, что границы между различными областями социального исследования на практике достаточно резко очерчены, благодаря, между прочим, и тому обстоятельству, что разбросанность социологического знания и применение его к разнообразным практическим целям далеко опередили полное сознание научного значения и единства общественных

¹ Ответ Мальту са одному из своих критиков.

фактов. По нашему мнению, разделение социологии будет совершенное и даст лучшие плоды, когда оно разовьется естественно и само собою из основного единства социологического знания.

3. Сравнение социологии с другими науками, в этом отношении, не лишено значения. Оно может способствовать разъяснению некоторых темных сторон вопроса, хотя, конечно, и не дает права из того, что происходило в других науках, делать заключение к тому, что должно произойти в новой науке об обществе.

При этом сравнении сначала бросаются в глаза многочисленные аналогии. Во всех областях человеческого знания основное единство науки всегда господствовало над раздроблением ее на отдельные специальности. Если же случайные исследования и открытия и выдвигали порой на первый план одну какую-нибудь часть науки, то основное ее единство всегда восстанавливалось очень быстро. Все науки всегда могли излагаться в виде законченных систем, — науки опытные, равно как и наука о жизни, которая, как мы знаем, существенно описательная наука. В биологии предшествовавшее ей искусство, медицина, первоначально также почти успели выделить изучение анатомии и физиологии человека из всего состава науки. Однако это ложное направление, мешавшее развитию биологии, не могло окончательно восторжествовать. И таких сближений мы могли бы сделать множество.

Но не менее многочисленны и, вероятно, не менее существенны те различия, которые знаменуют переход от одной основной науки к следующей за нею, равно как от одной группы наук к другой¹. Перечислять все эти различия было бы слишком долго и бесполезно. Достаточно указать на одно или два из них, непосредственно относящиеся к специальному вопросу о разделении социологии.

Таково, во-первых, следующее общее различие. Легко заметить, что чем выше мы поднимаемся по иерархической лестнице наук, тем труднее становится разделение науки на части, сколько-нибудь самостоятельные, и отдельное изучение этих частей. Тесная связь между различными частями науки, как кажется, быстро возрастает по мере того, как мы переходим от наук, изучающих сравнительно более простые явления, к наукам, исследующим более сложные явления. Здесь замечается, и притом в возрастающей прогрессии, как бы стремление

¹ Напомню читателю, что ряд отвлеченных наук распадается на следующие группы: науки непосредственного восприятия, науки чисто наблюдательные, науки опытные и описательные.

высших наук оставаться нераздельными. Это явление можно объяснить сравнительно более высокой степенью развития, достигнутой так называемыми низшими науками: по мере того, как мы спускаемся по лестнице наук от биологии к математике, мы, на каждой новой ступени, встречаемся с учениями, ранее других вошедшими в состав науки и дольше и интенсивнее разрабатывавшимися.

Это объяснение совершенно верно, но оно не указывает ни на единственную, ни даже на главную причину явления, о котором идет речь; оно представляет не более как одну сторону параллелограмма причин, имеющих своей равнодействующей рассматриваемое явление. Другая причина, весьма общая, действует в одинаковом смысле и способствует образованию той же равнодействующей. Это относительно большая простота или несложность явлений и естественных агрегатов, изучаемых низшей наукой. Очевидно, что чем проще явление или агрегат, тем легче, при объяснении действия образующих его естественных свойств и определении их соотношений, отдельно рассматривать и анализировать и те, и другие. Мы не подвергаемся тут ни опасности пропустить что-либо существенное, ни возможности все смешать. И хотя здесь действующие причины и распределены по различным отделам науки, но они и в каждом частном случае всегда находятся на виду и не могут обременить собою памяти наблюдателя. Разделение и подразделение предмета исследования в простой науке никогда не является непреодолимым препятствием к осуществлению того, что можно назвать «синоптизмом» науки, т. е. к необходимому и законному, во всех отраслях человеческого знания, преобладанию общего обозрения над обозрением частных.

Очевидно также, что из двух причин — более ранней обработки науки и несложности ее явлений — которыми может быть объяснена удободелимость так называемых низших наук, вторая причина должна рассматриваться, как действительно существенная во всех случаях и во все периоды научного развития. С течением времени низшие науки исчерпывают весь, подлежащий их изучению цикл свойств материи, а более сложные явления остаются все-таки необъясненными. Чтобы и их, в свою очередь, подчинить закону, появляется высшая наука, высшая в строго условном и переносном смысле, указывающем, что она не зиждется на исключительно ей принадлежащей основе, а опирается на базис более простых наук, так как во всяком другом смысле изучение сложных явлений стоит неизмеримо ниже изучения простых явлений. Но в самом начале и на всех дальнейших стадиях своего развития, высшая наука постоянно встречает на своем

пути одно, почти непреодолимое препятствие: возрастающую трудность, испытываемую нами при изолированном рассмотрении различных сторон сложного явления таким образом, чтобы при этом не упускались из виду ни внутренние их связи, ни конкретное единство.

4. Результат, к которому привел нас предыдущий краткий анализ, мало согласуется с телеологическим и оптимистическим взглядом на прогресс человеческого знания. Действительно, этот результат почти равносильно безотрадному заключению, что чем сильнее запутанность причин и следствий в известном разряде явлений, тем для нас труднее бывает прибегнуть к единственному, соответствующему природе человеческого ума средству разобраться в этом хаосе, т. е. тем менее становится возможным изолированное изучение различных категорий причин и следствий. Или чем более наука, вследствие чрезвычайной сложности анализируемых ею явлений, по-видимому нуждается в строго специализированном их изучении, тем менее такой ход исследования — разделение науки на несколько самостоятельных отделов — приводит в действительности к открытию управляющих такими явлениями законов.

С одной стороны, мы имеем дело с настоятельными и несомненными потребностями высшей науки, а с другой — с действительной или только воображаемой невозможностью удовлетворить их. В своем дальнейшем развитии эта антиномия (действительная или кажущаяся) приводит нас логически к отрицанию возможности высшей науки или, по крайней мере, к заключению, что науки более сложных явлений всегда останутся тем, что некоторые писатели называют полнауками, гипотетическими знаниями, у которых всегда будет не доставать точного предвидения, свойственного наукам простых явлений. Но, спрашивается, нет ли выхода из такого положения?

Одно вполне достоверно: если такой выход существует, как мы убеждены в том, его нужно искать не в теоретических измышлениях и произвольных построениях ума, а в фактах, действительном ходе развития наук сложных явлений, в борьбе высших отраслей человеческого знания с громадными, встречаемыми ими на каждом шагу затруднениями. Но лучшим средством, чтобы понять значение этой борьбы и оценить ее результаты, будет сравнить то, что действительно произошло в этом отношении в группе наук наиболее сложных явлений (признаваемых нами описательными науками), с тем, что имело место в соседней группе экспериментальных наук. Мы предпочитаем сравнивать между собою целые группы наук вместо того, чтобы ограничиваться обычным сравнением одной основной науки с другой, по-

тому что различия, существующие между такими группами, только рельефнее и в увеличенном виде представляют различия одной науки от другой. Но прежде скажем два слова в ответ нынешним защитникам весьма старой, в сущности, теории полунаук.

Взгляд, обрекающий некоторые отрасли знания на вечное младенчество, на неравноправность в среде других наук, отжил свое время. Он был продуктом того метафизического сумрака, в котором полунаука химии соприкасалась с отрывочной, нисколько не научной, в современном смысле, физикой, а эта последняя опиралась на полунаучную механику. Наука о жизни, в которую входят и жизненные, и психические явления, наука об обществе в настоящее время — положительные науки в самом строгом значении слова. Понимаемые таким образом, единство науки и метода — совершившиеся факты. С другой стороны, нельзя отрицать и действительного несовершенства наук более сложных явлений в сравнении с науками более простых явлений. Если относительная сложность известных групп естественных явлений есть нечто большее, чем простая риторическая фигура, под которой скрывается наше временное незнание управляющих этими явлениями законов, если эта сложность, как все заставляет думать, объективная реальность, коренящаяся в непознаваемой сущности вещей, — она постоянно и необходимо будет выражаться в субъективном мире мысли и познания большей, сравнительно, трудностью, постоянно и необходимо сопряженной с научным объяснением сложных явлений. Но трудность, испытываемая познающим субъектом, должна, как всякая причина, несомненно сопровождаться следствием, и в данном случае это следствие и будет очевидно, — относительное несовершенство самых сложных наук или, в частности, отсутствие точности (но отнюдь не достоверности) в предвидении наиболее сложных сочетаний событий и фактов.

Но возвратимся к разделению научной работы в двух смежных группах чисто экспериментальных наук и наук, в значительной степени заменяющих всегда трудную и часто невозможную экспериментацию более сподручными приемами научного описания. Это разделение, по-видимому, различно организуется в каждой из этих двух групп.

Уже в первом отделе настоящего труда мы указали на коренное различие, существующее между упомянутыми группами наук и выражающееся в двойственности знания в описательной группе, в раздвоении сложной науки на существенно подготовительную часть —

естественную историю, и часть, так сказать, заключительную — естественную науку явлений.

Но это раздвоение описательной науки и дает нам тот выход, который мы искали. В этом раздвоении мы, во всяком случае, находим могущественный противовес трудностям, присущим анализу самых сложных явлений. Этот противовестем более важен, что он сам собою развился из неоднократных усилий ума в борьбе с многообразными препятствиями, которыми усеяна эта часть научного пути. Но искупается ли этим в полной мере коренной недостаток всякого научного анализа в его приложении к явлениям чрезвычайной сложности, недостаток, заключающийся в явной невозможности, иначе как на самое короткое время изолировать многочисленные причины от их различных следствий, и один ряд причин от всех других? Это вопрос, окончательное разрешение которого, очевидно, принадлежит будущему: до сих пор возмещение, о котором идет речь, было, конечно, только условное и весьма неполное. Вот, в общих чертах, в каком виде представляется нам положение наук, допускающих указанное раздвоение.

Явления, изучаемые этими науками, прежде чем стать предметом тех широких обобщений, которые приводят к открытию управляющих конкретными фактами теоретических законов, подвергаются предварительной обработке в фазе научного анализа, которую обычно называют естественной историей явлений. Здесь не ограничиваются простым перечнем или общим описанием фактов: их подвергают настолько глубокому и подробному анализу и — что особенно важно — изолированному и одностороннему, насколько позволяют условия данного случая и научные цели наблюдателя или экспериментатора. В естественной истории явлений анализ доходит до своих крайних пределов, он господствует тут безраздельно. Здесь не имеет значения, если ошибки и крупные погрешности вкрадываются в выкладки или выводы науки; эти погрешности по большей части сознательные. Они необходимое следствие беспомощности нашего ума в борьбе с бесконечными трудностями, представляемыми гипотетическим разложением очень сложных агрегатов. Но, повторяем, это несколько не важно; пробелы будут пополнены, ошибки будут исправлены в следующей фазе, где законный «синоптизм» науки окончательно вступает в свои права, и естественная наука сложных явлений сама собою развивается из уже подготовленных и научно-обработанных материалов в естественной истории тех же самых явлений.

Поэтому мы считаем возможным выставить следующее общее правило: чем дальше подвинуты разделение и специализация в области естественной истории сложных явлений, тем менее это разделение и специализация становятся необходимыми для успехов исследований, имеющих целью открытие общих законов тех же явлений, исследований, которые во всех более сложных науках составляют отдельную область — естественную науку явлений. В этой последней нельзя обойтись без классификации или без деления. Однако ни та, ни другое не получают в ней того развития, которое, казалось бы, должно было бы быть прямым следствием чрезвычайной сложности явлений, подлежащих здесь отдельному и более или менее самостоятельному изучению. Классификация здесь не будет вдаваться в частности и останется очень общей. Деление не будет таким многосложным, каким оно, несомненно, было бы без упомянутого выше корректива, т. е. неограниченной делимости естественной истории. Разделительные грани будут весьма немногочисленны и только слегка намечены: они явятся лишь отдаленным отражением конкретной действительности, обобщениями ума или тесно связанными друг с другом отвлечениями. Вследствие этого, они не будут теряться из виду наблюдателем, который всегда будет в состоянии охватить одним взглядом существенные признаки или общие очертания сложных явлений и, таким образом, будет в состоянии найти их причины, вычислить их средние величины, определить их равнодействующие. Бесконечное разнообразие предметов исследования, частных точек зрения, изолированных от всяких реальных осложнений причин и следствий, гипотетических обобщений и законов, одним словом — хаос естественной истории — станет порядком и единством естественной науки, стремящейся к познанию общих, идеальных, равно как и реальных, законов сложных явлений.

Заметим, что вывод, к которому мы сейчас пришли, вовсе не так далек, как может показаться с первого взгляда, от общепринятого или весьма распространенного мнения о том же предмете. В сущности, между изложенными выше воззрениями и общепринятым взглядом много общего. Мы настаиваем на констатировании этого совпадения, потому что видим в нем известную гарантию или предохранительное средство против невольных ошибок с нашей стороны. Верным представителем распространенных мнений по занимающим нас вопросам вообще и, в частности, по вопросу о том, как следует изучать сложные явления социологии, может служить г. Фиск, скорее последователь Спенсера, чем позитивист, и автор весьма недурного сочинения под

названием «Of cosmical philosophy». Но вот что говорит г. Фиск: «Сложные исследования социологии могут вестись успешно только по одному пути, именно следуя методу, состоящему в том, чтобы отбрасывать все несущественное, как это делается, впрочем, и в более простых науках. Элементы замешательства, имеющие второстепенную важность, должны быть временно оставлены в стороне подобно тому, как при определении общих законов тяготения откидывались неравномерности движения, происходящие вследствие взаимного притяжения планет. Изучение бесконечно малых частных историй следует отложить до того времени, когда закон социальных изменений будет выведен из наиболее постоянных явлений, и индуктивная проверка его станет возможной. Закон, достаточно общий, чтобы служить основой социальной науке, неизбежно должен быть абстрактным, в самом широком значении слова; он может быть найден только при помощи исследования самых общих и выдающихся признаков социальных явлений. Первое условие, которому должна соответствовать искомая формула, заключается в указании существенного характера социальной эволюции»¹.

В приведенной выписке, представляющей как бы отголосок того, что обычно говорится по этому вопросу, почти каждая фраза дает повод критике. Но, не желая затруднять последней читателя, мы ограничимся одним возражением. Нет ничего ошибочнее, как приравнивать во всех отношениях приемы, употребляемые в науках сложных явлений, к приемам наук простых явлений. Осложнение явлений есть условие, которое не может не отражаться на внутреннем строе соответствующих наук и не дифференцировать этого строя от научной организации более простых исследований. Но за исключением этого возражения, из которого очевидно и вытекает наше различие между естественной историей и естественной наукой сложных явлений, прочие желания г. Фиска кажутся нам довольно близко подходящими к нашим собственным требованиям: чтобы при исследовании наиболее сложных явлений общие взгляды строго отделялись от частных, и анализ или, вернее, специальные анализы частей, от синоптического анализа целого.

¹ Автор добавляет далее: «Так, О. Конт был совершенно прав, ограничивая свое исследование общего хода цивилизации почти исключительно изучением той цивилизации, которая зародилась на бережьях Средиземного моря и оттуда перешла в Европу и частью - в Америку».

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

ОБЩИЕ ДАННЫЕ О ВНУТРЕННЕЙ КЛАССИФИКАЦИИ СОЦИОЛОГИИ

5. В последней главе, говоря об отрывочных исследованиях, составляющих в настоящее время официальную науку о жизни человека в обществе, мы употребили выражение «хаос естественной истории обществ». В ученых кружках теперь часто восстают против такого, на наш взгляд, вполне нормального характера подготовительных социологических исследований. Часто употребляют эпитет «печальный», говоря о порядке вещей, который, если смотреть на него с точки зрения, несколько отличной от общепринятой, должен неизбежно представляться не только скорее полезным, чем вредным, но даже просто необходимым, в виду достижения предположенной цели: создания общей науки социальных явлений.

Один из последователей положительной философии, г. Гарзэн-де-Витри, недавно представил читателям «Revue positive» яркую картину современной разбросанности социологического знания или отсутствия всякой системы в социальных науках.

«Экономисты, — говорит он, — исследуют условия производства, распределения и потребления предметов, необходимых для человеческой жизни, того, что они называют богатством.

Юристы и моралисты изучают условия, осуществление которых должно обеспечить взаимность и безопасность в отношениях людей между собою.

Психологи исследуют порядок происхождения и способы сочетаний чувств и понятий.

Этнологи в антропологии, языкознании, изучении нравов и преданий стремятся отыскать тайну образования различных народов, населяющих землю.

Историки в последовательном рассказе говорят нам об изменениях в судьбе народов, о борьбе их за собственное существование, об их преуспеянии и упадке, слиянии рас и его результатах.

Политики упорно пытаются разрешить неразрешимую задачу — управлять как можно больше, для большей выгоды управляемых и правителей.

Каждая доктрина — политическая экономия, право, психология, история, политика — проводит свою отдельную борозду, пренебрегая параллельными учениями, присваивая себе значение всей социаль-

ной науки. Чистая иллюзия! Все эти отдельные учения — только отрасли или корни социальной науки. Все они сложились под влиянием метафизики и даже первобытного супранатурализма, и было бы преждевременно утверждать, что все они вполне освободились от этого влияния...

Однако современные веяния проникают и в это последнее убежище метафизики: исследования в области сравнительного законодательства, сравнительной психологии и этики, попытки философского объяснения истории и другие симптомы ясно указывают на существующее решительное стремление ввести, наконец, экспериментальный метод в так называемые нравственные и политические науки, область, до сих пор всецело принадлежавшую априорному мышлению. Множество других отраслей социального знания, являющихся дополнениями или подразделениями предыдущих, также вступили в последнее время на путь наблюдения и сравнения — этнология, эстетика, археология, изучение нравов и обычаев, языкознание и наука о религиях — собирают данные со всех сторон, а статистика, постоянно совершенствуя свои приемы, обещает дать возможность приложить в известной степени количественный метод к исследованию социальных явлений.

Но все эти работы, повторяем, являются отдельными, отрывочными исследованиями, без всякой связи между собою. Тот же характер имели и труды ботаников, зоологов, анатомов до установления биологии. Кажется, что видишь перед собою толпу каменщиков, кузнецов, плотников, кровельщиков, столяров, слесарей, маляров и стекольщиков, усердно работающих каждый над своим отдельным делом и подготавливающих разного рода материалы, без всякого порядка и плана. Явится зодчий — и здание будет воздвигнуто.

Это здание — социология.

О. Конт, тридцать лет назад, заложил ее незыблемые основания и определил общие черты. «*Revue positive*» продолжает его дело во Франции, тогда как в Англии Герберт Спенсер старается ввести изучение социального развития в общую доктрину мировой эволюции, доктрину, завершением которой должна быть социология.

Каковы бы ни были до сих пор результаты этих различных попыток, идея социологии уже носится в воздухе. Научная атмосфера все более и более насыщается ею, и наше столетие, вероятно, не пройдет без того, чтобы ученый мир не признал официально новой науки»¹.

¹ Comte A. Cours de philosophie positive. T. XIV. — Paris, 1864. — P. 415.

Эта картина верна в своих общих очертаниях, но это только картина, т. е. более или менее точное воспроизведение действительности. Это не ключ, облегчающий понимание оснований и причин наблюдаемой в явлениях группировки. Составляет ли зло — и в особенности легко предотвратимое — такая изолированность и крайняя специализация подготовительных социологических исследований? Или же все эти характерные черты, которые, хотя и в меньшей степени, но все еще очень заметно проявляются и в истории развития группы биологических наук, составляют только необходимые условия существования общей социологии — неизбежный факт генезиса науки или даже общий статический факт, относящийся ко всей группе описательных наук? Изложенные в предыдущей главе соображения побуждают нас высказаться в последнем смысле.

Здесь не лишним будет привести еще одно мнение автора, у которого мы только что заимствовали целую страницу. Упоминая об остановке, происшедшей в настоящее время в развитии социологии, Гарэн-де-Витри приписывает ее, говоря его словами, «попытке обосновать абстрактную социологию прежде доведения до надлежащей степени полноты систематического объяснения явлений, которые она должна включить в свои обобщения». «Биология, — продолжает он, — могла стать наукой только тогда, когда естественная история органического мира достигла известной степени развития. Развитие общей социологии зависит точно так же от успехов естественной истории обществ, но этой последней еще не существует. В тысячах томов излагаются события всемирной истории и факты из жизни героев и монархов, но остается еще создать морфологию, физиологию и составить классификацию различных типов существующих и уже угасших обществ».

Трудно яснее выразить мысль, которую мы считаем совершенно верной, и которая, как мы уже на то указывали, разделяется ныне многими недюжинными мыслителями. Нельзя не согласиться с Гарэном-де-Витри, пока он только указывает на главную причину замечаемой в настоящее время приостановки в развитии общей социологии, рассматриваемой как биология или естественная наука обществ. Но мы не можем также обойти молчанием основного различия во взглядах, существующего между нами и касающегося одного из общих тезисов, выставленных в настоящем сочинении. Дело в том, что, вслед за цитированным местом, почтенный автор еще прямо ставит на вид, придавая такому мнению особенную важность, что так называемая им естественная история обществ входит в состав не аб-

страктной, а конкретной социологии. Другими словами, что конкретная социология необходимо предшествует абстрактной. «Абстрактная социология, — говорит он, — должна состоять из обобщений, выведенных из действительных наблюдений над обществами, и потому может быть обоснована только после *конкретного исследования*, описательного анализа и предварительной классификации главных типов человеческих обществ»¹. «Это вполне очевидно», — добавляет автор, но не менее очевидно и то, что такое мнение радикально расходится с высказанными нами на тот же предмет взглядами.

Для нас описательный анализ и предварительная классификация главных типов человеческих обществ составляют группу исследований, правда, крайне специализированных и отрывочных, но все-таки сохраняющих столь же существенно абстрактный характер, как и упрощенные, обобщенные и объединенные исследования, которые мы называем естественной наукой обществ. Мы нимало не отрицаем различия в степени отвлеченности, свойственной этим двум, соответствующим двум различным фазам научного развития, разновидностям исследования социальных явлений. Вполне очевидно, действительно, что широкие обобщения второй фазы требуют более интенсивного усилия абстрагирующей мысли, чем частные, ограниченные и гипотетические обобщения первой или подготовительной фазы. Но различие в степени не может быть превращено в различие по существу, т. е., в данном случае, в методологическое различие. Тот же самый метод господствует в двух, взаимно дополняющих друг друга, частях абстрактной социологии. Это так называемая историческая часть, имеющая целью специализацию или предварительное обобщение социальных исследований, и общая часть, имеющая целью суммирование или окончательное обобщение результатов, добытых этими исследованиями. Это раздвоение абстрактной науки составляет явление, замечаемое во всей группе описательных наук. Оно само есть только результат основного закона человеческого познания, который мы старались выяснить в предыдущих главах.

Конкретное исследование социальных явлений, предшествующее исследованию их абстрактных законов, представляется, на наш взгляд, совершенной невозможностью. Чтобы найти общие законы какой-либо категории явлений, необходимо, анализируя конкретную реальность этих явлений, сначала абстрагировать от них достаточное количество (как можно большее в данное время) законов отдельных

¹ Comte A. Cours de philosophie positive. T. XV. — Paris, 1864. — P. 172.

случаев, всегда более гипотетических и условных, чем общие законы, открытие которых происходит именно посредством постепенного выделения гипотетического и условного элемента, преобладающего в законах отдельных случаев. Но анализ конкретной реальности, приводящий к ряду гипотетических отвлечений, не должен быть смешан с анализом той же реальности, имеющим целью объяснение этой последней в ее синтетической полноте, как естественного сложного агрегата, составленного из совокупности явлений или свойств, уже отдельно исследованных так называемыми абстрактными науками. Анализ конкретной науки ведет к познанию условий, необходимых для того, чтобы сложный конкретный агрегат мог образоваться из более простых агрегатов, составляющих естественную точку исхода различных абстрактных исследований, а также и к знанию необходимых условий сохранения, видоизменения и окончательного распада на составные элементы этого сложного агрегата. Но не таков, конечно, характер массы подготовительных аналитических исследований, которые в своей совокупности образуют естественную историю общественных форм и доставляют естественной науке обществу нужный ей материал. По этому поводу мы считаем полезным обратить внимание читателей на следующее мнение О. Конта, высказанное в 58-й главе его «Курса положительной философии»: «Нельзя приступать к рациональному изучению конкретной науки (которую Конт, впрочем, также неправильно смешивает с естественной историей явлений) до тех пор, пока абстрактная наука не будет доведена до надлежащей степени развития во всем, что касается различных порядков элементарных явлений, полного и постоянного воссоединения которых требует, по самому своему существу, всякое конкретное исследование». Гарэн-де-Витри в этих словах, понимаемых буквально, видит косвенное поощрение преждевременной попытки обоснования абстрактной социологии. Но опасения относительно этой преждевременности, как мог убедиться читатель, исчезают, если только остеречься обыкновенной ошибки, которой, к сожалению, не избежал и Конт, которая состоит в смешении анализа и описания частных свойств конкретного явления с конкретным (то есть синтетическим или прямо противоположным подготовительному исследованию, о котором идет речь в первом случае) изучением того же явления. Кроме того, как кажется, Гарэн-де-Витри допускает противоречие с самим собою, объясняя следующим образом настоящее значение слов Конта: «Очевидно, что О. Конт предлагает нам разлагать явления на их составные части, прежде чем рассматривать их в их совокупности,

изучать сперва анатомию отдельных органов, заниматься тщательным анализом, прежде чем выставлять смелые синтетические заключения, и в особенности всегда освещать наши исследования хотя бы только временной теорией, основанной на сумме уже приобретенных положительных знаний. Он хотел предостеречь нас и от приемов так называемой философии истории, которая считает возможным объяснять развитие того или другого отдельного народа до полного ознакомления с общими условиями развития обществ»¹. Действительно, Конт мог иметь все это в виду, но разложение явлений на их составные элементы, анатомическое исследование малейших органов, тщательные анализы частных и т. д., представляемые нам как черты, характеризующие абстрактную науку социальных явлений, не замечаются ли в одинаковой степени и в подготовительных исследованиях, которые, под названием естественной истории обществ, так часто и неправильно смешиваются с конкретной наукой? Полагаем, что в этом отношении не может возникнуть никакого серьезного сомнения.

6. Повторим вкратце сказанное выше. Одна из наиболее выдающихся особенностей естественной науки обществ или общей социологии — ее относительно большее единство, относительно более постоянный синоптизм, по сравнению с другими главными отделами абстрактного изучения законов природы. Эта характерная черта является необходимым следствием чрезвычайной сложности социальных явлений. Однако научный прием особого рода может отчасти устранить несомненные и многочисленные, проистекающие отсюда при изучении этих явлений неудобства. Этот прием состоит в усилении деления, в специализации исследований в области естественной истории. Необходимость прибегать к этому приему чувствуется во всей группе описательных наук, в науке, изучающей законы жизни точно также, как и в исследующей столь мало известную область социальных явлений, но в социологии эта необходимость еще более настоятельна, чем в биологии. Уже общая биология стремится к интеграции условий существования (статика), условий развития (динамика), к интеграции растительности и животности, нормального и патологического состояний, не считая значительного числа меньших дифференцирований, дающих начало многочисленным биологическим специальностям. Но только при изучении социальных явлений это стремление к единству в общей или высшей половине науки достигает своего кульминационного пункта. Здесь чем более пользы прино-

¹ Comte A. Cours de philosophie positive. T. XV. — Paris, 1864. — P. 174.

сит гипотетическое разложение сложных агрегатов, образуемых социальными явлениями, и изолированный анализ этих явлений в отдельных или монографических исследованиях, при предварительном изучении социального мира, тем менее эти же приемы отделения и изолирования становятся необходимыми в виду успеха исследований, имеющих целью открытие общих законов социальных явлений¹.

Но, как я уже заметил в настоящей главе, основной синоптический характер (стремление охватить в одно и то же время все части одного целого) общей социологии, как и естественный корректив этого синоптизма — чрезвычайная раздробленность подготовительного анализа — представляются существенно относительными понятиями, вовсе не исключающими ни необходимости — для общей социологии — классифицировать явления, законы которых она формулирует, и прибегать, в известных границах, к рациональному делению своих работ; ни полезности — для естественной истории социальных явлений — стремиться к достижению более высоких обобщений, через соединение соседних исследований и уничтожение произвольных или слишком близких между собою разграничительных линий.

Деления и подразделения той части социальной науки, которую в настоящее время уже нередко называют естественной историей обществ, слишком многочисленны и в то же время общеизвестны, чтобы представлялось необходимым приводить их здесь в отдельности или подробно перечислять. Поэтому нам, согласно с задачей этой главы, остается только высказать наш взгляд на деления, возможные во второй части социальной науки — общей социологии.

7. Наиболее замечательное из предлагавшихся до сих пор разделений социологии — деление Конта, которое впоследствии было принято многими учеными. Заимствованный у других областей знания и, в особенности, у обширной области физики, основной принцип этого разделения превосходен. Он, как известно, состоит в различении, в социальных явлениях, условий существования, равновесия, строения или организации, от необходимо соответствующих условий движе-

¹ Уже Огюст Конт делает совершенно справедливое замечание, что «сами свойства предмета социологии, в которой солидарность и изучаемых фактов гораздо полнее, чем в других разрядах явлений, самопроизвольно придают этой науке, в самом начале ее развития и в виде необходимого уравновешения большей сложности ее явлений, рациональный характер, превышающий рациональность в сех предшествующих наук, в том числе и биологии, и достигаемый тем, что в социологии тотчас же устанавливается нормальный перевес общих взглядов над частными или специальными точками зрения» // Comte A. Cours de philosophie positive. T. VI. — Paris, 1864. — P. 334.

ния, роста, видоизменения и вообще развития. Социальные явления, подобно всем другим, могут быть рассмотрены с этих двух сторон; и эта точка зрения, теоретически или субъективно, бесспорно самая общая. Но и допуская это, нужно еще спросить, в какой мере возможно практическое приложение этого принципа к удовлетворению настоящих потребностей социальных наук. Нужно рассмотреть, не уступает ли его практическая плодотворность высокому теоретическому значению, не находится ли эта плодотворность в каком-либо отношении к возрасту науки, т. е. не увеличивается и не уменьшается ли она по мере того, как наука проходит через различные фазы своего развития?

Практика отчасти уже ответила на эти вопросы. Несмотря на неоднократно повторявшиеся усилия, до сих пор не удавалось не только обосновать окончательно, но даже и начертать в общем виде статику обществ, сколько-нибудь независимую от их динамики. В лучших опытах социологического анализа эти две, теоретически столь различные точки зрения, постоянно смешиваются. Никакого нового света это различие не пролило, ни одного основного закона не было найдено при помощи этого аналитического приема. Нужно добавить, однако, что, как средство открытия, это разделение не было еще серьезно испытано. Во всяком случае, очевидно, что такой отрицательный результат должен быть отнесен скорее к низкой степени развития социальной науки, к состоянию младенчества, в котором она находится в настоящее время, чем к коренному недостатку самого принципа разделения. Богатая частными фактами и рассеянными наблюдениями, настоящая фаза социальной науки почти не имеет общих теорий, которые могут служить этим фактам связующим началом. При столкновении старых и новых воззрений, в хаосе всякого рода предрассудков, в пестрой смеси смутно различаемых социальных структур и функций, систематическое распределение или классификация которых принадлежит еще области благих пожеланий, — искатели общих теорий, изобретатели объяснительных гипотез, создатели временных систем завалены слишком трудной работой, положительного и отрицательного свойства, чтобы не черпать своего материала безразлично в области статики и динамики обществ и, таким образом, не упускать из виду важного различия, намеченного О. Контом. Но научная плодотворность этого различия и соответствующего ему деления науки только отсрочены. Рано или поздно, эта точка зрения опять вступит в свои права, и тогда в естественной науке или биологии обществ мы будем иметь настоящую общую анатомию или учение

о строении общественных организмов, которое послужит основанием для общей физиологии или учения об общественных отправлениях. Эти две части науки будут, в свою очередь, дополнены двойной общей патологией, анатомической и физиологической.

Но самое верное средство, может быть, скорее достигнуть указанной цели, состоит в том, чтобы до поры до времени придерживаться пути, хотя и менее правильного, но зато более удобного или плодотворного. Строго унитарной системе должно еще некоторое время принадлежать господство в социологическом описании. В такой системе, по мере параллельного описания устройства и отправлений данной формы ассоциации — семейства, родственного союза, общественного класса, расы, различных религиозных, политических, лингвистических, литературных, научных, эстетических и т. п. социальных группировок — неизбежно обнаружится, что та или другая структура более специально приспособлена к выполнению той или другой функции. В результате появится возможность с некоторой точностью определить наиболее постоянные отношения между известными разрядами социальных форм и известными категориями социальных отправлений, но таким образом незаметно будет достигнута рациональная и естественная классификация социальных явлений. Следуя по этому пути, мы встретим на нем то политическую экономию, то правоведение, политику, историю, антропологию и проч., и таким образом эти освященные опытом деления или части социальной науки естественно сгруппируются, обнаружив всю пустоту педантичных споров о преобладании одной из них над другими. Различные ветви естественной истории обществ найдут каждая свое настоящее место, не посягая на чужую область, но вместе с тем и сохраняя полное сознание своей зависимости друг от друга.

Исследование различных социальных вопросов, некоторые из которых имеют громадную важность для будущности современных обществ, естественно примыкает к изучению основных общественных форм, в нормальном и патологическом их состоянии, и соответствующих им функций. Но очевидно, что и эти вопросы не могут в настоящее время быть сколько-нибудь удовлетворительно исследованы иначе, как на основании действительно синоптического описания всех составных элементов общественного организма.

Указанное разделение является единственным среди многочисленных опытов классификации социологии, который заслуживал бы серьезного внимания. Исключение составляет только тройственное деление социологии на анатомию (морфологию или биостатику), физиологию (биодинамику) и патологию социальных организмов. Но не

трудно видеть, что это последнее деление в действительности только простое воспроизведение, в заимствованных у биологии терминах, двойственного деления Конта¹.

8. Дальнейшие подразделения статики и динамики обществ, представляющие собою развитие этого первого основного деления, конечно, еще меньше последнего могут сопровождаться плодотворными последствиями для науки, — науки в настоящем, разумеется, периоде ее развития. Исследование вопросов, касающихся отдаленного будущего, возможно только тогда, когда налицо имеются все данные или элементы, необходимые для их разрешения. В противном случае такое исследование, по меньшей мере, излишне. Но в таком именно положении и находится социология.

¹ Описательная наука биологии состоит из трех отдельных частей: анатомии, физиологии и патологии. Те же деления появляются снова в описательной, по преимуществу, науке — социологии. По отношению к анатомии и физиологии, справедливость этого положения подтверждается многочисленными, встречающимися на каждом шагу, аналогиями между жизненными и социальными явлениями. Но еще лучше — основываться на том общем законе мышления, по которому мы всегда можем рассматривать всякого рода явления, по крайней мере, с двух различных сторон. Этот качественный психологический закон напоминает другой психологический закон — количественный, из которого сделали аксиому эмпирической математики: все предметы имеют три измерения. Если в количественном отношении все предметы имеют три измерения, то в качественном — они представляют, как минимум, две различные стороны. Эта двойственность проходит через весь ряд наук, от простых фактов механики до сложных явлений биологии, и выражается, в неорганическом мире, различием между состоянием покоя или равновесия и состоянием движения как масс, так и атомов, что дает начало статическим и динамическим исследованиям, а в органическом мире — различием между структурой и функцией организма, откуда проистекают анатомическая и физиологическая точки зрения. Явления социального мира подчинены тому же закону и представляют ту же двойственность. Безразлично признавать эту двойственность под названием статики и динамики или анатомии и физиологии, хотя последнее наименование и представляется более удобным, отчасти вследствие многочисленных аналогий, существующих между биологическими и социальными явлениями, но в особенности вследствие необходимости введения в социологию, под названием патологии, третьего разряда исследований. Патологическая точка зрения приводит в область теоретического знания вместе с биологией. Предшествующие науки удобно обходятся без этого усложнения в точках зрения, на которые становится исследователь. Эти науки сводят все явления к простому противопоставлению между статической, или анатомической, и динамической или физиологической сторонами. Такое упрощение составляет также идеал биологии, а, следовательно, и социологии. Если он никогда не может быть достигнут, то единственной причиной тому является чрезвычайная сложность явлений, и исследуемых биологами и социологами. Эта сложность требует специального описания всех явлений, которые не входят непосредственно в обе обыкновенные категории нормальности и представляются наблюдателю отклонением от обычного порядка вещей.

Я поддерживаю это воззрение с тем большей уверенностью, что сам прежде разделял и защищал мнение, которое считаю в настоящее время ошибочным. В критической статье по поводу мемуаров, представленных г. Вырубовым в социологическое общество, основанное в Париже французскими позитивистами, я предлагал классификацию или разделение общей части социологии, которая в общих чертах выражается следующей диаграммой:

СОЦИОЛОГИЯ

I. Статика

1. <i>Семейство</i> (социальная эмбриология)	2. <i>Класс</i> (простые структуры)	3. <i>Народ</i> (внутренние сложные структуры)	4. <i>Раса</i> (внешние сложные структуры)
--	---	---	---

II. Динамика

1. <i>Социальная эмбриогения</i> (законы образования обществ)	2. <i>Социальная экономика</i> (законы элементарных ассоциаций)	3. <i>Право и социальные учреждения</i> (законы сложных ассоциаций)	4. <i>Общая этнографическая история</i> (общие законы цивилизаций)
--	--	--	---

Я не привожу здесь подробного объяснения этой диаграммы; для лиц, следивших за тем, что было сказано и напечатано в этой области идей, моя диаграмма не представляет ничего неясного и может обойтись без всяких комментариев. Я должен, однако, упомянуть о причине, заставившей меня впоследствии отказаться от плана, который я развивал прежде. Эта причина всецело заключается во взглядах, образовавшихся у меня позднее вследствие употребления описательного метода при всяком рациональном изучении сложных социальных явлений, и в особенности — в теории стратификации или предварительного раздвоения абстрактной науки социологии на естественную историю и естественную науку общественных явлений. На самом деле, раз признана действительность и необходимость этого раздвоения, вытекающего из метода и приводящего к нему, не зависящего ни от какой системы классификации и не ведущего к ней, становится излишним заботиться о возможном, в более или менее отдаленном будущем, разделении совокупности еще не существующих учений, по крайней мере, иначе как в состоянии невидимых зародышей. Напротив, становится необходимым заняться хорошим делением или клас-

сификацией подготовительных и плодотворных исследований, назначение которых — способствовать образованию и развитию упомянутых выше учений. Во всяком случае, ошибочно было бы думать, что здесь дело идет о простом перемещении данного разделения или классификации из одной научной области в другую. Классификация, назначенная для естественной науки обществ, не могла бы — без больших и радикальных изменений — быть полезной в естественной истории социальных явлений. В этом отношении потребности этих двух частей науки значительно различаются и по своему существу, и по своей интенсивности.

Естественная история социальных явлений не могла бы довольствоваться несколькими широкими делениями, которые были бы вполне достаточны для более обширных обобщений естественной науки. В этой первой категории исследований, лучше — как нам кажется — придерживаться многочисленных подразделений, которые вошли в обычай между специалистами и могли считаться как бы самостоятельным продуктом самой природы социологических изысканий. Нужно только рационально распределить эти подразделения и развить их настолько, насколько это окажется возможным или необходимым.

Что же касается опытов классификации общей части социологии, то их можно держать в запасе для более или менее отдаленного будущего. Но было бы, конечно, самонадеянностью думать, что самостоятельное развитие науки не изменит до неузнаваемости этих первых попыток. В ожидании последующих успехов, необходимо, при высших исследованиях в общей социологии, выступать против всякого рода предвзятой идеи о взаимной зависимости различных разрядов социальных явлений.

В этих отвлеченных исследованиях, для того, чтобы обладать твердой точкой опоры, достаточно будет постоянно иметь в виду то простое соображение, что социальное явление, со своей структуральной или статической стороны, всегда факт ассоциации живых существ. А со своей функциональной или динамической стороны — факт постоянного отношения различных сил как личных (биодинамических), материальных (физических, химических, климатических и пр.), так и экономических — вследствие вмешательства человека и изменений, вносимых им в природу. Всегда и везде, следовательно, в этой высшей области науки, нужно будет рассматривать и иметь в виду ассоциацию и различные ее формы, социальную деятельность и ее различные роды.

Одна черта дополнит этот очерк стремлений общей социологии. Последняя, как мы ее понимаем, представляет собою более высокую научную форму, чем чисто описательные, уже существующие социальные учения, которые должны быть сохранены в виду подготовки и разработки социологических материалов по мере их собирания. Вследствие этого, общая социология будет заниматься только фактами и отношениями, уже достаточно описанными и разъясненными специальными исследователями, и ограничит свою долю научной работы описанием и классификацией самых существенных и наиболее общих типов ассоциаций и категорий социальной деятельности.

9. Прежде чем расстаться с таким важным вопросом, как разделение научного труда в области социологии, я считаю нелишним представить несколько замечаний. Во-первых, по вопросу о малой пользе — в социологии, как и в биологии, — обращать преимущественное внимание на исследование наиболее заметных функций и органов, являющихся также и наиболее сложными, и отсюда уже выводить классификацию или разделение науки. Во-вторых, по вопросу о том, должно ли быть, в рациональной классификации социологии, отведено особое место статистике, истории и новой науке, специально изучающей общественную среду, — мезологии.

Несколько раз уже делались попытки классифицировать социологию по тем функциям социального организма, которые признавались наиболее важными, причем каждой из этих главных функций соответствовало то, что по аналогии называлось социальным органом. Но уже в биологии различие между органами, тканями и клеточками колеблется до крайности, так как всякая клеточка и всякая ткань выполняют, в известной мере, определенную функцию и становятся, таким образом, настоящими органами. Только большая или меньшая степень сложности отличает в действительности такие непризнанные органы от органов признанных. Точно также и в социальном организме всякая ассоциация или группа социальных элементов выполняет свою специальную функцию, а в столь часто встречающихся случаях функциональной заместимости (викариата) и функцию всякой другой ассоциации или общественной группы. Сложные функции здесь большей частью также только объясненные или необъясненные равнодействующие простых функций. Истинный научный прогресс, следовательно, заключался бы не в разделении по сложным функциям и органам, а в классификации, которая оставляла бы в стороне все чисто кажущиеся различия, как это достаточно ясно доказано примером Биша, Клод Бернара, Вирхова и переворотом, сделанным этими

учеными в биологии. Необходимо анализировать явления как можно глубже, но для этого нет никакой необходимости разделять науку на несколько больших областей и изучать каждую отдельно и независимо от других. Единство науки и синоптическое, или сравнительное описание всех известных ассоциаций, или общественных групп, будет в этом случае лучше отвечать требованиям анализа, описания и классификации, не останавливающихся на поверхности вещей.

Из истории и статистики желали иногда сделать более или менее независимые части социальной науки. Но сама возможность такого взгляда является новым доказательством глубокой нерациональности распространенных понятий о социальной науке, ее методе и предмете. Ни одна из двух названных отраслей знания не составляет науки, в единственно правильном смысле этого слова. Эти так называемые общественные науки — только средства исследования или методы, одинаково свойственные всем частям и подразделениям социологии. Не нужно много времени для того, чтобы убедиться, что в истории и статистике нет методологического элемента, действительно нового и неизвестного или такого, который мог бы сравняться с основными методами наблюдения, экспериментации и описания. В действительности, исторический и статистический методы, не без основания, специально приписываемые общественной науке, только особые формы описания, хорошо приспособленные к характеру материалов, разработке которых они служат. История может быть определена как описание во времени или описание атрибутов последовательности (филиации, эволюции), а статистика — как описание в пространстве или описание атрибутов сосуществования. На самом деле, что такое статистика, как не *классификация посредством исчисления*, и что такое история, как не *классификация причин и следствий*? Но кто говорит классификация — говорит *описание*. Применение этих двух родов описания столь же полезно и удобно в биологии, как и социологии, что доказывается примером палеонтологии, теории развития и проч. Можно, в известной мере, пользоваться ими даже и в низших науках. Кроме того, каждый из этих методов — необходимое и обязательное дополнение другого. Вне совместного их употребления всякое описание остается односторонним и неполным. Несмотря на это, почти никогда не заботятся об их соединении, и в этом заключается одно из серьезнейших препятствий, мешающих более быстрым успехам социологии.

Наконец, что касается мезологии, то это такой побочный или вспомогательный род описания, который имеет место при всяком ра-

циональном изучении биологических и социологических явлений. Это аналитическое и сравнительное описание «среды», или внешних жизненных и социальных условий, влияющих, так или иначе, на внутреннее устройство и отправления биологических индивидов и их социальных группировок, и находящихся с этим устройством и функциями в постоянном и определенном отношении. Эти вспомогательные исследования имеют целью облегчить разрешение весьма общей задачи, выпадающей на долю как биологии, так и социологии. Эта задача может быть сформулирована следующим образом: когда даны среда и строение (или орган), определить неизвестную функцию. Или: при известных функции и среде найти соответствующее им устройство или, наконец: определить среду, когда орган и функция известны.

ОТНОШЕНИЕ СОЦИОЛОГИИ К БИОЛОГИИ И ПСИХОЛОГИИ

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

ОБ АНАЛОГИИ КАК МЕТОДЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯВЛЕНИЙ ВООБЩЕ И О ТАК НАЗЫВАЕМОЙ РЕАЛЬНОЙ АНАЛОГИИ В ОСОБЕННОСТИ

1. Порядок или естественная последовательность в распределении вопросов, подлежащих нашему рассмотрению в их связи между собою и с основной задачей общественных наук, приводит нас теперь к исследованию соотношений, существующих или обязанных существовать между социологией, с одной стороны, и смежными с нею областями человеческого знания — с другой.

Этот предмет весьма важен. Правильное развитие социальной науки и быстрота ее успехов, очевидно, в значительной степени зависят от правильного разграничения между предметами изучения, входящими в круг ее исключительного ведения, и вопросами, всецело принадлежащими биологии и психологии. И это потому, между прочим, что, лишь разграничив между собой, хотя бы приблизительно и в общих чертах, эти смежные области знания, можно ожидать, что применение к изучению общественных явлений специального метода, свойственного этому разряду исследований, принесет свои плоды.

Однако прежде, чем приступить к разрешению предстоящей нам задачи, необходимо ближе ознакомиться с имеющей прямое отношение к ней общей теорией, которая притом же, в глазах известной части ученого мира, пользуется значительным авторитетом. Мы говорим о так называемой реальной аналогии, учении, стремящемся сгладить всякое действительное разграничение между теориями о жизни, законами мышления и законами, управляющими обществами.

Вопрос о значении и законных пределах аналогии, рассматриваемой как особый метод в науке, тесно связан с наиболее отвлеченным и трудным из всех вопросов, с какими только имеют дело наука и философия — с гипотезой единства, или основной однородности материи, и единства, или однородности энергии или силы.

Первая половина этой гипотезы составляет химическую теорию, которая, без сомнения, должна быть предпочтена построенному на грубом эмпиризме предположению об основной разнородности материальной субстанции, рассматриваемой в ее различных элементах.

Вторая половина той же гипотезы составляет философское учение, оказывающее уму большие услуги в качестве могучего орудия междунаучного или философского обобщения.

Различные свойства материи, рассматриваемые в их генетических отношениях между собою, представляются, конечно, скорее как изменяемости (модальности) одного и того же основного свойства, чем как нечто разнородное по существу и происхождению. Но, оставляя в стороне генетические отношения, по меньшей мере, очевидно, что указанная выше гипотеза не заключает и не может заключать в себе утверждения, что свойства материи, рассматриваемые как способы действия, не различаются между собою. Очевидно также, что эта гипотеза, необыкновенно облегчая интеграцию или установление основного единства знания, нисколько не препятствует при этом дифференцированию науки или ее расчленению на отдельные области. Учение об однородности материи отнюдь не влечет за собою, как свое логическое последствие, отрицания существования экспериментального ряда реальных способов бытия (модальностей) единой субстанции и способов бытия — неразрывно связанных с соответствующим экспериментальным рядом способов проявления единого основного свойства. Этот двойной ряд изменяемостей всегда будет объективироваться или мыслиться предметно в виде различных тел или агрегатов явлений, между которыми наш ум будет отмечать однообразные и постоянные соотношения — законы этих явлений. Но отсюда следует, что всякая изменяемость в природе, с признаками особого или специфического свойства, т. е. свойства, исключительно принадлежащего той или другой экспериментально обособляющейся группе явлений, дает место и особой отрасли научных исследований, имеющей целью собрать и обособить законы, выражающие взаимные отношения явлений этой группы.

2. Тот же взгляд может быть представлен и объяснен иначе, отчего нисколько не изменится его действительное значение или выводы, логически из него вытекающие. Так, все изменяемости вещества и силы могут быть размещены в постоянном и прочном порядке, определяемом одним из концептов ума — идеей осложнения явлений. Тогда ряд изменяемостей будет представляться в виде непрерывной цепи все более и более возрастающих осложнений в тех агрегатах явлений, которые, выражаясь языком философских школ, служат этим изменяемостям *субстратом*. Различие в степени сложности явлений будет постоянным признаком, указывающим на новую изменяемость вещества или силы.

Учение об основном тождестве сил или свойств, проявляемых материей, есть гипотеза, вытекающая из учения об эквивалентности сил, в котором доказывается, что силы природы никогда не теряются и не уничтожаются, а превращаются в равнозначные суммы других сил. Теория эта, как известно, вполне согласуется с фактами, добытыми путем опыта, по крайней мере, по отношению к некоторым свойствам, лучше исследованным, чем другие. Гипотеза тождества лишь развивает и доводит до крайних ее пределов теорию эквивалентности. С этой целью она прибегает к обобщению, стремящемуся представить все свойства в природе как формы или внешние проявления одного и того же опытного факта: движения, происходящего внутри материи. Но в том же порядке понятий существует одна группа фактов, которая не может быть включена в категорию движения, а выражается обобщением, очевидно более широким, чем названная категория. Это опытные факты, которые могут быть подведены под общую рубрику количества. Количество, т. е. свойство протяжения и числа, не может быть постигнуто умом как движение в той или другой форме: в форме ли притяжения масс или атомов или в форме физических, химических, жизненных или социальных свойств. Но зато движение во всех своих формах всегда сопровождается количественными атрибутами или свойствами. Движение — это отношение между предметами, проявляющееся в пространстве (протяжение) и во времени (отношение последования — дающее начало счислению). Это и побудило некоторых философов утверждать, что понятие движения должно быть само отнесено к числу производных количественных понятий. И с этой точки зрения трудно отрицать, что теория единства сил и тесно связанное с нею общее учение о космической эволюции только подтверждают, что явления разнятся между собою количественно, но нисколько не уменьшают густого мрака, облекающего вечную химеру всех философий: качественное тождество явлений.

Но возвратимся к движению, неразлучному с количеством. В этом отношении можно сказать: без протяжения, без числа нет материи, следовательно — нет и движения. Таков точный и выраженный в своей наиболее элементарной форме смысл, придаваемый нами идее осложнения, когда мы говорим, что явления, обнаруживающие отношение или свойство, называемое движением, более сложны, чем те же явления, рассматриваемые с точки зрения количества.

Посмотрим теперь, не сохраняет ли понятие осложнения того же значения и по отношению к каждой из сторон, форм или к каждому из более или менее полных превращений движения. Движение

небесных тел, называемое тяготением, движение земных предметов, называемое тяжестью, и, наконец, движение атомов, воспринимаемое нашими чувствами, как различные степени сцепления или плотности в телах, постоянно осложняются количественными атрибутами. Тот частный вид молекулярного движения, который воспринимается нашими чувствами как теплота, неизбежно осложняется, кроме количественных атрибутов, еще свойствами тяжести и простого молекулярного движения, по меньшей мере. То движение, которое мы ощущаем как свет, по-видимому, невозможно без сосуществования известного количества теплоты, не переходящей в световые вибрации. То же самое справедливо и относительно электричества, магнетизма и т. п. Все эти явления имеют, по меньшей мере, одинаковую степень сложности с тепловыми и, по всей вероятности, даже сложнее их. Идя далее, мы видим, что для возникновения химических явлений необходимо сосуществование некоторых и, вероятно, даже всех физических свойств. Следовательно, химические явления сложнее тех, в которых процессы абстракции, совершающиеся в нашем уме, указывают лишь на так называемые физические свойства. Очевидно также, что без существования химических свойств жизнь невозможна. Наконец, социальная группировка или явления ассоциации неизбежно осложняются явлениями жизни, обнаруживаемыми существами, группирующимися в общества или образующими ассоциации. Итак, даже под влиянием такого широкого обобщения, как движение, наш ум, в полном согласии с постоянным свидетельством наших чувств и добытого благодаря им опыта, упорно отказывается допустить превращение одного в другое свойств природы, при котором не получалось бы никакого остатка и которое, следовательно, не вносило бы никакого различия в степень сложности явлений. То же постоянное отношение сосуществования, которое связывает между собою количество и движение — свойства, не превращающиеся одно в другое, — проявляется и между различными видами или формами движения.

Конечно, многое в науке и философии, на ней основанной, указывает на существование в природе одного основного процесса, обыкновенно, хотя совершенно не философски, называемого физико-химическим. Рациональнее и последовательнее, с точки зрения объединительной гипотезы, было бы называть его просто физическим. Но, с другой стороны, и самые сангвинические приверженцы унитарных теорий не могут отрицать, что этот процесс, в достигнутой нами космической фазе развития, проявляется в непрерывной цепи постоянно возрастающих усложнений, цепи, которая представляет две осо-

бенности. Во-первых, каждое предыдущее звено ее незаметно — не производя в нашем сознании резкого отпечатка — сливается с каждым последующим: и этого вполне достаточно, чтобы философия могла создавать свои объединительные гипотезы. Во-вторых, все протяжение цепи делится не только условно или удобства ради, но и рационально, по необходимости, на несколько обширных и в целом резко отпечатлевающих в нашем сознании областей. Рациональное основание этого деления заключается в том, что на протяжении этой цепи встречается несколько таких точек или центров осложнения, которые наш ум, очевидно, бессилён свести без остатка к более простым типам или, говоря языком математики, которые он не может сократить. Основание деления может быть названо объективным, если причинно связывать его с конкретной сущностью явлений, или субъективным, если ставить его в исключительную зависимость от естественных границ познания. Но как бы то ни было, а указанной второй особенностью достаточно для того, чтобы мог получить начало и развиваться, независимо от общей научной философии, целый ряд специальных наук. Новое, отличное от всех других осложнение основного процесса природы, воплощающееся в ряде доступных опыту конкретных форм или явлений, мы называем новым и несократимым *свойством* вещества, в смысле произведения, которое мы не в состоянии разложить на его производителей. При этом нельзя не заметить, что в конечном анализе или тогда, когда достигается последняя грань объединительных стремлений ума, упомянутая невозможность сопряжена с логическим затруднением особого рода, ведь задача, которую большинство философов так бесплодно порывается разрешить, едва ли, в конце концов, не превышает средств обыкновенной или математической логики. Только повинаясь последней, говорят о настоящем случае, что требуется разложить произведение на его производителей. На самом же деле преследуемая задача едва ли не состоит в том, чтобы разложить произведение на одного производителя, чтобы свести осложнение к одному слагающему элементу. Вечно скрытая от нас совокупность первых и последних причин явлений (составляющая, так сказать, объективную логику природы), быть может, заключает в себе, наряду с другими — и эту возможность. Но от ясного ее постижения не может не отпрянуть наша субъективная логика, как она не может не отпрянуть от реального постижения таких возможностей, как бесконечность, беспричинность, вечность и т. п.

3. Наконец, не выходя из того же порядка идей, можно достигнуть еще более абстрактной точки зрения. Положительный анализ об-

ширнейших обобщений, на какие только способен наш ум по отношению к явлениям, познаваемым опытом, — анализ, подобный тому, например, который был задуман и выполнен в истинно-научном духе Льюисом в его «Задачах жизни и мысли». Он ясно показывает, что то, что мы называем силой или свойством материи, в смысле ли единой силы и единого свойства, или же в смысле различных сил и свойств, составляет в сущности лишь отношение между предметами и нашим чувственным их восприятием, и отношение между одними предметами и другими. Ведь предметы составляют не что иное, как группы отношений, синтезы свойств; предметы не существуют сами по себе, т. е. независимо от свойств, проявляемых ими.

Предметы — это свойства, проявляемые ими. Они не могут быть ничем другим. Отсюда — бесплодность метэмпирического поиска за предметом в самом себе, т. е. за сущностью вещей, и высокая важность эмпирических исследований, направленных к определению доступных познанию отношений между явлениями. С этой точки зрения ошибочно даже говорить о свойствах, присущих явлениям, вместо того, чтобы говорить о видах или способах бытия, определяемых отношениями между предметами. Другой обычный образ, проистекающий из того же источника, предполагает, что свойства, которые не проявляются, тем не менее существуют в предметах, хотя временно и бывают скрыты от нас присутствием других свойств. Но, строго говоря, мы не имеем никакого права предполагать, что эти скрытые свойства существуют, коль скоро они не проявляются. Когда мы отвлекаем от явлений их действительные отношения и представляем себе эти явления поставленными в другие отношения, отличные от первых, мы видим только, какие свойства они проявили или проявят снова, как скоро будут поставлены в те же условия. Но говорить о субстанции, как о чем-то остающемся после отвлечения действительных отношений, и представлять эти последние присущими субстанции — составляет логический прием, справедливый лишь относительно идеальной стороны факта. Так, в факте тяготения все, что опыт действительно открывает нам, сводится на отношение между явлениями, которое и выражается математическим законом обратных квадратов расстояний. Но, хотя это отношение может быть истолковано различным образом, оно непременно предполагает наличность двух сравниваемых данных, и не может быть мыслимо, как существующее само по себе или в одном только данном.

Не следовало бы равным образом забывать, что свойства в предметах становятся ощущениями в нашем сознании, и здесь подвергаются

специальному ограничению, обусловливаемому опытными пределами каждого из наших чувств. Конечно, можно путем опыта открыть и доказать между различными ощущениями известные соотношения сходства и даже полной равнозначности. Это должно существенно облегчить нам построение того, что можно назвать научным единством ощущения. Но каждый специфический род ощущения все-таки субъективно остается и навсегда останется неперевоодимым в другое ощущение. Так, ощущение света никогда не будет субъективно сведено к ощущению тепла или звука, хотя объективно все три рода ощущений и приходят к волнообразным сотрясениям материи.

Но раз мы допустили, что «свойства» вещей состоят лишь во взаимных отношениях, достаточно постоянных и общих, чтобы нельзя было мыслить их иначе, как тесно связанными с самими вещами и восприятием их нашими чувствами, — уже начинает выясняться вся суетность большей части наших споров об основном единстве или различии сил природы. Действительно, то, что объективно является отношением, субъективно становится по необходимости представлением ума, абстракцией, обобщением. Но в нашем уме существует в то же время и естественное стремление, являющееся чертой, присущей самой его организации, стремление не останавливаться на полдороге в деле обобщения, а всегда предпочитать, при равенстве остальных условий, более обширное обобщение или обобщение высшего порядка, — такому, которое охватывает более тесный круг явлений. Наш ум всегда восходит так высоко, как он только может. Но очевидно, что, с точки зрения логики, мы имеем полнейшее право говорить об едином свойстве, единой силе или энергии материи. Во всех этих случаях мы в действительности имеем перед собою лишь логические формулы, соответствующие известным умственным концептам, достигшим последней, доступной мышлению грани — обобщения. Оно охватывает все без исключения явления и становится вследствие того их высшей связью или конечным единством.

В этой приспособленности к потребностям мышления — гораздо более чем в каких-либо данных, опирающихся на опыте, или в каком-либо действительно объективном основании — кроется вся сила и заключается главная причина успеха, среди ученых и публики, большинства современных теорий, касающихся единства материи, тождества силы, трансформизма во всех его видах, эволюции или преемственного развития животных форм... Эти гипотезы имеют, бесспорно, свою долю пользы. Они связывают разрозненные факты действительности, причем не голыми метафизическими концептами, не про-

стыми уклонениями ума с пути опыта, как было прежде, а теориями, которые до некоторой степени являются переводом на язык отвлеченных символов известной категории данных, непосредственно добытых наблюдением. При чем переводом, к которому наш ум прибегает для воспроизведения, по своему усмотрению, в сознании и для удержания в памяти тех или других чувственных восприятий. Понимаемые таким образом, унитарные теории не могут стереть границ, установленных между различными науками непрерывными усилиями и последовательными трудами целого ряда поколений; они не могут нанести серьезного ущерба принципу разделения научного труда, составляющему необходимое условие всякого действительного успеха в науке. Данный принцип и вытекающая из него классификация наук достаточно ограждены от всякой такого рода случайности логическими и психологическими необходимостями особого порядка. Тем не менее, значительная доля всех объединительных стремлений современности (а именно все то в них, что идет далее отождествления, с целью философского обоснования зависимости каждого разряда явлений от всех других, отдельных и большей частью только количественных признаков в разнородных категориях явлений) — не что иное, как возвратная форма уже пережитого человечеством фазиса или возрождение, в новом виде, стародавней погони за полнотой знания, постижением сущности вещей.

4. В своем поиске за основным единством явлений современное мышление, как известно, остановилось на представлении движения, как на обобщении, наиболее способном охватить все реальное разнообразие в наблюдаемых фактах. Но такая остановка, надо сказать, была вполне произвольной и условной. Она мотивируется не логической невозможностью подняться выше, достигнуть еще более обширного обобщения, которое включало бы в себе движение как частный случай, но просто соображениями научной полезности. Движение представляет такое соотношение между предметами, которое лучше отвечает условиям и требованиям исключительно физического объяснения опытных данных, чем непосредственно более общее соотношение количества, которому, с чисто логической точки зрения, следовало бы отдать предпочтение. И точно, нисколько не оспаривая практического превосходства точки зрения, ставящей движение во главе естественной лестницы явлений, не трудно убедиться, что настоящим краеугольным камнем теоретического здания, воздвигаемого для помещения гипотетического или реального единства явлений, может быть только отношение количества. Количество можно определить —

это свойство материи представлять отношения сосуществования или последования, или просто — сосуществовать и следовать друг за другом. Или же, наконец, как говорит Спенсер, — занимать пространство и время. Занимать пространство — значит иметь протяжение, занимать время — значит подлежать счислению. Но так как всякое сосуществование в конечном анализе сказывается на нашем сознании, как существование в последовательном порядке, то и занимаемое пространство, т. е. протяжение, измеряется тем же способом, как и занимаемое время: для этой цели служит число, счет единиц времени и пространства.

Из этого определения явствует, что количество — это свойство или отношение между явлениями, не имеющее специальной квалификации, вследствие чего оно составляет наивысший абстракт, самое последнее отвлечение, до какого мы только можем дойти в последовательном ряде понятий, имеющих целью классифицировать различные свойства материи или общие соотношения предметов между собою.

Всякое другое свойство или соотношение, чтобы быть менее общим и менее отвлеченным, чем количество, должно быть квалифицировано или определено, ограничено известным образом, иначе оно опять будет не что иное, как количество. Противопоставлением понятий квалификации и неквалификации, ограничения и неограничения некоторые философы пытаются создать непроходимую пропасть между количеством и качеством. Однако эта бездна — только кажущаяся, так как и логически, и в действительности мы в данном случае имеем дело с двумя последовательными отвлечениями, одно из которых составляет лишь непосредственно более высокую степень другого. В схематическом изображении различных естественных свойств, количество является лишь первым звеном в ряде соотношений между предметами, — ряде, который расположен в неизменном порядке уменьшающейся общности и возрастающих квалификации или ограничения. В этом ряде за количеством следует свойство сосуществовать и располагаться в определенном порядке, занимать пространство и время, — представляющее в отношении количества ближайшую низшую ступень обобщения и абстракции, то есть являющееся уже квалифицированным или ограниченным известным образом. Мы наталкиваемся на физические грани, на физическую квалификацию вещества. Далее следует то же свойство, сохраняющее свое физическое ограничение с присоединением нового ограничения или новой квалификации — ограничения или химической квалификации. Еще

далее к химической квалификации — химическому *окачеству* — присоединяется ограничение или органическое или жизненное окачество, за которым, в свою очередь, следует ограничение, вносимое в природу общественностью. Само собою разумеется, все это — лишь наиболее резкие грани, квалификации, бросающиеся в глаза среди бесконечных множеств, наполняющих промежуточные пространства свойств или качеств. Алгебраическая или общая схема этой классификации естественных свойств должна изображаться следующим образом:

Неквалифицированное количество.

Количество, квалифицированное через a ,

Количество, квалифицированное через a плюс b и т. д.

Итак, в конечном анализе, всякое явление составляет, очевидно, количественное явление, потому-то так и легко придавать математическую окраску всем, без исключения, наукам. Но каждая отдельная наука должна строго придерживаться изучения одной какой-нибудь специальной квалификации общего явления количества. Количественный или математический анализ можно применять в любой науке лишь с формальной стороны. Но и это методологическое средство, столь сильно упрощающее и облегчающее сложную научную работу, бесспорно полезно лишь при условии, которому вполне удовлетворяют простейшие и наиболее разработанные науки: никогда не терять из виду специальной квалификации изучаемых явлений, квалификации, действительные законы которой не могут быть выведены из одного рассмотрения количества уже потому, что специальное отношение или свойство содержится в общем лишь формальным или чисто логическим образом. Наконец, очевидно, что вполне безразлично — допустить ли несколько свойств, различным образом квалифицированных, или только одно, квалификация которого постепенно изменяется и усложняется. Свойство, иначе квалифицированное и представляющее иную степень общности, это новое свойство для науки, которая не проникает в сущность вещей, ни даже в сущности их проявлений или частных соотношений.

5. Только что изложенные взгляды могут быть верны или ошибочны, построены на прочном фундаменте науки или выведены произвольно, — этими взглядами, во всяком случае, уделяется максимум значения, совместимого с требованиями ограничиваемого опытом разума, той гипотезе о коренном единстве сил и свойств в природе,

которая составляет настоящую основу и главное оправдание реальной аналогии, т. е. метода рассуждения и философствования, чрезвычайно распространенного в наше время и получившего значение, с которым нельзя не считаться.

Реальная аналогия может быть определена в немногих словах: методом исследования, который, выводя непосредственно практические последствия из принципа тождества материи и ее проявлений, не знает или не хочет знать субъективных и объективных ограничений этого гипотетического принципа и ставит себя рядом, а часто и выше простых логических методов согласования, различения, сопутствующих изменений, выделяемых остатков и т. п. Данный метод заявляет притязание в высокой степени облегчать и упрощать научный труд при поиске новых отношений, открытии новых законов и проверке отношений и законов, прежде установленных: все это — отождествляя уже не только одни явления, обнаруживающие одинаковые свойства, как делает в своей специальной области каждая отдельная наука, но и отождествляя, тем же порядком, явления, представляющие собою неравные суммы свойств, обнаруживающие некоторые специфические свойства и вовсе не проявляющие других, то есть отождествляя, например, социальные явления с биологическими, эти последние — с химическими и т. д.

Естественный исход и конечный результат такого способа сравнения, называемого реальным, в противоположность к обыкновенной или формально-логической аналогии, заключается в утверждении, что все без исключения явления природы, от песчинки и до таких сложных фактов, как падение Римской Империи, например, или волнующий современную Европу социальный вопрос, управляются совершенно тождественными законами. Но такое утверждение, очевидно, лишено сколько-нибудь серьезного значения, если при этом имеются в виду лишь наиболее общие соотношения, например, количественные или физические, и становится глубоко враждебным всякому прогрессу в отдельных науках, коль скоро его распространяют на более сложные и специальные соотношения, изучаемые большей частью этих наук. Само собою разумеется, впрочем, что мы говорим здесь лишь о более тонкой форме реальной аналогии, форме, которая окружает себя, с одной стороны, всем арсеналом доводов высшей метафизики, а с другой — тщательным подбором опытов и гипотез современной науки. Что же касается той грубой, но довольно распространенной разновидности аналогии, которая празднует свои победы, отождествляя самые поверхностные сходства или даже случайные

совпадения, то на ней, очевидно, нам нет нужды останавливаться.

6. Критика, которой мы подвергли философское основание реальной аналогии, как мы ее понимаем и определяем, чрезвычайно облегчает остающуюся часть нашей задачи, — указание на главные внутренние недостатки этого способа исследования природы.

Несостоятельность реальной аналогии, как научного метода, может быть доказана тремя разрядами доводов. Во-первых, реальная аналогия — это метод, не отвечающий целям частных наук. Во-вторых, этот способ рассуждения, как и вообще всякий процесс сравнения, устанавливает отношения тождества, имеющие лишь формальный, чисто-логический и нередко просто словесный или образный характер. Наконец, в-третьих, реальная аналогия смешивает явления, или объективные группы отношений, с их свойствами или отношениями, рассматриваемыми порознь и отвлеченно. Другими словами, смешивает объективный агрегат с его составными частями. Разберем ближе каждый из этих недостатков.

1. Реальная аналогия ставит себе целью отождествление различных «изменяемостей» единого бытия. Но если даже допустить, что подобная цель действительно достижима, — она всецело принадлежит философии. Конечно, в известном смысле справедливо, что и частная наука старается доказать или, когда это очевидно невозможно, нередко просто предполагает основную тождественность различных проявлений силы или сил, ею изучаемых. Она обобщает эти проявления, эти соотношения между данными объективными агрегатами, и приходит, таким образом, к представлению о физических, химических, жизненных и социальных свойствах.

И общая наука или философия, из-за невозможности экспериментально доказать основное тождество всех свойств материи, может предполагать его: конкретную объективную группу она может превратить в абстрактную, субъективную единицу. Но нельзя утверждать, что химия, например, имеет целью отождествлять химические явления и свойства с физическими, с одной стороны, и биологическими — с другой. Если даже предположить возможность или необходимость такого отождествления, оно, во всяком случае, будет делом не частной науки. На долю каждой науки выпадает задача, которой она должна довольствоваться, и которая не может простирается далее обобщения специальных явлений, ею изучаемых. И потому частная наука должна ограничиваться исследованием одних внутренних аналогий; она сбивается с надлежащего пути, рассматривая междунучные или внешние аналогии. К тому же, чтобы отождествить, например, биологиче-

ский закон с социологическим, то есть, чтобы сочетать их в обобщении высшего порядка, которое совмещало бы в себе оба закона, недостаточно, как полагает большинство приверженцев аналогического метода, иметь точные познания об одной только из сочетаемых величин, хотя бы и было доказано, что это единственно известное данное содержит в себе количественно и вторую, неизвестную величину. Так, уравнение $5 + x = y$ есть уравнение совершенно не определенное, допускающее бесконечное множество решений, хотя бы мы и знали наперед, что x меньше 5.

II. Подобно большинству философских заблуждений, и реальная аналогия имеет своим источником умственную иллюзию особого рода. В ее основе лежит склонность нашего ума принимать слова за сами предметы, субъективные и идеальные формы — за реальные, объективные явления. Так, решив и доказав, что x содержит в себе y , а z содержит v , или что $x + y = a$, а $z + v = b$, мы в каждом из этих случаев установили тождественные формулы соотношения между данными, которые сами могут быть совершенно различны. В математике было бы грубой ошибкой от тождества двух формул или двух математических действий умозаключать о тождестве данных, связываемых этими формулами. Между тем эта же ошибка в философии весьма часто проходит незамеченной. Сплошь и рядом приверженцы аналогии полагают, что они доказали тождество законов, управляющих различными явлениями, когда им только удалось доказать тождество формул, служащих для выражения этих законов.

Но тождество форм мысли — одно дело, а тождество явлений и соотношений между ними, сложных и частных, простых и общих — другое. Слова и отвлеченные термины не воспроизводят вещей даже так, как гладкая поверхность зеркала воспроизводит облик или внешние очертания окружающих предметов. Логика знаков и связанные с ней мыслительные процессы имеют, с начала и до конца, чисто символический характер. Одно тождество знаков или символов, употребляемых умом, не служит доказательством тождества вещей или реальных отношений, существующих между предметами. А между тем нередко целые теории являются построенными на неточном значении слов и терминов. Так, например, еще недавно в одном серьезном трактате можно было встретить защиту любимого тезиса аналогистов — что тождественные законы управляют всеми явлениями, от простейшего до самого сложного, — защиту, основанную на простой словесной аналогии, которую стоит привести здесь, как образчик этого способа рассуждения. Автор пространно объясняет, что всюду во Вселенной и

под всеми формами, проявляемыми материей, мы находим специальный объект изучения социальной науки, — общество, и выводит отсюда, что социальные свойства не могут быть предметом исследования одной какой-либо науки. Чтобы доказать такое положение, автор последовательно перебирает все науки: он указывает на ассоциацию ощущений, идей, желаний и т. д., как на истинную основу психологии. Переходя к биологии, он утверждает, вместе с Вирховом, что внутреннее строение биологической особи представляет все черты, свойственные социальному устройству, и является ничем иным, как организацией или ассоциацией, в недрах которой бесконечное множество единичных существований тесно зависят друг от друга, хотя в то же время сохраняют каждое свою специальную деятельность и выполняют свое особое отправление. В химии автор также находит общество, со всеми его характерными признаками — именно в ассоциации химических атомов, обособленных друг от друга специфическими свойствами (химическим весом и т. п.). В физике или молекулярной механике он усматривает общество физических атомов или центров силы и энергии. Наконец, в астрономии он видит идеал строго уравновешенного общества небесных тел. По несчастью для него, однако, автор, нагромоздив друг на друга массу любопытных сравнений и поразительных аналогий, совершенно позабыл, по-видимому, об одном отношении тождества, наиболее простом и очевидном: одни и те же психологические законы управляют действиями нашего ума, как тогда, когда эти действия обращаются на простейшие явления, так и в тех случаях, когда они направлены на наиболее сложные явления.

Обозначение реальных предметов или отношений и зависимостей посредством отвлеченных терминов или знаков и символов мысли имеет, по справедливому замечанию Рибо, подобно математическим числам, свои степени: так, «красный» есть абстракт, «цвет» — абстракт более высокого порядка, а «атрибут» или «свойство» — абстракты еще более высокой степени¹. Не всегда, однако, так легко проследить это возрастание отвлеченности, как в только что приведенных примерах, и эта трудность нередко служит источником большой путаницы в понятиях. Но такое именно смешение и допустил ученый, не признававший за социальными свойствами никаких специфических особенностей только на том основании, что, как ему казалось, он находил те же свойства во всех явлениях природы. Действительно, подвергнув даже самому поверхностному анализу поня-

¹ Ribot T. La Psychologie anglaise contemporaine. — Paris, 1870.

тие «отношение», составляющее отвлечение высшего разряда, мы без труда убедимся, что этот столь общий символ мысли совмещает в себе, «сообозначает» два других отвлеченных понятия — идею зависимости и соответствующую идею независимости. Причем не абсолютной зависимости, которая была бы равнозначна тождеству, и не абсолютной независимости, которая была бы отрицанием всякого отношения, а идею относительной зависимости и такой же независимости. Но в то же время ясно, что наиболее обобщенное и отвлеченное понятие, какое человеческий ум только может составить себе об обществе, равным образом распадается на те же два абстрактных элемента — относительные понятия зависимости и независимости. Таким образом, по-видимому, устанавливается субъективное или идеальное тождество между двумя абстрактными символами — «отношением» и «обществом». А так как всякая наука изучает лишь отношения, то отсюда близко и заключение, что все науки имеют своим предметом явления ассоциации или общества (правильное выражение, в котором исчез бы последний след реальной аналогии и осталась бы только аналогия словесных образов, было бы «ассоциации» или «союзы явлений»). Но если, основываясь на непосредственном свидетельстве опыта, придать тому же абстракту — «общество» — более точное и определенное значение, если низвести его хоть на одну степень отвлеченности, то легко видеть, что он служит специальному обозначению объективного ряда явлений, несравненно менее длинного, чем ряд, охватываемый отвлеченным понятием отношения или соотношения.

Указанная сейчас ошибка принимает у многих приверженцев реальной аналогии гораздо более трудно раскрываемый софистический характер. Именно в этом виде она весьма часто служит им победоносным аргументом в их споре против учения, утверждающего научную независимость социологии. Поэтому, быть может, не лишним будет посвятить этому предмету еще несколько строк, приведя на этот раз мнение одного из наиболее убежденных аналогистов, немецкого ученого Шеффле.

В недавно оконченном сочинении, озаглавленном «Строение и жизнь социального тела», Шеффле одним из краеугольных камней своих теорий об обществе выставляет мнение, что социальные явления — наиболее универсальные среди всех явлений природы, причем универсальность принимается им в обычном своем значении, близком к смыслу общности. По мнению Шеффле, явление может быть в одно и то же время и сложным, и общим, следовательно — и простым,

и частным. Сложность идет у него рука об руку с общностью, а просто-та, наоборот, с частностью: терминология, по меньшей мере, оригинальная и совершенно противоречащая общепринятой. Между тем, вникая в точный смысл терминов, употребляемых немецким ученым, нельзя не видеть, что действительное их значение не идет далее следующих двух понятий, которые, взятые сами по себе, совершенно верны: для того, чтобы социальное явление могло обнаружиться, необходимо, чтобы к явлениям чисто физического характера присоединился последовательный ряд химических, биологических и психологических явлений. Между тем, для возникновения или обнаружения всякого другого порядка явлений, достаточно сосуществования или одновременной самостоятельности более короткого ряда естественных фактов. Социальный факт составляет, таким образом, род микрокосма, в котором сходятся все законы Вселенной и сочетаются все явления природы. Это собрание образчиков всех феноменальных цветов и оттенков без исключения. И трактат о социологии является в этом смысле общей энциклопедией человеческого знания; социология превращается в космологию.

На этом взгляде основано определение предмета социологии — социальной жизни, о котором здесь необходимо упомянуть. Социальная жизнь, по мнению Шеффле, автора этого определения, не что иное, как наименее грубо-вещественная и наиболее всеобщая интеграция и дифференциация всех действующих на земле сил, неорганических и органических, физических и химических: она представляет их наиболее совершенное оживотворение, их наиболее полную и сознательную индивидуализацию. Ничего подобного нет в области остальной органической природы и, подавно, в области неорганической. Лишь через социальный мир и в нем доходим мы до живого целого, заключающего в своих недрах, в виде междуклеточного вещества, все роды материи, какие только существуют на земном шаре, а в качестве членов живой ассоциации, населяющей землю, — все виды индивидуального бытия без исключения. При помощи форм движения и материи, еще неизвестных органическому миру в тесном смысле (слова, символы письма и т. п.) скоропреходящая и беспрестанно распадающаяся единица органической жизни превращается в живую совокупность нового рода, охватывающую весь земной шар и являющуюся, с исторической точки зрения, столь же непреходящей, как и этот последний. Таким образом, получается третья большая сфера, охватывающая и содержащая в себе две первые: ядро неорганического мира и промежуточную сферу органического мира. Эта третья сфе-

ра может быть определена как универсальная, охватывающая и мир *социологии* (так как неделимое, составляющее предмет органических наук, становится в ней лицом или предметом науки права) и мир *имуществ* (так как материя, составляющая предмет неорганических наук, становится в ней богатством или предметом экономической науки)¹.

Этому представлению о социальном мире полезно противопоставить обычные представления о нем, которые все, от прекрасных слов Паскаля о человечестве до более точных понятий основателя позитивной философии, принимают в расчет, при определении общества, лишь главный элемент, поглощающий собою все другие, — т. е. человека или, вернее, совокупность человеческих существ, именуемую человечеством. Немецкий ученый непременно хочет охватить в своей формуле одновременно с человечеством и все то, что стоит позади человечества и без чего последнее было бы, очевидно, невозможно. Но именно это-то соображение и делает представления Паскаля и Конта, не говоря уже об их большей ясности, простоте и научной точности, столь же полными, как и представление, потребовавшее приведенного выше бесконечного определения.

Всякое социальное явление, несомненно, совмещает в себе и явления притяжения, химического сродства, жизни и т. д. В этом смысле мы называем его сложным, а Шеффле — универсальным. Но до сих пор и он, и мы одинаково правы, так как под двумя различными абстрактными терминами мы понимаем совершенно одно и то же. Мы обозначаем одну и ту же объективную действительность двумя субъективными символами, которым можно бы было придать различное значение, но которые для нас равнозначны. В противность мнению Шеффле, мы, кроме того, утверждаем, что все, что в социальном явлении принадлежит к сфере явлений притяжения, химического сродства, растительной или животной жизни, не представляет, вообще говоря, никаких других затруднений, кроме уже разрешенных или могущих быть разрешенными различными науками, занимающимися этими условиями *sine qua* поп всякого бытия в сфере социального мира. Останавливаться в социальной науке на соображениях, касающихся этих условий, значило бы, по меньшей мере, рассматривать сначала то, что уже было исследовано в других областях знания. Свойство универсальности, как и свойство сложности, принадлежит совокупности социального явления, совокупности, в которую входят

¹ Schiffler A. Bau und Leben des Socialen Körpers. — Tübingen, 1875.

как известные нам, так и неизвестные его части, как факты, изучаемые во всех остальных науках, так и факты, составляющие специальный предмет науки об обществе. Что же касается этих последних, то они, очевидно, представляют нечто, как раз обратное универсальности в смысле общности.

Допустим еще, что социальное явление составляет, в сущности, как каждое другое явление природы, только «движение материи». Шеффле признает, что это движение многоформенно, разнообразно, сложно, универсально. Но среди этой многообразности форм движения не трудно отличить друг от друга: 1) движение, называемое притяжением или тяготением; 2) движение, проявляющееся в чисто физических свойствах; 3) движение, обнаруживающееся в химических сочетаниях; 4) движение, принимающее форму жизненных и психологических явлений. Наконец, 5) еще неисследованный и специальный вид движения, который в соединении со всеми прочими порождает многообразное, сложное и универсальное движение обществ. Но если, как мы полагаем, это предварительное расчленение может быть произведено во всех разрядах социальных фактов, то социальный анализ должен, очевидно, иметь целью изолировать только тот остаток или ту специфически социальную форму движения, которая и составляет настоящий предмет социальной науки¹.

III. Приведенный сейчас пример уже содержит в себе указание на склонность приверженцев реальной аналогии смешивать само явление, т. е. объективную совокупность отношений, производящих одновременно известного рода впечатление на наши чувства, с основным свойством или общим отношением, являющимся конечным результатом длинного ряда анализов, произведенных над значительным числом однородных явлений. Но такое смешение не может быть оправдано даже ссылкой на общеупотребительный язык, на котором явлением безразлично называется всякое воздействие на нас внешнего мира, все то, что подлежит нашему чувственному восприятию, вызывая в нас или чисто физические, или нравственные ощущения. В этом общем значении частное отношение или частный атрибут, чувствен-

¹ Во мнении об универсальности социальных явлений трудно не видеть как бы отголоска знаменитой мысли Конта о необходимом и всеобщем преобладании социальной точки зрения. Конт часто упоминает, выражаясь его собственными словами, об *энциклопедическом* значении, принадлежащем социологии по причине самого ее места в иерархии наук, места, в силу которого она резюмирует в себе всю совокупность предшествующих условий и отношений // Конт О. Курс положительной философии. Т. VI. — СПб., 1900.

ные корни или первообразы которых продолжают живо сознаться нами, могут быть еще названы явлениями. Но общее отношение никогда и никаким образом не может подлежать непосредственному восприятию нашими чувствами и, следовательно, существовать как настоящее явление.

Множественность и различие — атрибуты, свойственные реальному или объективному миру. Тожество же есть обобщение или отвлечение высшего порядка, которое неизбежно возникает в нашем уме потому, что рядом с реально ощущаемыми различиями, анализ, т. е. искусственное расчленение того или другого явления, констатирует сходства и производит сближения, которые лишь в редких случаях могут стать объектом конкретных ощущений, но которые зато всегда могут быть рационально или абстрактно поняты. Сближения, производимые умом между реальными или уже отвлеченными частями или элементами одного и того же явления, совокупность которого продолжает постоянно действовать известным образом на наши чувства, приводят к тому, что мы называем доказательным знанием тождества элементов, входящих в состав данного явления, или же только к предположению, гипотезе такого тождества. Последний случай и есть аналогия; между тем только в первом мы имеем право образовывать субъективные категории или мыслить об известных явлениях, как принадлежащих к одному и тому же научному разряду.

В каждой науке, признаваемой относительно высшей, мы имеем дело с явлениями, которые называем относительно более сложными, потому что они воспринимаются чувством как реально неразделимые агрегаты или группы явлений. Но чисто химическое явление, или чисто жизненное, объективно вовсе не существуют, а лишь абстрактные знаки, которыми мы обозначаем конечное различие между впечатлениями, производимыми на нас известными группами явлений, и впечатлениями, которые производят известные другие группы явлений. Понятие осложнения применимо лишь к самой группе, а отнюдь не к абстрактному знаку, служащему для обособления этой группы от всех других. И само это понятие сводится к простому количественному представлению — что известные группы явлений постоянно и неизменно бывают больше, производят более разнообразные впечатления, а другие бывают столь же постоянно и неизменно меньше, или производят впечатления все менее и менее разнообразные.

Что же касается абстрактного знака, выражающего конечное различие между испытываемыми впечатлениями, т. е. что касается идеального химического, жизненного и т. п. явления, или, употребляя другую терминологию, что касается химических, жизненных, социальных и других свойств, то очевидно, что все эти понятия представ-

ляют одинаковую простоту и составляют отвлечения одной и той же степени. Эти понятия образуются умом для обозначения тех границ или пределов нашего познания природы, далее которых мы не можем проникнуть с помощью одних строгих приемов наблюдения и опыта. Когда мы говорим, что жизненные явления более сложны, чем химические, это значит только, что первые образуют более обширные и разнообразные группы различно воспринимаемых нашими чувствами свойств или соотношений, чем соответствующие группы, образуемые вторыми, но сама тайна жизни столь же проста или столь же сложна, как и тайна химического сродства.

Реальная аналогия нередко празднует воображаемые победы лишь благодаря тому, что не делает достаточного различия между двумя вещами: отвлечением, представляющим сумму впечатлений, которые производит на нас какой-нибудь факт природы, и отвлечением, служащим знаком для обозначения различных крайних границ опыта. Такое смешение равняется отрицанию, отчасти или вполне, этих границ или, по крайней мере, принятию их за то, чем они не могут быть в действительности, за реальные явления, которые можно анализировать, сравнивать, отождествлять. Легкие победы, одерживаемые этим путем, не могут быть прочными: границы опыта не так легко перемещаются и никогда не могут исчезнуть. И сколько бы мы ни старались уменьшить их число, отождествляя их одни с другими, они, подобно сказочной гидре, у которой каждый раз, как ей отрубали голову, вырастала новая, всегда снова выступают при серьезном исследовании явлений, исчезая лишь тогда, когда исследователь сознательно погружается в глубокие и таинственные волны метэмпирического знания.

7. Тем не менее, высшие или занимающиеся исследованием более сложных явлений науки должны опираться на низшие или изучающие сравнительно менее сложные явления. Зависимость высшей науки от низшей всегда тем сильнее, чем незначительнее разница между степенями сложности изучаемых той и другой явлений. Иначе сказать, высшая наука всегда опирается на ту низшую, которая, в классификации наших знаний, основанной на принципе убывающей общности и возрастающей сложности явлений, непосредственно ей предшествует, резюмируя в себе по отношению к ней все остальные отрасли знания природы. Вследствие этого, всякая рациональная социология, как учит позитивная философия, должна быть основана непосредственно на биологии.

Социальное явление не может быть ничем иным, как только жизненным явлением, к свойствам которого присоединяются известные

новые свойства. Но так как объективная группа, образуемая этой совокупностью свойств, неделима в действительности, то искусственный прием, которым новые свойства изолируются от всех прочих для отдельного их изучения — прием, без которого наука остается бесвязанной массой непонятных фактов — может быть плодотворен и полезен только при условии не упускать из виду уже исследованных свойств и не смешивать их с еще не исследованными. Но для этого, очевидно, необходимо обладать полным знанием первых. Чем лучше мы их знаем, тем больше можем надеяться достигнуть точного знания новых свойств. Другими словами, можно без парадокса сказать, что чем мы лучшие энциклопедисты, тем более мы имеем шансов стать хорошими специалистами.

По тем же причинам и правильная эволюция или развитие наук совершается не в безразличном порядке. Развитие наук может представлять много случаев взаимной зависимости, но, по отношению к законченным периодам или крупным фазисам, оно не может быть ни одновременным в разных отраслях, ни перемежающимся.

В общем итоге, одна наука основывается на другой главным образом, чтобы иметь возможность, не допуская беспрестанных смешений, различать между собою свойства материи, а вовсе не для того, чтобы находить те или другие аналогии между ними и таким образом достигать общего синтеза, в котором выражалось бы полное тождество всех свойств материи. Такой синтез, если не такое тождество, мы уже имеем в самой природе, но задача искусства, которое в настоящем случае представлено наукой, состоит именно в уменьшении и сокращении, путем анализа, объективно существующих в явлениях смешения и слияния.

Итак, трансцендентальная или реальная аналогия находит себе осуждение и в самом принципе зависимости высшей науки от непосредственно ей предшествующей науки, т. е. в том начале, на которое это учение имеет в особенности притязание опираться. Но рядом с трансцендентальной аналогией существует и такая, которую было бы крайне несправедливо и вредно смешивать с первой. Я подразумеваю аналогию, не переступающую или не трансцендирующую за предельные понятия, которые мы называем конечными или несводимыми свойствами материи и которые составляют лишь последние грани опыта, основанного на чувственном восприятии. Эта аналогия не гонится за призраком основного тождества явлений и не упускает из-за него реальной добычи — точного знания отношений различия и отношений сходства.

Основные различия между явлениями разных порядков проявляются в их специфических и несводимых свойствах; напротив того, отношения сходства между такими явлениями, отношения, связывающие их, как сомкнутые звенья огромной естественной цепи причин и следствий, проявляются главным образом в совокупности явления, рассматриваемого как группа или агрегат свойств, в разнообразных формах, представляемых разными агрегатами, и, наконец, в ходе развития или эволюции этих форм и агрегатов. Здесь мы на каждом шагу встречаем многочисленные и поразительные аналогии; было бы странно и противно здравым научным приемам закрывать глаза на них или отвергать без всякой проверки.

Надлежащим образом проверенная аналогия может способствовать установлению отношений сходства или тождества, и таким образом может облегчить составление рациональных классификаций явлений. Она может привести к открытию частных эмпирических законов, наконец — и это одна из самых важных ее услуг — она может помочь нам связать частные или эмпирические законы явлений с их общими или теоретическими законами. Установление такой связи составляет высшую цель аналогии, но при этом не трудно понять, что действительно достигая такого результата, аналогия отчасти уже изменяет свою сущность, перестает быть простым процессом сравнения и становится чисто дедуктивной операцией ума. Никогда аналогия сама по себе не будет в силах выполнить задачу — вывода эмпирических законов одного научного разряда явлений из аналогичных законов другого разряда. Она, например, не принесет никакой пользы при выводе социальных законов из более общих законов биологии, химии и т. п. Но научно проверенная аналогия, содействуя поиску спая, если можно так выразиться, соединяющего вполне однородные явления, может, конечно, значительно облегчить вывод более частных законов социологии из ее более общих законов. В этих границах польза и научное значение аналогии не подлежат сомнению¹.

¹ Относительно роли аналогии в области общественных наук мы можем повторить сказанное нами по тому же поводу в нашей статье — «Наука и метафизика» // Знание, 1875: «Одна аналогия в науке ничего не доказывает, хотя строгие научные доказательства могут иногда, незаметно для всех, быть скрыты под внешними формами простой аналогии. Последняя составляет лишь превосходное средство наглядного представления сложного и малоисследованного предмета или освещения его темных частей светом, отражаемым уже надлежащим образом освещенной поверхностью других, более простых и лучше исследованных предметов. И вот, между прочим, причина, почему этот способ объяснения так популярен в науках более сложных явлений: биологии и социальной науке. Можно сказать в общем, что аналогия заменяет графический метод там, где явления не могут быть удобно представлены геометрическими линиями».

В нашей попытке доказать обманчивость света, который трансцендентальная аналогия проливает на до сих пор еще столь темный вопрос о взаимной зависимости различных областей знания, мы руководились желанием устранить с нашего пути главнейшее препятствие, которое, на наш взгляд, мешает более точному анализу отношений, существующих между социологией и смежными с ней науками — биологией и психологией. Расчистив дорогу, мы продолжаем наш путь, и в двух следующих главах рассмотрим сущность и главнейшие особенности этого двойного соотношения.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

БИОЛОГИЯ И СОЦИОЛОГИЯ

1. Неорганические науки, изучая наиболее общие свойства материи, соотношения количества, движение во всех его формах и химические свойства тел, стремятся к положительному познанию *общей среды*, в которой совершается и под постоянным влиянием которой находится эволюция органического ряда, имеющего своим последним и высшим звеном человечество, — постоянный предмет нас беспокоящих помыслов, конечную цель, сосредоточивающую на себе все наши усилия в сфере науки, эстетики и практической деятельности. Органические науки, в свою очередь, стремятся к положительному познанию самого *органического ряда* и его эволюции. Изучение физико-химической среды, которая состоит из явлений, не зависящих от нашего воздействия, если не считать некоторых, имеющих второстепенное значение, видоизменений, из явлений, так сказать, основных, общих всему существующему и, кроме того, подлежащих наблюдению во множестве случаев, где они изолированы от всяких жизненных или социальных осложнений, — это изучение по необходимости предшествует познанию законов, управляющих эволюцией как индивидуальных, так и коллективных организмов, самопроизвольно развивающихся в неорганической среде. Оно служит подготовкой к такому познанию и делает его возможным. Неорганические науки, таким образом, образуют естественное и прочное основание, над которым возвышается здание органических наук.

То же отношение зависимости, та же тесная и неразрывная связь существует и между двумя главнейшими отраслями изучения органического мира. Индивидуальный и коллективный организмы — лишь названия для двух главных форм, в которых, по необходимости, отражается в нашем сознании бесконечное разнообразие объективной цепи живых существ. Но из этих двух форм вторая, т. е. коллективная, есть не что иное, как материальное и, в то же время, логическое осложнение индивидуальной формы: материальное, потому что коллективный организм материально состоит из известного числа индивидуальных организмов; логическое, потому что понятие о коллективном организме вытекает из понятия об индивидуальном организме и имеет назначением представить в общем и отвлеченном виде простое различие в степени сложности соответствующих реальных явлений.

Гениальный автор «Курса положительной философии», среди глубокого мрака, облекавшего в его время эти вопросы, ясно усмотрел необходимое сцепление наших знаний и обуславливаемую этим двойную зависимость — органических наук от наук неорганических, и наук социальных, изучающих *социальный способ* органического бытия, от биологических, изучающих *индивидуальный способ* этого бытия. По мнению Конта, конечное единство человеческого знания вполне примиряется с рассудочным разложением его на две главные группы наук, из которых одна относится к неорганическому или общему существованию, рассматриваемому с трех существеннейших сторон. Во-первых, количественной, затем физической и, наконец, химической, а другая относится к органическому или специальному существованию, рассматриваемому с двух, ему свойственных сторон: индивидуальной и социальной. Сопоставляя эти две группы наук, мы видим, что первая составляет необходимое введение ко второй, а рассматривая последнюю группу, видим, что изучение индивидуального способа органического существования служит в ней необходимой подготовкой или истинным базисом для изучения социального способа того же существования¹.

Полагаю, впрочем, что здесь не лишне будет напомнить, как Конт, в первой половине этого столетия, отживающего уже свои последние десятилетия, понимал двойное осложнение физико-химических явлений. Оно объясняло, во-первых, возникновение чисто-биологических, а затем и социальных явлений, а также как Конт понимал тесную связь, существующую между последними двумя основными способами органического существования. По словам Конта, «переходя от изучения неорганических наук к изучению органических, мы живо и с самой полной очевидностью сознаем, что материальное существование получило громадное приращение, гораздо более значительное, чем приобретенное им при проходе через две предшествующие ступени последовательного расширения», т. е. при повышении от простых количественных условий к физическому состоянию и затем — к новому осложнению химического состояния. Это приращение материального существования есть жизнь, — новая деятельность, обнаруживаемая непрерывными движениями молекулярного поглощения, выделения и размножения. Одновременно с этим объективным приращением, наука обогащается основным понятием об организме, которое до того не различалось от понятия о среде, и

¹ Comte A. Cours de philosophie positive. V. VI. — Paris, 1835. — P. 789.

только теперь, обособляясь, приобретает свойственное ему значение в «рассмотрении длинного ряда постепенно усложняющихся органических систем, существование которых видоизменяет все более и более всемирное существование и, в то же время, само становится все более и более способно видоизменяться сообразно с общей совокупностью внешних условий». Отсюда видно, что понятие об организме, в свою очередь, дополняется понятием об органическом ряде или лестнице существ. И по этому поводу Конт делает следующее замечание: «Хотя систематические понятия о порядке и гармонии и должны были первоначально возникнуть из изучения более простых явлений неорганического мира, но понятия о классификации и иерархии, составляющие, бесспорно, высшее проявление первых, могли, конечно, образоваться лишь в биологии, откуда они должны, в конце концов, распространиться и на социологию, из сферы которой был первоначально заимствован их основной тип. Несмотря на громадные пробелы современной биологии, где в настоящее время нашей оценке доступна лишь постановка существеннейших вопросов, из которых ни один не может считаться действительно разрешенным, мы были вправе взглянуть на эту великую науку, как на получившую, из рук своих наиболее выдающихся представителей, истинный характер, ей свойственный, что в науке, где преобладающее значение имеют общие точки зрения, вполне совместимо с крайним несовершенством частных». Наконец, по мнению Конта, из сказанного выше явствует еще, что «основное понятие о самопроизвольном, постепенном и ступенеобразном развитии жизни, совершающемся в общих пределах, соответствующих неизбежному и непрерывному выполнению основных законов всемирного бытия, отныне уже бесповоротно установлено в науке о жизни, согласно с великим иерархическим представлением (об органическом ряде), господствующим над всей совокупностью биологических идей».

Переходя к социологии, Конт объясняет, что необходимость этой науки, «единственной, которая может действительно замыкать собою ряд наук и по отношению к которой сама биология является лишь последним необходимым введением», обуславливается «чрезвычайным основным приращением, которое испытывает реальное бытие, возвышаясь от индивидуального организма к коллективному». Приращение реального бытия выражается здесь в факте ассоциации индивидуальных организмов, — факте, порождающем явления, которые, в сравнении с чисто-биологическими условиями, представляют нечто совершенно новое; таковы, например, совместное действие

элементов, вещественно независимых друг от друга, и, в особенности, историческая преемственность (филиация), или влияние общей совокупности прошлого на настоящее и будущее. Конечное осложнение явлений, вызывающее необходимость отдельного их изучения в специальной отрасли знания, науке об обществе, по своей сущности, различно от предшествующих осложнений (физического, химического и биологического). Но, как говорит Конт, «оно выступает наружу не менее явственно, чем осложнения, уже испытанные при переходе от начальной математической ступени к физической в тесном смысле слова, затем — от последней к химической ступени и, наконец, от химической ступени к простейшей биологической. Осложнение это, впрочем, всегда идет рука об руку с убывающей общностью в соответствующем ряде явлений».

Что касается отношения, которое должно установиться между двумя смежными науками — биологией и социологией, то Огюст Конт высказывается на этот счет вполне определенно. Ниже сгруппированы главнейшие мнения по этому вопросу основателя позитивной философии.

Отношения, устанавливающиеся между двумя науками по необходимости, бывают двух родов: это или отношения родства и связи, основанные на существенном сходстве соответствующих явлений и ведущие к тесной солидарности между обеими науками и известной общности или тождественности, которая от методов распространяется и на результаты, добываемые одинаковыми приемами исследования. Или же это отношения обособления и раздельности, вытекающие из существенных различий между соответствующими явлениями и ведущие к строгому разграничению областей обеих наук и противоположению и дифференцированию, распространяющемуся от употребляемых методов на получающиеся окончательно результаты. Впрочем, и это является общим правилом, оба рода отношений могут установиться и существовать одновременно между двумя смежными науками, по необходимости соприкасающимися в одном конце непрерывной цепи изучаемых ими явлений и столь же неизбежно расходящимися в другом конце.

Огюст Конт вполне допускал эту двойственность в характере отношений, устанавливающихся между биологией и социологией. Он с одинаковой силой убеждения настаивал на очевидной необходимости и тесном союзе между этими двумя науками и строгого разграничения их областей. Читатель легко убедится в этом из нижеследующих мест «Cours de philosophie positive», на которые я и обращаю особенное внимание.

По мнению Конта, научная граница между индивидуальным и социальным бытием выступает явственно и определено лишь в человеческом роде. «Тем не менее, — говорит он, — это различие требует, как я уже обстоятельно и неоднократно доказывал, распада органической философии на две отдельные, хотя и тесно связанные между собою науки — биологию и социологию. Но как бы велико ни было влияние, которое социология может с течением времени оказать на биологию, очевидно, что первая все-таки должна опираться на последнюю, чтобы достигнуть познания основного фактора общественных явлений, вслед за оценкой среды, в которой этот фактор должен развиваться, и прежде, чем приступят к изучению действительного хода его развития. На всех ступенях социологического развития и со всех статических и динамических точек зрения, биология дает о человеческой природе, насколько она может быть познана из одного рассмотрения индивида, такие основные понятия, которыми следует постоянно контролировать, а нередко даже исправлять и дополнять, непосредственные указания социологических исследований. Но, кроме того, очевидно, что на низших ступенях развития (не говоря уже о первобытном состоянии, в применении к которому одни только биологические дедукции и могут служить нам руководящей нитью), биология, хотя она и тут, как и во всех предыдущих случаях, подчинена социологической точке зрения, должна специально ознакомить нас с элементарной и самопроизвольно возникающей формой ассоциации, связывающей чисто-индивидуальное существование с вполне социальным существованием, возникающем из домашнего быта в тесном смысле слова, т. е. из быта, более или менее присущего всем высшим породам животных и составляющего в человеческом роде первоначальную основу самого обширного среди коллективных организмов. Тем не менее, первоначальная разработка новой науки должна была иметь по преимуществу динамический характер; законы статики почти постоянно рассматривались в ней как подразумевающиеся или заключающиеся в числе законов динамики. А потому наивысшее научное соотношение между социологией и биологией заключается ныне в основной связи, которую я установил между социологическим и биологическим рядом, связи, которая, с философской точки зрения, позволяет смотреть на первый ряд как на простое продолжение второго, хотя данные одного ряда представляются главным образом сосуществующими, а данные другого — следующими друг за другом в определенном порядке. Действительно, за исключением этого единственного различия, существенный характер и направление челове-

ческой эволюции необходимо обуславливаются постоянно возрастающим перевесом тех высших атрибутов, ставящих человека во главе животной иерархии, которые и по отношению к этой последней служат руководящим началом для рациональной оценки главнейших ступеней животности. Таким образом достигается понимание обширной системы органических существ, как одного целого, в котором самое ничтожное растительное существование связано с высшим социальным длинной прогрессией промежуточных и все более и более возвышающихся форм или способов бытия. Наконец, и так как основное начало такой непрерывной связи заключается, в сущности, в постепенно убывающей общности преобладающего разряда явлений, то двойной органический ряд сам собою примыкает к элементарному ряду неорганической природы, в котором три главные, свойственные всемирному бытию ступени, математическая или астрономическая, физическая и химическая, уже представляют последовательность, коренящуюся в том же основоначале... С точки зрения основного закона человеческой эволюции (закона трех состояний) социология опять представляется тесно связанной с биологией, так как первобытное состояние человечества естественно совпадает в ней с состоянием, в котором несовершенство их организации удерживает высших животных. У последних умозрительная деятельность никогда не выходит за пределы фетишизма, т. е. состояния, из которого сам человек не мог бы выйти без могучего импульса коллективного развития». С другой стороны, впрочем, «и биология не может быть окончательно обоснована без помощи социологии, так как, примыкая своим основанием — изучением растительной жизни — к науке о неорганическом мире, она в то же время другим своим концом, исследованием умственной и нравственной жизни, примыкает к завершающей научный ряд науке социального развития. Но исследование умственной и нравственной жизни, без которого биологические познания о человеке оставались бы крайне не полными и не удовлетворительными, не может быть надлежаще направлено с исключительно индивидуальной точки зрения. Оно необходимо требует принятия во внимание нераздельного и единого, по своей сущности, коллективного развития».

Но различия между индивидуальным и коллективным способами органического существования чрезвычайно важны и, конечно, не менее многочисленны, чем точки соприкосновения, поэтому совершенно необходимо разграничивать соответствующие области науки. Низшим и сравнительно простейшим наукам свойственно легко объ-

яснимое общими законами нашего мышления стремление вторгаться в область высших и сравнительно более сложных наук, присваивать себе здесь первое место, подчинять себе высшие науки и рассматривать их как простой придаток или дополнение к непосредственно предшествующему знанию.

Всем наукам приходилось в свое время противодействовать этому стремлению, являющемуся последствием природной слабости нашего ума в борьбе с возрастающими трудностями целого мира постепенно и бесконечно осложняющихся явлений. По мнению Конта, стремиться свести физическое бытие на простое геометрическое (количественное) и механическое — значит стать жертвой своеобразной философской аберрации. Совершенно такую же ошибку допускают и многие замечательные умы, которые в химических явлениях, даже наиболее характерных, усматривают лишь действие простых физических причин. Сама химия, в эпоху Конта, казалась более всего нуждающейся «в строгой разборчивости, которая оградила бы ее от вредного преобладания в ней физики, первого источника ее рациональной позитивности или научности, через который в химию могло бы, между прочим, проникнуть и преобладающее влияние математики». «Стремление, столь радикально враждебное всякому прогрессу в химии», представлялось Конту «тем более опасным, что оно отчасти опирается на несомненное сродство двух основных наук, наиболее близких друг к другу, и является последствием нерационального преувеличения значения химической самостоятельности, очевидно, в высокой степени свойственной различным физическим явлениям».

То же ложное направление обнаруживалось и в биологии. По словам Конта, в науке о жизни «стремление низших наук к преобладанию над высшими, в силу того, что они по необходимости предшествуют им, оказалось еще сильнее, чем в двух предыдущих случаях, так как жизненные явления, бесспорно, в значительной степени состоят из механических, физических и, главным образом, химических явлений. То, что в них есть действительно им одним свойственное, помимо различия во внешних приспособлениях, слишком трудно поддается с первого раза определению, а потому понятно, что преобладание предшествующих наук в этой сфере вскоре стало представляться совершенно законным делом, так как от него, казалось, зависело окончательное введение духа положительного мышления в область этих важных умозрений. Но усилению этой коренной ошибки и продлению вызванного ею замешательства должно было больше всего способствовать то, что, с целью противодействия могучему физико-

химическому и даже математическому влиянию, предъявлявшему, во имя положительного мышления, притязание на господство в биологии, не было долгое время возможности иначе отстаивать рациональность, независимость и достоинство науки о жизни, как поддерживая в ней темное преобладание метафизического и даже теологического духа. Древний строй мысли стал до такой степени антипатичен разуму современного человека, что за последние три века мы не раз бывали свидетелями того, как этот строй, во многих отношениях, все более и более компрометировал все, что серьезно ставило себя под его бесплодную защиту. Дальнейшее сохранение влияния этого строя представляет именно ту опасность, что этим даже самому необходимому противодействию неизбежно придается характер настоящего движения назад, как в сфере науки, так и в сфере политики, так как отныне обе эти области равно заинтересованы в том, чтобы основываться на ином философском базисе, на котором условия прогресса примирились бы уже сами собою с условиями порядка. Начиная с биологических умозрений, данные условия до сих пор представляются несовместимыми, тогда как они уже и теперь в достаточной мере совпадают в начальной части отвлеченной философии. Это внутреннее противоречие и побудило впустить на время в биологию всякие представления, казавшиеся способными и в ней, как это уже было в низших науках, уничтожить влияние метафизики».

В другом месте Конт указывает еще на одну причину (на этот раз — чисто практическую, но вполне основательную и на которой нельзя настаивать, в особенности в применении к социологии), объясняющую незаконное влияние, так часто приобретаемое некоторыми низшими науками в области высших. Эта причина заключается просто в большей или меньшей степени неведения, иногда доходящего до полнейшего невежества большинства биологов (а тем более социологов) по отношению к методам и самому содержанию низших наук. Нельзя, по-видимому, как замечает Конт, сомневаться в том, что «биологи до тех пор не будут в состоянии противиться неразумному вторжению в биологию неорганических наук, пока сами достаточно не ознакомятся с ними, чтобы надлежащим образом приступить к их рациональному применению в сфере собственных научных исследований. Необходимость такого ознакомления обуславливается и здесь, только еще в большей степени, теми же мотивами, которые уже заставили ученых по другим специальностям подчиниться одинаковому логическому требованию, как единственному оплоту против незаконных захватов низшего знания в области высшего». Отождествление социальных свойств с жизненными, и последних — с физико-химическими, является, следовательно, как по своим истинным, хотя

и скрытым причинам, так и по своим практическим результатам, прежде всего и главным образом, грехом неведения.

Ряд рассуждений, только что прошедший перед глазами читателя, образует общую аргументацию, одинаково применимую ко всем основным или отвлеченным наукам, а в числе их, как мы знаем, находится и социология. По отношению к последней Конт полагается на убедительность своей общей аргументации и, в сущности, только воспроизводит ее главные черты в следующих строках, которые относятся к социологии и которыми мы закончим здесь наши цитаты из его «Курса»: «Необходимость разграничения двух отделов органического знания — биологии и социологии — обуславливается, с чисто-научной точки зрения, очевидной невозможностью вывести последовательный ряд составляющих социальную эволюцию явлений, независимо от прямого их наблюдения, из знания одних законов индивидуальной жизни, ибо каждая из различных ступеней (социальной эволюции) может, согласно с требованиями положительного мышления, быть связана лишь с ближайшей к ней и предшествующей ей ступенью, хотя общая их совокупность и должна, во всех отношениях, постоянно сообразовываться в своих основных чертах с полной системой биологических знаний. Мы знаем, к тому же, что и биологические теории, взятые сами по себе, не могут удовлетворять своему высшему индивидуальному назначению без руководящего пособия социологических представлений. А потому, при заложении основания социологии, чрезвычайно важно было надлежащим образом выяснить необходимость этого существенного разграничения, в котором, на мой взгляд, и заключается в настоящее время главная трудность построения науки для наиболее передовых умов. Трудность в одно и то же время научная и логическая, так как стремление, свойственное низшим наукам, поглощать высшие, в силу своих естественных соотношений с ними, а также вследствие того, что они ранее успели построиться на положительных началах, — это стремление, говорю я, нигде не могло быть более опасным, чем в этом крайнем случае, по отношению к которому почти ни один из выдающихся мыслителей нашего столетия не смог избежать указанной нами крупной аберрации»¹.

2. Изложенные выше мнения Конта заключают в себе все элементы для решения важного вопроса о границах, отделяющих изучение явлений биологического порядка от исследования чисто социологических явлений. И, сверх того, как нам кажется, эти мнения основателя позитивной философии служат в известной степени подтверждением основных взглядов, высказанных в настоящем труде на методологическую задачу социальной науки. Вот почему мы и привели их

¹ Comte A. Cours de philosophie positive. V. VI. — Paris, 1835. — P. 786-838.

здесь с такой подробностью, и почему мы считаем бесполезным дополнить их следующими общими соображениями.

Что в природе и во всемирной жизни все тесно связано, образуя непрерывную цепь явлений, — в этом не может быть ни малейшего сомнения. Провести резкую границу между различными конкретными группами явлений нет возможности. Но все наши понятия имеют относительное значение; придавать им абсолютный смысл — значит извращать их и из истинных делать вполне или отчасти ложными. Так и идея связности или непрерывности явлений всецело относится к объективному осуществлению или реальному их обнаружению; ее нельзя, без оговорок и ограничений, переносить в мир субъективной мысли — мир идеальный и условный, создаваемый потребностями науки. Условия, определяющие этот концепт ума и придающие ему характер бесспорной положительности, обозначены явственно и легко распознаются: это те грани, которые, для всевозможных целей, отделяют мир объективный или реальный от мира субъективного или идеального. Чтобы наука стала возможной, мы должны рассматривать естественные факты, или агрегаты явлений, как нечто, изолированное друг от друга, нечто, проявляющее специфические свойства и принадлежащее к различным порядкам явлений. Таково уж устройство нашего ума, что знать — для нас значит абстрагировать, различать, обособлять. И сама наука есть лишь ряд искусственных приемов, в некотором смысле высшее искусство, созданное человеком. Но как все, возникшее искусственным путем, и наука должна отражать на себе те условия, которые облегчили и сделали возможным ее возникновение. Без делений в области знания, мир, по прекрасному выражению Конта, навсегда оставался бы для нас великой загадкой, которая поразила ужасом человечество в период его детства и создала богов.

Естественную переходную ступень от социологии к биологии образуют, по мнению одних, психофизические и психологические явления, по мнению других — явления стадности или гregarизма у диких и элементарные формы ассоциации у животных. Переходную ступень от биологии к химии образуют явления питания, от химии к физике — явления молекулярного притяжения, от физики к чистой механике — явления эквивалентности физических сил: все — области, состоящие в смешанном владении, и нейтральные, все — звенья, связывающие в неразрывную цепь различные части великого естественного ряда явлений. И везде в этом ряде наиболее сложные явления низшей группы имеют во всех отношениях гораздо больше сходства с

наименее сложными явлениями высшей и непосредственно за ними следующей группы, чем с простейшими явлениями категории, в которую они сами научно включены. Но может ли эта изменчивость и подвижность междунучных границ, эта явная бесполезность всяких попыток установить их точным образом для всех случаев без исключения — служить доказательством не существования в действительно-сти упомянутых границ или даже их ненужности для выполнения целей науки? И чтобы не ходить далеко за примером, можно ли заключать отсюда, вместе с некоторыми философами, что биология — конкретная наука, находящаяся в непосредственной зависимости от абстрактной науки химии, а социология — только особая глава биологии и даже, строго говоря, лишь простой придаток к зоологии? Конечно, верность такого вывода представляется в высшей степени сомнительной.

Разделение на несколько отдельных областей совокупности наших знаний о Вселенной и происходящем в ней отнюдь не имеет целью или результатом разрушения объективного единства явлений, раздробления природы на мелкие куски и собирания затем, в различных науках, этих рассеянных осколков. В теории, как и в действительности, единство и непрерывность явлений остаются неприкосновенными. Разделение знания всецело — с какой бы точки зрения мы ни взглянули на дело — является психологической необходимостью, неизбежным субъективным условием или постулатом нашего познания. Конечно, субъективному процессу деления соответствуют объективные условия, которые необходимо исследовать: в области науки не может быть допущено деление, не принимающее в расчет этих объективных условий. Но очевидное заблуждение — ставить в упрек научному делению, что оно не строго объективно, или отвергать всякое деление под предлогом невозможности найти такое, которому нельзя бы было сделать подобный упрек. В таком случае пришлось бы отвергнуть и всякое отвлечение на том основании, что оно само никогда не может быть объективно, хотя и должно соответствовать известным, строго объективным условиям.

Совокупность объективных условий, соответствующих субъективному процессу распределения естественных явлений в особые категории, в принятой позитивной философией классификации наук, резюмируется в одном общем понятии: понятии о сложности явлений. Известные группы или реальные агрегаты явлений, сравниваемые сначала между собою, а затем с другими группами, представляют, в первом отношении, заметно одинаковую степень сложности (порази-

тельное сходство, относительное тождество), а во втором — различную степень сложности (значительные различия, относительное не тождество). Отмечая только сходства, бросающиеся в глаза между всеми группами явлений, мы бы логически пришли бы к представлению об единой, изучающей все разнообразие явлений природы науке. Напротив, останавливаясь лишь на различиях между конкретными явлениями, мы логически пришли бы к выводу, что каждый реальный агрегат в природе должен стать предметом специальной науки. Но вторая ошибка, лишь изредка совершаемая немногими ультра-специалистами, беззаветно отдавшимися исследованию тех или других частных особенностей, отнюдь не более груба и не более опасна для действительного успеха наших знаний, чем первая, которую так часто допускают в наше время поклонники начала абсолютного единства явлений и вообще умы, через меру склонные к всеобъемлющим философским обобщениям¹.

¹ Не могу отказать себе в удовольствии привести здесь следующие строки автора, уже цитированного мною в этой книге. «Ослепленные ярким представлением об основном единстве всех явлений, некоторые мыслители, — говорит Гарэн-де-Витри о современных исследователях в области общей биологии, — склонны упускать из виду другую сторону великой задачи — необходимость отличать, обособлять и характеризовать каждый порядок жизненных проявлений. Злоупотребляя обобщениями, они в известном смысле повторяют старую ошибку алхимиков; они забывают, что простейшие элементы и основоначальные факты, участвуя, каждый по-своему, в образовании великой мировой комбинации, тем не менее, неизгладимо сохраняют для нас свой специфический характер и свою индивидуальность. Другие — и в наши дни это самая многочисленная категория — допускают обратную крайность: наскучив блужданиями метафизики, повергнутые в недоумение и уныние крушением всех философских построений, они сосредоточиваются исключительно на факте, замыкаются в анализе одной какой-нибудь частности факта, тратят всю свою жизнь на изучение раковины, листка, насекомого ил и уравнения. Они называют себя специалистами и любят присваивать себе монополию положительного мышления. Всякое обобщение пугает их, и если вы осмелитесь изложить им самый скромный общий взгляд, с их презрительно складывающихся уст немедленно срывается горделиво-смирная фраза: «Я философией не занимаюсь». Эти люди достойны уважения и даже поощрения, так как они добросовестно исполняют одно необходимое дело: без их кропотливого труда наука была бы невозможна. Но сознание собственной заслуги не должно было бы побуждать их к несправедливости в оценке заслуг других и к забвению, что для постройки здания нужны также и архитекторы. Наука, одну мельчайшую подробность которой разрабатывает специалист, не существовала бы вовсе, если бы ее великие учителя не философствовали, т. е. не обобщали. Исследования специалиста, на которые было потрачено столько тяжелого труда, остались бы бесполезными и не имели бы ровно никакой цены, если бы ряд научных обобщений не должен был бы рано или поздно столкнуться с результатами» / E. de Robertis. *Considérations sur la constitution de la science sociale* // *Revue pos.* — V. XIV.

3. Здесь естественно находит себе место оговорка, имеющая, как мне кажется, свою долю значения в постоянно вновь возникающих спорах о классификации наук. Можно всецело принимать классификацию Конта, можно признавать биологию и социологию за отвлеченные или основные науки, непосредственно следующие друг за другом в иерархии знания, но это не обязывает видеть в классификации Конта какой-то высший принцип позитивной философии или нечто такое, что может стать рядом с единственным основоначалом, свойственным этой философии — основоначалом *опыта*. Классификация Конта составляет лишь один из результатов этого основного начала, и притом результат, строго обусловливаемый современным состоянием наших знаний. Вполне оправдываемая опытом прошлого и настоящего, она находит себе сильную поддержку и в вытекающей из такой двойной санкции вероятности ее подтверждения и опытом будущего. Но было бы несправедливо считать ее решением вопроса, ни в коем случае не допускающим дальнейших поправок или изменений.

Назвав выше эту оговорку имеющей свою важность, поясню теперь последнюю на довольно выдающемся примере. В одной из наиболее замечательных своих статей в «Revue positive», озаглавленной «De la philosophie positive», Литтре пытался изобразить иерархию человеческого знания именно как некоторого рода второй незыблемый принцип, на котором опирается и всегда будет опираться здание новой философии, или как краеугольный камень, который должен остаться на своем месте, как бы ни сложились возможности будущего. Но этот взгляд кажется нам глубоко ошибочным. Классификация наук в том виде, как она установлена Контом, может считаться краеугольным камнем всей системы позитивной философии лишь постольку, поскольку она служит точным (или положительным) выражением общих результатов, уже достигнутых совокупностью человеческого знания. Она может быть представлена как незыблемый принцип нашей философии — лишь постольку и до тех пор, поскольку и пока в том же направлении не добыто противоречащих результатов. Между учеными и философами, принявшими позитивный метод, за исключением всякого другого, есть и такие, которые отвергают контовскую классификацию наук. Эти люди являют зрелище мыслителей, которые, оставаясь верными научному методу в большей части своих представлений, тем не менее, в частном вопросе о классификации наук руководятся интуитивным мышлением, т. е. тем самым философским методом, который они так строго осуждают во всех остальных случаях.

Но раз признав, что позитивная философия имеет только один основной принцип, опыт, и что вне этого принципа все остальное в учении позитивизма есть не более, как результат, нельзя, не становясь в прямое противоречие с основным началом доктрины, выдавать какой-либо из ее результатов за не подлежащий изменению или не зависимый от успехов в области отдельных наук. И классификация наук Конта есть не более, как результат, хотя и чрезвычайно важный, опыта многих веков, доказавшего невозможность сведения известных свойств материи, в том числе свойств жизненных и социальных, к простейшим и более общим началам. Отрицать в настоящее время эту невозможность значило бы грубо пойти наперекор существующей ныне сумме опыта, руководясь вместо нее известного рода рассудочным чутьем, основанным на предположениях и гипотезах, которые в нынешнем состоянии науки не могут быть проверены. Но мы заслужили бы тот же упрек, мы равным образом впали бы в интуитивное мышление, если бы стали утверждать, что опыт будущего не исправит в том или другом частном случае, или в том или другом данном вопросе, прошедшего и настоящего опыта.

К этому я должен добавить, что если позитивная философия и основана лишь на одном высшем начале — начале опыта, последнее имеет, в свою очередь, необходимые дополнительные положения, и одно из них гласит, что опыт бессилен помочь нам проникнуть в сущность вещей. На это-то именно положение и опирается теоретическая защита классификации Конта против нападок, направленных на нее за то место, которое она отводит социологии и биологии в ряду наук. Утверждать или предполагать, в нынешнем состоянии наших знаний, возможность сведения к простейшим и более общим началам специфических свойств наиболее сложных явлений, значило бы допустить интуитивное рассуждение, равносильное с ним на чем не основанным утверждением или предположением относительно сущности этих свойств, столь мало пока исследованных в большинстве их проявлений. Но из недоступности для нас сущности вещей вовсе не следует, что и на более высокой ступени человеческого знания сохранится та же невозможность сведения специфических свойств к каким-либо более простым и общим началам, так как если бы что-либо подобное даже и удалось, сущность сведенных свойств слилась бы с сущностью простейших начал и продолжала бы оставаться недоступной. Метэмпирический центр тяжести, если можно так выразиться, переместился бы, но не мог бы вовсе исчезнуть. Но один только опыт будущего может осуществить подобное перемещение, и это отнюдь не дело

непосредственного («чутьевого») мышления или гипотез настоящего, как думают, по-видимому, противники научной классификации Конта. Вовсе не отрицая, что гипотеза нередко служит в науке кратчайшим путем, приводящим к решающему делу опыту, или наиболее действительным средством принудить природу раскрыть свои тайны, мы, однако, думаем, что такая в высшей степени важная услуга может оказываться гипотезой лишь тогда, когда она заключает в себе, по меньшей мере, некоторые данные, которые могут быть тотчас же проверенными. Но ни одно из данных основного предположения, к которому прибегают противники классификации Конта, не подлежит немедленной проверке. Этой черты уже вполне достаточно, чтобы показать глубоко нерациональный характер всей гипотезы.

4. Выяснению истинной природы отношений, связывающих смежные науки — биологию и социологию, могут служить два других разряда соображений. Во-первых, следует указать на новые условия или факторы, участвующие в произведении социальных явлений и существенно обособляющие их в ряду жизненных явлений в строгом значении слова. Во-вторых, необходимо указать и на положительную невозможность вывести социальные условия и законы из рассмотрения условий и индивидуальных или исключительно биологических законов. К этим вопросам я теперь и перехожу; изложением относящихся к ним соображений я предполагаю закончить настоящую главу.

5. Начнем с *новых факторов*. Новейшие биологические исследования объясняют возникновение жизненных явлений вмешательством в собственно-химические явления или воздействием на них известных новых влияний или факторов: с одной стороны, строения живых тел, а с другой — принадлежащих клеточке или, вернее, анатомическому элементу свойств ассимиляции, обратного выделения и пролиферации или размножения. Социология — наука недавнего происхождения и слишком мало еще разработанная, чтобы от нее можно было разумно требовать такого определения свойств социальных явлений, которое бы хоть сколько-нибудь приближалось по своей точности и реальности к соответствующим результатам, полученным в биологии чисто опытным путем. Самое большее, что можно ожидать в этом отношении от современной социологии, это немногих общих и неопределенных по своему существу указаний относительно наиболее важных специфических черт, свойств или условий, отличающих социальные явления от жизненных. Но и такие указания способны придать отныне рациональное направление будущим исследованиям.

Основным фактом социологии является ассоциация, совокупность материальных и нравственных связей, самопроизвольно, при известных условиях, возникающих между определенными группами живых существ, индивидуальных или биологических существований. С точки зрения статики, это ассоциация вообще и безразлично, ассоциация в пространстве. С точки же зрения динамики, это ассоциация во времени, ассоциация историческая, которая зарождается, растет, преобразуется, подвергается целому ряду неизбежных видоизменений. Из них одни имеют прогрессивный характер или ведут к увеличению знания и власти над природой, другие имеют характер прямо противоположный или ведут к уменьшению силы и могущества, а большинство совершается путем более или менее правильных колебаний. Другими словами, с динамической точки зрения представляющейся, бесспорно, наиболее важной во всех сферах социологического исследования, основным фактом новой науки является социальная эволюция. Поэтому мы оставим на время в стороне точку зрения статики, имеющую второстепенное значение, и сосредоточимся на вопросе, который сам собою возникает перед нами: чем, какими исключительно ей свойственными признаками социальная эволюция отличается от биологической?

Разграничение биологии с социологией представляется с первого взгляда чисто эмпирическим фактом; другими словами, это факт, как бы исключительно основанный на невозможности построить социологию единственно из материала, доставляемого низшей, непосредственно за нею стоящей наукой — биологией. Сначала всю совокупность совершающейся в человеческих обществах эволюции и представляемые ею разнообразные изгибы, тысячи ломанных и скрещивающихся во всех направлениях линий пытались объяснить посредством крупных обобщений, взятых из области биологии, и такая попытка была в логике вещей. Однако она привела к любопытному и неожиданному результату. С помощью этого приема удавалось, и сравнительно даже довольно легко, объяснить половину, три четверти или девять десятых, если можно так выразиться, данного социального явления, но до полного его объяснения, до совершенного разрешения вопроса этим путем нельзя было дойти. Всегда оставался более или менее значительный необъясненный остаток, бросающий тень на самые остроумные дедукции и построения, мешавший, этой темной стороной, пониманию явления в его целостности, и не дававший покоя духу научного исследования, постоянно побуждая его искать и прокладывать себе новые пути. Этого мало. Многие умы уже тогда пони-

мали, что полууспехи, достигнутые в области социальной науки при помощи биологических теорий, имели по большей части лишь отрицательное значение и нередко даже сильно походили на поражения. Эти умы ясно отдавали себе отчет в последствиях, необходимо вытекавших из присущего всякому социальному явлению условия, в силу которого наибольшая часть, количественно говоря, свойств, действий или атрибутов, проявляющихся в данном социальном агрегате, событий или факте, всегда принадлежит к области биологии. Справедливость, однако, обязывает меня заметить, что если биологические объяснения социальных фактов и равнялись почти что поражениям, что касается философского спора, поднявшегося из-за притязаний биологии — править полновластно в области социологии, то эти же самые объяснения, ограниченные и понятые надлежащим образом, представлялись, бесспорно, научными победами и драгоценными приобретениями как для всей совокупности социального учения, так и для отдельных теорий, из которых состоит социальная наука. В этих объяснениях с наибольшей очевидностью выступает естественное подчинение социологии биологии, и эти же биологические объяснения дают первое основание для положительного построения чисто социологических теорий.

Все великие обобщения и главнейшие между основными теориями биологии поочередно применялись к объяснению хода социологического развития. Преемственность возрастов, иерархический ряд или лестница организмов, с рациональным объяснением ее постепенным изменением видов, совершающимся путем подбора и борьбы за существование, наконец, влияние упражнения, привычки и наследственности, закрепляющих однажды достигнутые успехи в известных расах, — все это призывалось на помощь для объяснения скрытого начала или поиска высшего закона постепенных изменений, последовательный порядок которых и взаимная связь и составляют то, что мы называем социальной эволюцией¹. Но, как бы остроумны и заманчи-

¹ Конт сам не пренебрегает биологическими объяснениями. См.: Comte A. Cours de philosophie positive. V. IV. — Paris, 1835. — P. 364-466. Это, между прочим, видно из следующих мест: «По отношению ли к самой науке или же только к ее методу, но великое представление о социальной преемственности находит в биологии свой истинный эквивалент не в аналитическом рассмотрении возрастной преемственности, а в представлении об основном органическом ряде»; «с научной точки зрения, необходимая преемственность различных состояний общества, принимая, конечно, во внимание различие между обеими науками, строго соответствует систематическому распределению организмов в известной постепенности: установленная надлежащим образом, социальная

вы ни были эти объяснения, всецело почерпнутые из области биологии, они постоянно оказывались радикально недостаточными для выполнения задачи, которая на них возлагалась. Удерживая ум в биологической или внешней сфере, они не давали ему проникнуть во внутренний концентрический круг или собственно социологическую область. Они были светом, подносимым к *ima fundamenta*, глубоко лежащему основанию социального здания, но никогда не достигавшим верхних ярусов и самой его внутренности, которые оставались погруженными в глубокий мрак.

Существуют, конечно, некоторые элементарные формы ассоциации, которые могут до известной степени быть объяснены чисто биологическим путем. Таковы ассоциации, встречаемые у низших животных, — ассоциации, которые вовсе не представляют действительно социальной или, по выражению Спенсера, свержорганической комбинации, и по всей вероятности, составляют не что иное, как проявление простых рефлексов, обусловленных весьма ограниченной сферой опыта, и перешедших в инстинкт, благодаря долго продолжавшейся передаче и закреплению их путем наследственности. Таковы явления табунности или пекаризма у некоторых пород животных и у дикаря первобытных лесов и пещер, таковы и некоторые разрозненные зачатки прогресса, встречающиеся в обществах высших пород животных и у первобытных человеческих племен. Но, пока мы остаемся на этой ступени, социология есть, на самом деле, не более как простой придаток к биологии, не более, как простой свод фактов и теорий, имеющих исключительно подготовительное значение. На этой ступени она едва отличается от антропологии в тесном значении слова и часто обозначается в настоящее время названием доисторической социологии (*pré-sociologie*).

Между тем, настает момент, когда из недр органических комбинаций возникает свержорганическая комбинация или, другими словами,

преемственность не может быть менее реальной и полезной, чем преемственность собственно органическая»; «что касается известного постепенного и очень медленного улучшения в человеческой природе, совершающегося в пределах, хотя и очень тесных, но со временем могущих быть ближе определенными, то мне кажется рационально невозможным, с точки зрения и истинной философии биологии, не допустить здесь, до некоторой степени, неоспоримого принципа знаменитого Ламарка, не взирая на значительные и очевидные преувеличения, которыми страдает его теория. Я понимаю принцип, по которому однородное и непрерывное упражнение должно по необходимости производить в каждом животном организме, и в особенности у человека, органическое усовершенствование, которое, после продолжения процесса в течение достаточно долгого времени, может постепенно закрепиться за целой расой».

социальная. Тогда совершается тот важный процесс, который Литтре описывает следующим образом: «Мало-помалу первичные элементы прогресса осложняются; строятся города, возникают ремесла, образуются государства, появляются религии, зарождаются поэзия и искусства, заря наук занимается, и различные социальные строи или порядки сменяют друг друга». И тогда уже, «среди этой беспредельной эволюции, нет больше возможности проследить те факторы, которые вначале выступали так явственно. С этой минуты они возвращаются к своему истинному назначению — служить биологическими пособиями социальному движению»¹. Другими словами, становится очевидно, что социальная эволюция не может смешиваться с биологической эволюцией, что она имеет исключительно ей свойственные черты, которые не могут быть выведены из биологических условий, и что, наконец, необходимо искать существенные условия социальной эволюции в самих социальных явлениях, путем непосредственного наблюдения последних. Но раз это так, отграничение социологии от биологии, первоначально представлявшееся чисто эмпирическим и основанным на невозможности, прямо и в достаточной мере доказанной опытом, построить социологию с помощью одних биологических материалов, — отграничение это, говорю я, начинает принимать характер рациональности, т. е. обнаруживает стремление опереться на первичный факт, присущий только науке об обществе. В чем же заключается этот первичный факт, обособляющийся в социологии, в чем состоит это первоначальное и коренное условие всякой социологической эволюции?

Ответить на этот капитальный вопрос старались не раз; не раз пытались указать, по крайней мере, в общих чертах и насколько позволяло современное, еще младенческое состояние социальной науки, на первые существенные и уже не биологические признаки самопроизвольной деятельности, развивающейся в недрах коллективной формы органического бытия, т. е. среди общества. Я, само собою разумеется, не говорю здесь о метафизических бреднях по этому вопросу некоторых писателей, не останавливавшихся перед измышлением особых сущностей или таинственных сил, заправляющих социальными организациями. Это осязательное заблуждение не может даже привести в свою пользу смягчающих обстоятельств, в которых нельзя отказать однородной аберрации, господствовавшей в сфере биологических идей. Тут, по крайней мере, системы анимизма и витализма в свое

¹ Littré É. La Science au point de vue philosophique. — Paris, 1873. — P. 367.

время послужили могущественным орудием для противодействия стремлению химии и физики вторгнуться в область науки о жизни. Теперь и биология являет не меньше притязаний, чем ее предшественницы, и, в свою очередь, стремится покорить своему господству более юную науку, непосредственно за ней следующую. Но в настоящее время дух положительного мышления пустил слишком глубокие корни, чтобы можно было хоть на минуту остановиться на мысли о компрометирующем союзе, по выражению Конта, с древним умственным строем. Оставляя в стороне подобные бредни, которые, к сожалению, встречаются лишь слишком часто в самых лучших исследованиях, я напомним здесь о некоторых наиболее выдающихся попытках, имевших целью основать размежевание двух отраслей знания органического мира на таком факте, который был бы доступен наблюдению, подлежал бы точному, обстоятельному определению и, в то же время, очевидным образом лежал бы вне сферы биологии, — словом, на факте, который был бы таким же первичным фактом социологии, каким в биологии являются двойной процесс ассимиляции и выделения, а также процесс молекулярного размножения.

Всего естественнее в данном случае, — естественнее потому, что такой путь представлял менее всего видимых трудностей, — было прямо обратиться к явлениям, играющим, бесспорно, самую важную роль во всех социальных фактах без исключения или в социальной эволюции во всех ее формах — я подразумеваю психические явления. В этом-то направлении и стало уже очень давно работать большинство умов, искавших положительного решения упомянутой задачи. В настоящее время нет более распространенного мнения, как то, которое видит в психическом элементе истинный *quid proprium* социальной науки. Но этот взгляд имеет один весьма важный недостаток. Он основан на предположении, что психический элемент есть факт иного порядка, чем остальные биологические явления, или факт, представляющий новое и высшее осложнение материи. Но это естественно ведет к тому, что из психологии делают новую, самостоятельную науку, занимающую промежуточное место между биологией и социологией. К тому же, при таком воззрении, социология, выделяясь из биологии лишь благодаря преобладанию, которое получает в ней психический элемент, т. е. нечто, составляющее предмет особой науки, может, очевидно, играть лишь роль простого придатка к этой последней. Но, повторяю, психологическое объяснение страдает недостатком, сводящим к крайне ничтожным размерам заслугу, которую бы мы иначе должны были признать за этой попыткой. Психологическое объясне-

ние избегает одного очень важного затруднения лишь тем, что создает другое, быть может, еще более серьезное. Оно устраняет ни на чем не основанное предположение о существовании таинственных сил,двигающих обществами. Однако при этом оно совершенно разбивается о другое, одинаково опасное возражение, заключающееся в том, что до сих пор менее всего может считаться доказанной гипотеза, на которой исключительно основан упомянутый взгляд и которая касается навсегда скрытой от нас сущности психических явлений.

Психологическое объяснение построено по чистейшему типу суждения *a priori* или строго дедуктивного, столь часто применяемого в исследованиях, имеющих целью познание управляющих социальными явлениями законов. Мы видим перед собою громадную массу психических фактов всякого рода, которые ежедневно совершаются в каждом обществе, сколько-нибудь заслуживающем этого названия. Этой массе, бесспорно, принадлежит подавляющее преобладание в ряду различных явлений, участвующих в образовании самого ничтожного социального факта. Мы видим явное господство влияний психического происхождения в несметном числе случаев сочетания причин, когда над произведением сложного социального результата работают силы двоякого рода, частью чисто материальные, частью же умственные и нравственные, или, по крайней мере, содержащие значительную примесь психического элемента. Мы ясно сознаем, наконец, всю важность и все превосходство психического фактора, превосходство, частью действительное, частью же сильно преувеличенное человеческим умом, который не может представить себе ничего более возвышенного и более достойного удивления, чем способности, которыми человек выделяется из ряда прочих органических существ. Но из всех этих данных можно логически сделать лишь один вывод, который по необходимости повлечет за собою представление о психическом элементе, как о *causa causans*, реальной и конечной причине всего беспредельного разнообразия социальных явлений, центральном пункте, к которому тяготеет вся история и вокруг которого совершается величественный процесс эволюции человечества.

А между тем, не взирая на все логические гарантии, представляемые, по-видимому, таким выводом, он далеко не соответствует действительным соотношениям между вещами. Чтобы убедиться в этом, стоит лишь применить тот же ряд умозаключений к любому порядку явлений, уже исследованных в науках, окончательно изгнавших из своей области всякие суждения *a priori* и строго подчинивших отвлеченно-рассудочный метод, свойственный младенческому фазису

мысли, непосредственному наблюдению и опыту, свойственным периоду зрелости. Так, например, в химии, основываясь на чисто физической деятельности, обнаруживаемой самыми ничтожными явлениями соединения или разложения, нередко оказывающей очевидно преобладающее влияние на многообразные реакции различных тел, можно было бы легко прийти к заключению, что основная причина химических явлений лежит всецело в физических свойствах внезапно сближаемых между собою при известных условиях молекул. И точно, многие среди наиболее склонных к строгим логическим рассуждениям умов уже пришли относительно химических явлений к аналогичному выводу, нисколько не подозревая глубоко обманчивого и призрачного характера подобной дедукции. В биологии, опять-таки, можно и, логически говоря, даже нужно, отпавляясь от важной в высшей степени роли, принадлежащей химическим процессам во всей совокупности органических явлений, прийти к заключению, что химическое сродство — это единственная реальная причина, таинственное действие которой вызывает наружу, поддерживает и заканчивает жизнедеятельность всех существ. Итак, дедуктивное или психологическое объяснение социальных явлений служит лишь новым доказательством коренного бессилия чистой дедукции размотать запутанные нити наиболее сложных явлений. Тут представляется даже единственный в своем роде случай убедиться в безусловной справедливости философской аксиомы, утверждающей, что в деле объяснения природы ничто, в конце концов, не может заменить нам опыт и непосредственное наблюдение явлений.

6. При исследовании существенных условий, отличающих специальный предмет социологического анализа от предмета биологического анализа, прибегали также и к последнему методу, непосредственному наблюдению явлений; и результаты, при этом полученные, само собою разумеется, имели уже совсем иной характер. В особенности следует обратить внимание на одно обстоятельство. В то время как психическое объяснение сообщало, так сказать, свой собственный отпечаток всей социальной науке, которая, вследствие одного только допущения этой гипотезы, неизбежно становилась и сама дедуктивной наукой по преимуществу, — противоположное объяснение, основанное на наблюдении исторических фактов или выражающих собою эволюцию, сохраняло и даже еще более упрочивало за социальной наукой характер строго описательной науки или, другими словами, науки непосредственного наблюдения. Объяснение, о котором идет речь, принадлежит Конту, но и некоторые другие писатели, до и после

него, пришли совершенно самостоятельно, как мне кажется, к результатам, весьма близким к положениям Конта.

Среди массы разнообразных явлений, которые, соединяясь между собою и реагируя друг на друга, обуславливают возникновение того или другого социального движения. Два порядка фактов особенно тщательно отмечаются этим объяснением, которое представляет собою настоящую индукцию и которое я буду называть *социологическим*, в отличие от характеризованного выше психологического объяснения. Факты, о которых я говорю, занимают в истории несравненно менее видное место, чем психические явления, бросающиеся в глаза на каждой странице, чтобы не сказать — на каждой строке исторического бытописания; и с первого взгляда они представляются даже имеющими лишь совершенно второстепенное значение. Поэтому неудивительно, что они, хотя грубым и эмпирическим образом, но были уже известны задолго до того, когда впервые выяснилась их действительная важность и та громадная роль, которую, по крайней мере один из них, играет в общественной эволюции. Эти два порядка фактов — совместное участие в каждом социальном явлении элементов, совершенно не зависящих друг от друга (между тем как в биологических и психологических явлениях совместно участвуют элементы, материально близкие друг к другу и тесно связанные между собою), и — историческая филиация (преемство) или влияние всей совокупности прошедшего на настоящее и будущее.

Социологическое объяснение общественных явлений состоит в том, что эти два разряда фактов признаются условиями новыми и неизвестными индивидуальной форме органического существования, — другими словами, признаются первичными социальными фактами, дифференцирующими коллективные организмы от индивидуальных. Кроме того, эти факты, хотя и имеют, подобно всякому другому социальному явлению, биологические корни, тем не менее не могут быть непосредственно выведены из знания законов, управляющих как чисто жизненными, так и исключительно психическими явлениями.

Но из этих двух неизбежных условий всякого социального явления, лишь второе, на мой взгляд, бесспорно обнаруживает достаточно яркий специфический характер, чтобы можно было признать его за первичный социологический факт. Что же касается независимости друг от друга элементов, совместно участвующих в произведении социальных явлений, то она, строго говоря, сводится лишь к тому, что среди общественных факторов существует относительно меньшая за-

висимость, если сравнивать их действие и, главным образом, их взаимное положение в пространстве с действием и положением элементов, входящих в образование индивидуальных организмов и обуславливающих явления жизни и мысли. Так что мы здесь имеем дело с различием не по существу, а по степени. Но и такому различию не следует придавать слишком много значения, пока не представится возможность проверить насколько оно реально, и не есть ли оно в значительной мере только кажущееся. Представление о независимых факторах, которые, тем не менее, совокупно участвуют в произведении какого-либо ряда сложных следствий, точно так же, как соотносительное представление о действии, производимом на известном расстоянии одним телом на другое, суть представления, которые, по всей вероятности, были подсказаны нашему уму слишком спешным и поверхностным опытом или неполным наблюдением явлений действительной жизни. Нужно постоянно быть на страже против подобных обманов умственного зрения, как необходимо постоянно исправлять многочисленные обманы физического зрения. Индукция, возводящая в первичный социологический факт соучастие в социальных явлениях элементов, признаваемых независимыми друг от друга, не принимает в расчет легкости, с которой человеческий ум считает реальными фактами, доказанными наблюдением, различные, имеющие более или менее эмпирическое происхождение, иллюзии. Ни одного из этих возражений нельзя привести против второго условия, служащего дифференцированию социальных явлений от биологических, и заключающегося в факте «постепенного и непрерывного влияния одних человеческих поколений на другие». Это условие особенно выдвигается перед индукцией, лежащей в основании социологического объяснения общественных фактов, и характеризуется Контом, как «главное явление социологии, устанавливающее с наибольшей очевидностью ее научную самобытность». Со своей стороны, я думаю, что это условие полезно принять уже теперь — если не окончательно, то, по крайней мере, временно — за первичный факт социологии, играющий в ней однородную роль с той, которая в биологии, например, принадлежит ассимиляции и обратному процессу органического выделения.

Мне кажется, что весьма трудно отвергать важное значение для науки того общего понятия, которое соответствует этому факту. Но, в

то же время, мне кажется невозможным не видеть, как сильно это значение уменьшается собственно только вследствие недостатка точности в терминах или неопределенного и сбивчивого характера формул, обычно употребляемых для выражения всей совокупности фактов, из которых состоит понятие об исторической филиации. Такие выражения, как «постепенное влияние одних поколений на другие», и даже более общая и, по тому самому, несколько более точная формула, согласно с которой речь в данном случае должна идти о «влиянии всей совокупности прошедшего на настоящее и будущее», недостаточно определяют реальный характер или само содержание этого влияния, и оставляют не разъясненным специальный способ его действия.

Разъяснение такого рода пытался дать даровитый ученик Конта Литтре. Этой попытке, на мой взгляд, нельзя отказать в больших достоинствах. Развитие, приданное Литтре представлению Конта о «главном явлении социологии», позволяет уже теперь, как мне кажется, включить это представление в число руководящих гипотез социальной науки. Поэтому ниже я заканчиваю настоящий параграф изложением сущности мнений Литтре по вопросу о ближайшем определении способа действия фактора, на преобладание которого в социологии уже указывали Конт и другие мыслители.

По мнению Литтре, «основное условие исторической эволюции заключается в свойственной человеческим обществам способности создавать совокупности таких вещей, которые могут и должны перениматься. Традиция, памятники и письменность — таковы необходимые орудия этой способности; в них она воплощается». В этих словах способ действия влияния, оказываемого совокупностью прошлого на настоящее и будущее, описывается как накопление, сохранение и передача неорганических или вещественных результатов в тесном значении слова, и органических или биологических и, преимущественно, психических, т. е. вообще результатов, являющихся естественными и необходимыми продуктами всякой ассоциации в пространстве и, главным образом, во времени; ассоциации, т. е. комбинации действий и реакций между каким бы то ни было числом индивидуальных организмов.

«Чтобы представить себе это явление, — поясняет Литтре, — достаточно окинуть взглядом, в порядке их иерархической последовательности, те четыре обширные сферы, которые охватывают всю нашу деятельность. Во-первых, в сфере потребностей, человек создает орудия, ремесла, приюты от непогоды, ткани для прикрытия и украше-

ния тела. Чем больше все это нарастает и усложняется, тем необходимое для каждого поколения научить тому же следующее за ним поколение. Вся первоначальная промышленность зарождается и укрепляется таким образом. Но здесь нет надобности проследивать дальше это развитие. Вторая сфера охватывает отношения человека к семье и обществу, и отношения его к силам природы: первые отношения порождают управление семьи, племени, общины, нации. Вторые же дают начало религиям или представлениям о порядке, управляющем Вселенной. Известно, как тщательно охранялись и передавались политические и религиозные учреждения; и очевидно, какое громадное приращение получает этим путем общее достояние. Третья сфера — область поэзии и искусств, представляет нам то же зрелище. В ней одновременно вырабатываются и приемы исполнения, и образцы для подражания; нужно знать приемы и нужно изучить образцы. Таким путем устанавливается традиция, преемственность изящного. Наконец, сфера сравнительно новейшего происхождения, область отвлеченного знания, дополняет этот ряд и образует последнее звено в цепи тех вещей, которые могут и должны перениматься.

Создание общего фонда или складчины вещей, которые должны быть переняты и выучены, есть факт чисто социологический... С этим созданием связано, ему соответствует преподавание, которое вначале бывает инстинктивным и бессознательным, затем получает определенный и сознательный характер и никогда не прерывается. Только общество создает то, что должно быть выучено, оно заставляет выучиваться тому, что создало».

Напомнив, далее, что Конт придавал большое философское значение понятию об историческом ряде, Литтре, вполне соглашаясь с Контом, замечает: «Исторический ряд у Конта является основанным на опыте в одной своей части, взятой прямо из истории. По отношению же к другой части, этот ряд — чисто рациональный, так как Конт образовал его, продолжив различные цивилизации, встречаемые в истории и добавив к ним, в качестве предшествующей ступени, дикое состояние и фетишизм». Литтре признает такой прием совершенно законным и, пользуясь новейшими приобретениями науки, только завершает контовский ряд представлением о биологическом человеке, ближайшем предке доисторического человека первобытных пещер и каменных, костяных орудий. Он восстанавливает мысленно то состояние, «в котором это существо не имело еще никаких приобретений, подлежащих передаче, обладая лишь тем, что дала ему природа. Это первая ступень, с которой началась эволюция». В том же по-

рядке идей Литтре пользуется представляющимся ему случаем сравнить биологический и социологический способы в деле усовершенствования расы. «Биологический способ, — говорит он, — состоит, как известно, в подборе. Хозяин выбирает самцов и самок, обладающих известными, ему нужными качествами. Приплоду, получаемому таким образом, он также не позволяет случайного спаривания и, прилагая эти старания достаточно долгое время, упрочивает, путем наследственности, желательные для него качества в искусственной расе, им созданной¹. Таков характер биологического способа. Но, спрашивается, какие результаты дал бы такой подбор, примененный к человеку? Он дал бы расы, обладающие известными физическими и нравственными способностями, но он не дал бы ничего, что создает эволюцию; он, самое большее, сделал бы людей более способными к эволюции тогда, когда бы она уже обнаружилась (речь здесь идет, разумеется, о социальной эволюции). Социологический способ усовершенствования расы, именно потому, что он социологический, не имеет ничего общего с подбором. Его дело создавать то, что подлежит выучиванию, и нет ничего во всей биологии, что могло бы служить ему заменой. А потому, в силу свойств, присущих человеческим обществам, он образовался сам собою и осуществил все великие перемены, ознаменовавшие историю. Общества подвергаются застою, когда сумма вещей, подлежащих выучиванию, остается неизменной; они идут назад, когда эта сумма уменьшается; они прогрессируют, когда эта сумма увеличивается».

В заключение Литтре пытается определить ту роль, которую в социальной эволюции играют упражнение и наследственность. «Ни упражнение, ни наследственность, — говорит он, — не могут ни создавать движения, свойственного эволюции, ни придавать этому движению направления, которое оставалось бы постоянно неизменным. Но, раз эволюция началась и по мере того, как она развивается, упражнение, ею вызываемое, улучшает ее служебные органы, а влияние наследственности упрочивает в расах те производные способности, которые можно назвать способностями к цивилизации. Такими чертами определяется второстепенная, несмотря на свою важность, роль,

¹ Замечу, что и природа действует совершенно таким же образом в естественном подборе. Только устранение случайных спариваний тут никогда не проводится так строго, и осуществляется не индивидуальной волей и не теми жалкими средствами понуждения, к которым последняя может прибегнуть, а совершается в силу естественных причин и понудительных влияний несравненно более грозного характера.

которую биология играет в основном факте социологии»¹.

7. *Дедуктивность социологии*. Теперь я перейду к многообразным трудностям, связанным с применением в социальной науке дедуктивных приемов исследования. Я называю дедуктивностью науки большую или меньшую способность ее обогащаться открытиями, вырабатывать теории, словом, расти и развиваться строго дедуктивным или рассудочным способом приращения и расширения. Дедуктивность науки — это ее способность расти и развиваться, пренебрегая непосредственным наблюдением и опытом или, по крайней мере, рассматривая прямое наблюдение и опыт только как вспомогательные средства для проверки, в сомнительных случаях, добытых иным путем результатов. В дедуктивном знании, вместо опыта и наблюдения, постоянно и преимущественно обращаются к источнику сведений, считающему несравненно более глубоким и чистым — к выводу, путем простого умозаключения, условий и законов явлений данной науки из условий и законов, принадлежащих другим областям человеческого знания и уже прочно установленных в них с помощью либо индукции, либо дедукции. Таким образом, я строго ограничиваю употребленное выше выражение его применением к дедукции, так сказать, междунатурной или, другими словами, к такой дедукции, которая делает заключения и выводы не из общих начал, присущих специальной науке, расширение и развитие которой имеет в виду, а из начал, теорий и законов, принадлежащих какой бы то ни было другой науке.

Что же касается вопроса о дедукции, строго ограниченной пределами одной и той же науки, я не имею надобности обсуждать его, но не могу не заметить, что такое применение логических средств представляется мне вполне законным. Оно необходимо для правильного роста и полного развития специальной науки. Все, что существует и способно возрастать и увеличиваться не путем приращения извне, а путем развития и естественного расширения изнутри наружу, имеет полнейшее право беспрепятственно совершать эту необходимую эволюцию в полном ее объеме. Это применимо и к научным истинам — к общим для представлений ума объявлениям и их условиям: этим истинам не следовало бы мешать приносить все плоды, на какие они способны. К несчастью, часто путают дедукцию внутри одной и той же науки с дедукцией, переступающей естественные границы между различными науками. Таким образом, бесспорная полезность первой и опасность, представляемая второй, постоянно и ошибочно переносят-

¹ Littré É. La Science au point de vue philosophique. — Paris, 1873.

ся с одной на другую. Мы нередко видим, что междунучную дедукцию превозносят до небес, употребляя доводы, почерпнутые из рассмотрения роли дедукции внутри одной и той же науки, а с другой стороны — к дедукции последнего рода обращают иногда упреки, которые могут быть оправданы лишь сознанием пагубного влияния в области знания междунучной дедукции.

Определив точный смысл нового термина, который я был вынужден употребить, я могу сформулировать теперь следующее общее правило: чем значительнее дедуктивность данной науки, тем больше последняя приближается к типу *конкретной науки*, существенные черты которого были определены в начале настоящего труда. И наоборот, разумеется, чем ограниченнее в известной области знания возможность обращаться к дедуктивным приемам, тем ближе предположение, что данная наука представляет вполне самостоятельную отрасль или принадлежит к так называемым *отвлеченным наукам*. Чтобы убедиться в верности этого положения, стоит только припомнить наши определения конкретной и абстрактной науки; это положение составляет лишь естественный вывод из данных определений.

Но руководствуясь этой формулой, мы, по одному беглому рассмотрению известных, легко распознаваемых признаков, можем каждый раз определить род или вид в науке, если можно так выразиться, данной группы знаний, и даже место, занимаемое этой группой в великом научном ряде, охватывающем как отвлеченные, так и конкретные науки, и заключающем в себе, сверх того, все оттенки, служащие переходными ступенями от абстрактной науки к конкретной и обратно. Эти оттенки крайне многочисленны: они незаметно, но крепко связывают между собою различные звенья научной цепи; одни из них образуют более абстрактные отрасли знания, другие — отрасли, в которых конкретность преобладает над абстрактностью. Но все рано или поздно, и какие бы сомнения и колебания ни вызывала сначала их классификация, входят в круг той или другой, абстрактной или конкретной науки, как отдельные ее части или главы. Отсюда следует, что каждая конкретная наука заключает в себе отделы, имеющие отвлеченный характер, свойственный абстрактной науке, и каждая абстрактная наука содержит в себе отделы, имеющие характер, свойственный конкретной¹ науке.

¹ Все науки изобилуют примерами таких теорий смешанного характера. Приведу один из них, взятый наудачу. Объяснение брожения, данное Пастером, позволяет определить последнее как «жизнь без воздуха». Пастер доказывает, что микроскопические

Применение к устанавливающимся между биологией и социологией отношениям сформулированного выше общего правила не представляет особых затруднений. Биологические и социологические явления связаны тысячами нитей, и нередко так переплетены, что отделить их друг от друга нет никакой возможности. Каждый социологический факт известной стороной своего полного проявления всегда принадлежит к разряду жизненных процессов в тесном значении слова. Отсюда следует, что биологическая сторона социологических явлений должна по возможности сводиться к общим условиям и законам, управляющим явлениями жизни, — сводиться, говорю я, следовательно, и выводиться из этих законов и условий. Но не менее очевидно и то, что части или главы социальной науки, в которых будет происходить этот необходимый процесс сведения и вывода, всегда останутся отделами, имеющими простое вспомогательное значение, останутся, так сказать, лишь введением к социальному исследованию и будут носить характер весьма явственно выраженной конкретности, так как они будут только применять результаты абстрактного изучения жизненных явлений к биологической стороне всей совокупности социального явления. Но эта совокупность и чисто социологическая характеристика явлений будут в них постоянно ускользать от исследователя. Позволительно даже думать, что, если не догматически и в деле преподавания, то логически такие части или главы не выводят нас из сферы прикладной биологии и не вводят нас в абстрактную социологию.

Но по мере того, как от соображений биологических или смешанного характера мы переходим к соображениям исключительно социологического порядка, т. е. по мере того, как мы проникаем в область действительно основной или абстрактной науки, дедуктивность ис-

организмы, обуславливающие брожение и звестных, и изолированных от действия внешнего воздуха жидкостей, живут за счет кислорода различных химических соединений, заключающихся в этих жидкостях (сахар, крахмал, казеин и т. д.). Результатом этого раскисления первоначальных соединений является образование новых, например, алкоголь, бутловая кислота и т. д. Теория эта основана на известном количестве непосредственных наблюдений и разнообразных опытов. Этой своей стороной она индуктивна, и мы видим, что она вводит в абстрактную биологию понятие об особой форме животного существования, о жизни в среде, лишенной атмосферного воздуха. Но эта теория не могла бы возникнуть без помощи предварительных знаний, принадлежащих к области химии и биологии. Этой последней стороной она дедуктивна, и если мы взглянем на нее исключительно с точки зрения участия в образовании ее химических и биологических данных, мы должны будем признать, что она может одинаково относиться к области двух смежных наук — биологии и химии.

следований быстро ослабевает, и мы вскоре доходим до точки, на которой, можно сказать, ее почти не существует. Это явление неизменно повторяется во всех абстрактных науках, и, по-видимому, имеет даже место и в конкретных науках, с той только разницей, что тут начинают с установления известных абстрактных начал и общих законов, а заканчивают применением этих начал и законов к данному целому, к известной конкретной группе фактов.

Точка, на которой ощущается в отвлеченной науке полнейшее бессилие дедукции, именно та, с которой научное зрение начинает охватывать наиболее широкий горизонт, какой только может развернуть перед нами известный порядок явлений, и откуда перед исследователем открываются, наконец, наиболее общие законы, управляющие этими явлениями. На этой точке все обращения человеческого ума к свойственной ему способности сведения, дедукции, применения — эти термины в данном случае однозначны — остаются тщетными, бесплодными усилиями. Общие законы явлений неизменно познаются лишь с помощью индуктивных приемов исследования. Нас не должно обманывать нередко встречаемое тождество в формулах, служащих для выражения общих законов, управляющих явлениями различных порядков. Это тождество, как было уже указано в главе о реальной аналогии, ни в коем случае не может служить доказательством сводимости явлений одного порядка к явлениям другого, или возможности непосредственного вывода какого-либо общего закона в известной научной области из закона, принадлежащего другой области.

Я могу теперь, в заключение, отчетливо сформулировать то отношение между биологией и социологией, которое касается возможности вывести законы, управляющие обществами, этими своеобразными организмами, носителями начала коллективности, из законов, управляющих биологическими агрегатами и единицами, — организмами совершенно иного устройства, в которых преобладает начало индивидуальности.

На долю биологии выпадает, в этом отношении, двойная задача. Знание явлений жизни и их законов составляет, по двум причинам, необходимое условие всякого рационального изучения собственно социальных явлений. Во-первых, и в этом заключается положительная часть задачи, это знание необходимо, чтобы непосредственно, путем простой дедукции, выделить из социального явления ход и результаты различных, осложняющих его биологических процессов. И, во-вторых, и в этом заключается отрицательная часть задачи, это

знание необходимо, чтобы, вслед за этой предварительной дедукцией, ведущей к искусственному или рассудочному обособлению социологических неизвестных от биологических данных, и после устранения таким путем всяких поводов к смешению, — в позднейших исследованиях, направленных к открытию специфических (хотя бы и очень общих) законов, управляющих совокупностью социального явления, строго остерегаться каких бы то ни было дальнейших биологических дедукций¹. Без глубокого знания биологии и без тех предварительных

¹ Отсылая читателя, что касается философской стороны этого важного вопроса, к первым главам настоящей книги, я замечу только, что научная методология до сих пор представляет нечто вроде вавилонского столпотворения, в котором слова «индукция», «дедукция», «низшая наука», «математический метод» и т. д., употребляются в самых разнообразных и подчас даже совершенно фантастических значениях. Так, например, нередко приходится слышать, что открытием физических и химических законов мы обязаны математическому методу. Ход этой мнимой математической дедукции едва ли не представляется еще многим в таком виде, будто она состоит в выводе физического или химического закона из закона о квадрате гипотенузы или какого-либо другого математического положения. Между тем совершенно ясно, что физические и химические дедукции были облегчены употреблением, нередко весьма обширным, математических формул, но что произведены они были лишь при помощи двоякого рода данных: широкого *количественного физического обобщения* (вовсе не составляющего математического закона или относящегося к абстрактному, ничем не квалифицированному количеству), и случаев более частного свойства, но равным образом принадлежащих к области физики, или же при помощи широкого *количественного химического обобщения* и частных химических случаев.

Хочу высказать здесь и мое убеждение, что Кант ошибся, полагая, что он вывел эмпирический закон трех состояний из однородного закона, принадлежащего к области психологии и, следовательно, как он говорит, имеющего более общий характер. В сущности, как мне кажется, тут вовсе не было дедукции (если только я понимаю этот термин в смысле Канта), а лишь установление простой аналогии. То, что происходит в социальной массе, происходит и в уме каждой отдельной личности, входящей в состав этой массы. Веское возражение против этой мнимой дедукции социального закона из биологического представляется уже в форме следующих вопросов. Действительно ли к области биологии принадлежит закон, имеющий притязание быть более общим? Разве мы имеем тут дело с биологическими индивидами, а не с социологическими единицами? Не есть ли скорее более общий закон — простое отражение или следствие того закона, который из него выводят? Словом, не есть ли психическое развитие, хотя и индивидуальное, но совершающееся в общественной среде, простое следствие той совокупности социальных причин, которая находит себе выражение в эмпирическом законе трех состояний, или, по крайней мере, не есть ли оно сопутствующее явление и представляющее одинаковую степень общности?

Вообще, нельзя не заметить, что в вопросе об истинных границах социологической дедукции мысль Канта представляется колеблющейся и неопределенной, в особенности в более поздних его произведениях, в которых, оценивая современные явления, он

анализов, которые это знание позволяет произвести, было бы почти немислимо избежать невольного смешения влияний, обусловливаемых чисто физиологическими, а также влияниями, обусловливаемыми чисто социальными причинами, или избежать того, чтобы к индукции, непосредственному наблюдению и научному описанию постоянно не примешивались, парализуя значительную часть усилий научного исследователя, обманчивые дедукции, черпаемые из области биологии.

делает по отношению к ним предсказания, носящие совершенно априористический и даже личный характер. Торопливое желание покинуть пути эмпиризма и придать новой науке, основателем которой он по справедливости себя считал, характер рациональности, уже ставший уделом старейших наук, вероятно в значительной степени способствовало злоупотреблению априористическими рассуждениями, в котором его можно упрекнуть, и философской непоследовательности, благодаря которой он мог высказать следующие два диаметрально противоположных взгляда: «Социология, более чем всякая другая наука, допускает пользование соображениями *a priori*, вследствие ли зависимости от предшествующих наук или вследствие коренного единства, свойственного ее предмету, или же, наконец, вследствие полноты тех логических средств, которыми она располагает... Зависимость наиболее сложных идей от наиболее общих придает в этой науке величайшую важность соображениям *a priori*, выводимым из предшествующих наук. Разборчивое пользование в ней соображениями этого рода сообщает преимущественно дедуктивный характер большинству основных положений, которые в других, более изолированных науках, могут быть только индуктивными». Между тем в другом, весьма известном месте, Конт говорит: «Очевидно невозможно вывести социальные явления, помимо прямого их наблюдения, из одного знания индивидуальных законов, так как каждая из ступеней социальной эволюции может связываться лишь со ступенью, непосредственно ей предшествующей, хотя их общая совокупность и должна всегда согласовываться с биологическими понятиями» // *Leçons*. — 58-me et 59-me.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

ПСИХОЛОГИЯ И СОЦИОЛОГИЯ

1. В прошедшей главе, говоря о новых факторах, привходящих в социальные явления и отличающих их от биологических явлений, мы в нескольких словах коснулись теории, которая старается объяснить факты общественной жизни, тесно связывая их с психологическими и рассматривая первые как позднейшее усложнение и развитие последних. Мы указывали на естественные последствия такого рода воззрений, превращающих социологию в ряд конкретных исследований, служащих дополнением к абстрактной и основной науке — психологии, которая, как известно, не нашла себе места в научном ряду, принятом положительной философией. Мы указывали также на полнейшую ошибочность такого взгляда, всецело опирающегося на ничем не подтвержденное предположение касательно самой природы психологических явлений. Но наши замечания были отрывочны и случайны, и только поверхностно затрагивали вопрос.

В настоящей главе, мы, напротив, остановимся исключительно на рассмотрении этой важной и естественно примыкающей ко всему предыдущему изложению стороны занимающего нас ряда вопросов.

Отношения, связывающие социальные исследования с разработкой психологических данных, составляют предмет задачи столь же интересной, сколько, к сожалению, еще исполненной множества различных трудностей.

У самого порога вопроса нас встречает неизбежная дилемма. Одно из двух: или психические явления вполне принадлежат к явлениям биологического порядка, и тогда их отношения к социальным явлениям необходимо управляются законами, регулирующими отношения этих последних к биологическим явлениям, и сам вопрос, поставленный нами в настоящей главе, является уже вполне разрешенным в предыдущей; или же наоборот — психические факты представляют собою особый порядок явлений, не совпадающий, во всех своих точках, с биологическим порядком. Тогда необходимо рельефно выставить эти точки, указать на отличительные черты психических явлений, выяснить настоящее их значение в области общего знания или философии, и из всех этих посылок сделать заключение о новых и особых отношениях, которые должны образоваться между психологическими и социальными исследованиями. Обе стороны этой дилеммы должны быть рассмотрены.

2. Большие усилия были сделаны позитивной школой, чтобы доказать, что психические явления должны, для всякого рода целей, но в особенности в виду их научного исследования, быть отнесены к числу явлений, рассматриваемых физиологией мозга. Замечательный спор возник на этой почве у позитивистов с психологической школой, которая хотя и отвергала всеобщие и необходимые идеи *a priori*, признавая только относительные идеи *a posteriori*, но не решалась сделать из психологии простую главу, отдел биологии, и требовала для психологических исследований особого, часто даже главного места и в философии, и в серии наук. Составляющий, собственно говоря, только выведенное из опыта обобщение основного принципа биологов, что мысль связана с нервным веществом, как тяготение и теплота связаны с материей вообще, вовсе не затрагивался в этой полемике, лучше сказать, и с той, и с другой его стороны одинаково подразумевали. Но принятие того или другого частного *субстрата* несколько не давало еще права предрешать философский и научный характер соответственного *свойства*, которое могло рассматриваться или как чисто биологическое во всех своих проявлениях, или же как представляющее новое, высшее и несводимое осложнение в ряду свойств вещества: мнения и тут, следовательно, радикально расходились, хотя и это только подразумевалось и прямо не высказывалось.

Ниже я резюмирую главные черты этой полемики, приводя из посвященной этому вопросу статьи Литтре¹ наиболее выдающиеся места. Начиная с изложения исторического хода полемики, так как история, во всякого рода вопросах, лучше всего уясняет дело.

«Когда Декарт (далее не для чего восходить), — говорит Литтре, — начал философствовать с помощью свойственного ему дедуктивного метода, он взял за исходную точку аксиому (*cogito ergo sum*), надолго ставшую знаменитой, и вывел из нее всю метафизику. Таким образом, установилось философское преобладание психологии, против которого так энергично восстал Конт, сделав из психологии часть биологии. Картезианская школа скоро, однако, распалась на две ветви: в одной психология служила основанием метафизики, давая учение о врожденных идеях, всеобщих и необходимых, которые являлись ручательством объективного существования сверхъестественного мира. Другая, со времени Локка и по его примеру, ограничилась положительным изучением духовной и нравственной природы человека, насколько она проявляется в человеческих действиях. Много замечательных людей работало в этом направлении: Локк, Кондильяк, шотландская школа и — под названием антропологии — Кант, его учени-

¹ Littré E. La philosophie positive. V. 1. — Paris, 1845.

ки и последователи. В чем бы ни заключалось, впрочем, разногласие между двумя школами, и в том, и в другом лагере были убеждены, что психология — источник первых, основных начал мира, следовательно, и философии. Но и возведенная таким образом на степень основной науки психология продолжала страдать скрытым, в то время никем не замеченным недугом. Он состоял в том, что общее учение о мире основывалось на таком частном явлении, как природа человека. Признаки внутреннего разложения этой школы обнаружались скоро. Локк и его последователи не переставали расшатывать основы метафизической психологии, т. е. врожденность, всеобщность и необходимость идей, а шотландская школа, ближе всех стоявшая к положительному решению вопроса, не очень то противилась окончательному устранению учения о метафизических сущностях и сосредоточению философии на изучении человеческой природы, идеологии и морали¹. Развитие этого учения было прервано, как ниже будет изложено, — Контом. Предположив, в виде гипотезы, что оно продолжалось бы, можно спросить, что бы из него вышло: оно оказалось бы настолько же бесплодным, как и развитие метафизического учения, в тесном смысле слова. Несмотря на громкое предъявление права быть родоначальницей первых принципов, эта психология оставалась бы без всякой связи с науками (веское доказательство, что она неправильно поставлена иерархически). Кроме того, физиология мозга, развиваясь, оспаривала бы у нее ее область, и этот источник первых, основных начал стал бы яблоком раздора между физиологией, которая, очевидно, не может обладать знанием этих начал, и психологией, само оспаривание у которой ее области служит достаточным доказательством, что она обладает этим знанием только по названию. Вот в каком положении дела Кант объявил, что психология есть не что иное, как отдел биологии... Из двух различных точек зрения физио-

¹ Психология, на самом деле, как замечает в другом месте тот же автор, «содержит в себе еще целый ряд других учений: вопрос о достоверности, теорию причинности, учение об общих понятиях, рассуждении, законах и формах мышления и т. п. Все это в середине XVIII века называлось метафизикой, а в конце — идеологией, как видно из следующей фразы д'Аламбера: «Метафизика имеет предметом рассмотрение процесса зарождения идей», и из слов Дестютта-Траси: «Две не только различные, но и противоположные, хотя постоянно смешиваемые науки (древняя теологическая метафизика, или метафизика в тесном смысле слова, и современная философская метафизика или идеология)». Литтре дает всем этим учениям название производной или вторичной психологии, в противоположность к первичной или основной психологии, заключающей в себе теорию умственных и нравственных способностей. Идеологию он подчиняет физиологии рассудочных способностей, а этику — физиологии чувств.

логии и психологии, Конт, в замечательной книге, положившей основание позитивной философии, признал только одну: устраняя психологию во всех ее формах, даже в той, которая была придана ей Локком и шотландской школой, он, в главе о биологии, дал место лишь физиологии мозга. Но психология тотчас же отвергла приговор, произнесенный Контом. Один из самых знаменитых ее представителей, Д. Стюарт Милль, несмотря на глубокое удивление, которое внушали ему систематизация наук и историческая теория О. Конта, заявил, что пока психология не будет введена в научную серию, система Конта останется несовершенной, и что завершение системы позитивной философии — дело будущей, более широкой синтетической разработки. Более того, сам Конт изменил впоследствии свое первоначальное и твердое мнение, и в последние годы своей жизни набросал, под названием теории нравственности, общую программу психологии. Книга, которую он собирался написать, имела в виду обоснование знания человеческой природы, но в обосновании такого знания и заключалась задача психологов, которую они, так или иначе, хорошо или дурно, а выполнили.

Привожу следующую характеристику общего развития идей о психологии: «Психология, исторически предшествовавшая физиологии мозга и начавшая свои исследования с наиболее заметных явлений разума и чувства, на первых порах неизбежно должна была придать характер независимости, всеобщности и необходимости присущим этому роду изысканий понятиям и началам. Таким-то образом она и стала временной основой философии. Но, начиная с Локка, возникла новая психологическая школа, которая стала все более и более стремиться доставить и в психических вопросах преобладание элементу относительности, окончательно выделив независимость, всеобщность и необходимость, т. е. абсолютное. В силу этого стремления, исторические мотивы которого не могут не быть ясны для всякого, кто знаком с философией Конта, новая школа значительно приблизилась к биологической школе, которая, выдвигая вперед физиологию мозга, довершает тем торжество относительных начал. Ведь относительная точка зрения, преследуемая психологией Локка и его преемников, — не что иное, как введение физиологии мозга в область психологии. Относительность и физиология мозга — соответственные и равнозначные термины».

Перехожу теперь к постановке спорных вопросов, сделанной Литтре. «Первый пункт спора, — говорит он, — касается места, которое, с философской точки зрения, следует дать учению о человеческой при-

роде». Нужно ли, как сделал Конт в первом своем сочинении, вместить все это учение в несколько общих положений, которые найдут свое место в философии биологии, или же нужно, с психологами всех оттенков, обратить эту доктрину в основную науку, которая, вероятно, будет главенствующей, или главным основанием философского здания? «Второй пункт спора касается соперничества между физиологией мозга и психологией». Какая существует разница между физиологическим анализом и психологическим? Какой из них дает более верные и могучие средства для открытия законов, управляющих психическими явлениями? Можно ли соединить эти два способа, можно ли пользоваться одним из них, не прибегая к другому? На самом деле, не подвигается ли современная физиология к психологии, а психология не возвращается ли к физиологии?

Наконец, ниже я представляю, в общем очерке, главнейшие заключения Литтре, являющиеся ответами на поставленные выше вопросы. Эти заключения он подкрепляет неопровержимыми доказательствами, в изобилии доставляемыми ему физиологией мозга и позитивной психологией, не идущей далее простого наблюдения и не пренебрегающей, как прежние школы, помощью физиологии. К крайнему моему сожалению, сами эти доказательства здесь я вынужден выпустить.

Литтре начинает с напоминания о том основном принципе положительной философии, по которому требуется различать абстрактное знание и конкретное. «Без этого различения, имеющего первостепенную важность, было бы невозможно построить на науках какую-либо философию, ведь в этом случае неминуемо произошло бы полнейшее смешение всяких общих и частных начал. Согласно этому основному положению, одно абстрактное может быть включено в философию». Литтре здесь случайно затрагивает существеннейшую, как мы увидим ниже, сторону всего вопроса, но, не выводя из поставленных положений главнейших следствий, он довольствуется констатированием того, «что философская разработка учения о человеческой природе приводит к сознанию полной принадлежности этого учения к биологии, которая может определить его основы, главные черты, место в ряду наук и вообще его характер и значение. Философия биологии содержит в себе общую теорию мозга, в которой теория человеческого мозга является только частным случаем». «Но, — продолжает Литтре, — если верно, что общие начала учения о человеческой природе содержатся в биологии, то каким образом они могут быть изъяты из последней, чтобы в другом месте играть роль начальной или заключительной науки? Как могут они одновременно занимать два места? Тут

есть погрешность против метода, а положительная философия не может быть отделена от своего метода. Поставить после чего-нибудь еще не значит включить во что-нибудь. Никто не оспаривает того, что от положительной философии должны зависеть теория нравственности, эстетика, идеология, ей одной свойственные и еще ожидающие своего обоснования. Но эти различные отрасли знания не входят в состав философии, а, подобно политике, праву, педагогике, только подчиняются ей».

Тот же автор весьма здраво оценивает значение умственного переворота, совершенного Кантом, когда он указал психологии ее настоящее место в области человеческого знания. «Переворот этот, — говорит он, — был направлен не столько против психологии (так как человеческая природа, как бы ни смотрели на такой труд, должна была, в конце концов, все-таки быть исследована, и психологические приемы были не ошибочны, а только неполны), сколько против всей господствовавшей тогда философии. Когда мы философствуем в позитивной школе, это значит, что мы охватываем в иерархическом порядке общие принципы математики, астрономии, физики, химии, биологии и истории, т. е. стремимся подвести общие итоги всей совокупности человеческого знания. Когда же философствуют в психологической школе, это значит, что занимаются построением теории идей, т. е. стремятся охватить совокупность условий мысли, под которой мы познаем вещи. До Канта никто не думал, чтобы можно было построить философию, основанную на которой шли бы от объекта (включая сюда и человека, рассматриваемого как живое существо) к субъекту. Всякая философия была в то время субъективной, в том смысле, что ее начала шли от субъекта к объекту. Но, противопоставляя таким образом эти две философии, можно спросить, какая из них есть истинная, и можно логически доказывать превосходство одной из них над другой. Я вполне убежден, что с помощью умело веденной аргументации не трудно доказать преимущества объективной точки зрения над субъективной. Я, однако, предпочитаю сослаться на опытные доказательства, всегда гораздо более убедительные, чем абстрактные рассуждения. Но опыт показывает, что психология, или физиология человеческого мозга, составляет только частный случай общей физиологии мозга, которая, в свою очередь, зависит от биологических, химических, физических и математических условий существования материи. Субъективные начала всегда являются необходимо подчиненными. Весь спор разрешается, таким образом, с помощью позитивной иерархии; до такой степени верно, что методу при-

надлежит всякое первенство в высших вопросах! Правда, на это возражают, что различие между субъективными и объективными началами вполне призрачно, что все субъективно потому, что, в конце концов, познание объекта — дело субъекта. Пусть будет так, но не в этом вопрос; вопрос заключается в том, чтобы, когда установлено знание как объекта, так и субъекта, решить, нет ли между ними естественного, необходимого подчинения. Но ответ на этот вопрос ясен: субъект зависит от объекта, жизнь — от материи и умственная деятельность — от жизни. Человек — частный случай в пространстве, в котором он занимает только свою планету. Он частный случай во времени, так как он даже не современник земли. Он частное явление по своей субстанции, так как его тело состоит из небольшого числа химических элементов, входящих в состав нашей планеты... Физиологически доказано, что мозг ничего не создает, он только все воспринимает. Его функция заключается в образовании из всего, получаемого им извне, чувств и понятий, но сам субстрат этих понятий и чувств нисколько не зависит от него. В действительности, все привходит к нему извне, так как органические условия, без которых не может поддерживаться ни индивидуальная, ни общественная жизнь, и без которых не существовало бы никаких чувственных восприятий, до того внешние, что природа осуществляет их, независимо от какой-либо мозговой или психической деятельности, в растениях и особенно — в низших животных. Из этого следует, что нужно видоизменить значение слова «субъективный». Этот термин не может обозначать что-либо, предшествующее развитию человека, как-то: мое собственное я, идею, чувство, идеал. Этот термин означает только способность вырабатывать понятия, которой одарены нервные клеточки; во всяком другом смысле субъективное всегда смешано с объективным».

Не особенно трудно также, по мнению Литтре, уяснить себе настоящие отношения между психологией и физиологией мозга: «Замечание чрезвычайно простое, но идущее до глубины вещей, выяснить эти отношения: все физиологи знают, что каждый жизненный акт или процесс можно изучать двумя способами: или одновременно в органе и явлениях, или исключительно в одних только явлениях. Так, например, несмотря на то, что нам неизвестны органические изменения, производящие сон, мы не останавливаемся перед составлением истории этого свойственного нервной системе физиологического акта. Точно так же, все медики знают, что можно изучать болезни (или отклонения от нормальных отправлений) двумя способами: или в одно и то же время исследуя повреждения органа и симптомы, или

ограничиваясь одними симптомами. Нервные болезни — хорошо известный пример этого второго способа. Соединить оба способа — идеальная цель науки, но руководствоваться исключительно вторым — вовсе не противонаучно или непроизводительно. Это замечание само собою прилагается к спору между физиологией мозга и психологией. Физиология мозга — применение обоих этих способов, психология — употребление одного последнего. Оба они неполны. Со стороны физиологии — потому что она не охватывает органически всех психических состояний, со стороны психологии — потому что она психически не охватывает всех состояний организмов. Примирение наступит, когда биологи, развивая органическую точку зрения до последних пределов, довершат свой труд, включив в него и все то, что может быть изложено только с функциональной стороны и описательно. При рассмотрении спорного вопроса оказывается, что психология составляет простую главу в биологии, и что с философской точки зрения она не может занять другого места... Изучаемая с положительной точки зрения психология не представляет никакого существенного различия от физиологии мозга. В то время как последняя занимается исследованием психической природы человека при помощи анатомии, сравнения, экспериментации и патологии, — первая производит свои исследования с помощью одних функциональных явлений. Оба приема не заключают в себе ничего такого, чего нельзя было бы совместить; они обнаруживают все более и более возрастающее стремление слиться, и в настоящее время они уже достаточно близки друг к другу, чтобы осознать, что их предмет один и тот же. Это признание основного тождества между психологией и физиологией мозга имеет важное значение в философии. На самом деле, с той минуты, как является доказанным, что психология есть не что иное, как физиология мозга, становится невозможным сделать из нее основание философии. Вытекавшая из психологии и господствовавшая до сих пор субъективная философия уступает свое место объективной философии О. Конта. Изучение психической природы человека составляет обширную и важную область, все более и более разрабатываемую, причем все, что есть в ней общего, включается в соответствующем месте в философию биологии, как это было указано Контом, и служит, со своей стороны, к образованию мирозозерцания, естественно вытекающего из изучения объекта, — изучения, в котором жизнь вообще и физиология мозга в особенности стоят на надлежащем месте в иерархии знания».

3. Первая сторона или первое положение дилеммы, преградившей нам дорогу в самом начале нашего исследования, кажется мне доста-

точно разъясненным. Мы можем считать вполне добытыми для наших дальнейших изысканий следующие два пункта. Во-первых, что наш разум, пока он обладает только простыми представлениями и понятиями, порождаемыми внутренними и внешними впечатлениями, пока для достижения высшей точки своего развития, для образования самых сложных комбинаций, для усиления и усовершенствования мыслительного механизма, разум не располагает ничем, кроме первоначальных способностей памяти, ассоциации и той могучей помощи, которую он может извлечь из одного жизненного свойства, наследственности, облегчающей процесс развития и создающей умственные склады и врожденные наклонности, свойственные индивидам и расам. Разум, говорим мы, и все первичные формы ощущения — чисто и исключительно биологические явления. И, во-вторых, как необходимое следствие первого пункта: что психология, будучи физиологией мозга, не может образовать науки, которые послужили бы основанием для объективной философии. То есть для такого мирозерцания, которое не делало бы из мыслящего субъекта или человека центра Вселенной, той точки, к которой постоянно снова возвращаются все явления в безбрежном океане космической эволюции.

Теперь мы приступим ко второй половине задачи, возлагаемой на нас необходимостью разъяснить серьезные сомнения и освободиться от главных, лежащих на нашем пути препятствий. Мы приступим к рассмотрению второй стороны нашей вступительной дилеммы. Мы убедимся или в том, что эта дилемма представляет собою абсолютную альтернативу и что, принимая одну ее сторону, мы необходимо должны отвергнуть другую, — или же в том, что наше мнение об этом предмете может быть составлено посредством более глубокого анализа, который, отделяя ложное от истинного, приведет нас к действительному примирению (еще раз показав роковую относительность наших познавательных усилий) взглядов, взаимно разрушающих и исключаяющих друг друга. Мы, одним словом, спросим себя, не принадлежат ли все-таки психические факты, несмотря на добытые выше результаты, к особому порядку явлений, не совпадающему, *во всех своих точках*, с биологическим порядком? Такая принадлежность прямо указывала бы, конечно, на то, что психология должна рассматриваться как особая и самостоятельная наука. Но основания этой самостоятельности были бы, по необходимости, уже совсем иные, чем рассмотренные выше условия, которые относятся исключительно к биологическим корням психических явлений и решают вопрос в отрицательном смысле. Если наше исследование откроет такие новые

основания, нам придется, сверх того, определить истинный характер и указать на настоящее место в иерархии знания, построенной на этих основаниях психологической науки.

Несмотря на чрезвычайно веские аргументы позитивистов и даже на значительные успехи, достигнутые в последнее время психофизическими способами исследования, решение вопроса относительно психологии в смысле Конта и его школы встречает ныне более упорных, чем когда-либо, и вполне, по-видимому, убежденных противников. Эти противники могут быть сведены к трем категориям. Первая представлена так называемой критической школой в философии. Она замечательна тем, что возносимого до небес, вдоль и поперек изученного ею Канта она постоянно и немилосердно побивает систематически ею отвергаемым, но чрезвычайно мало известным ей Кантом. Последователи этой школы идут по давно пробитой дороге, стараясь отыскать то, «что давно уже найдено, описано, изучено». Питая свое наивное тщеславие блестящими надеждами открыть человеческой мысли новые горизонты, адепты «критицизма» достигают только того, что снова делают из древнего исследования субъекта, под названием теории познания, конечную цель философии. Громко провозглашая, что их призвание состоит в том, чтобы оживить дряхлое тело философии, вдохнув в него свежую струю современного знания, и заложить незыблемые основания «научной» или действительно «положительной» философии, они на самом деле далеко не такие смелые новаторы. В сущности, эта школа, под новой формой, преследует прежнюю химеру, гоняется за старым призраком. Древнее первенство познания субъекта над познанием объекта близко ее сердцу; она, несмотря на все, сохраняет верность этому, некогда могущественному и ныне павшему величию. Отсюда — смутные мечты и стремления к какой-то реставрации, в которой на первый план выдвигается возможность или даже необходимость такого смешанного умственного строя, в котором древнее и «легитимное» значение субъекта было бы должным образом уравновешено новым и «революционным» значением объекта.

Вторая категория противников взглядов Конта и его школы на психологию идет в этом вопросе по пути, проложенному Стюартом Миллем. Эта группа ограничивается требованием такого дополнения или завершения научной систематизации, положенной позитивизмом в основание воздвигнутого им философского здания, которое бы признало за психологией принадлежащее ей будто бы по праву в иерархии наук значение самостоятельной абстрактной науки, иссле-

дующей соответствующие явления способами, ей одной свойственными: субъективным анализом и так называемым внутренним наблюдением, интроспекцией. В прямой зависимости от этой абстрактной и индуктивной науки находилась бы, в свою очередь, наука чисто дедуктивная и прикладная, этология, или изучение характеров. Первая наука имела бы своим предметом самые общие законы человеческой природы, она изучала бы, так сказать, родовые отличия. Вторая, напротив того, имела бы предметом частные и производные законы, то есть изучала бы видовые отличия¹.

Наконец, третья категория оппонентов Конта становится в этом споре под знамя Герберта Спенсера. Эта группа представляет собою особенно любопытный и поучительный пример. Она в данном вопросе безжалостно попирает ногами все, чему в других случаях усердно поклоняется, и поклоняется тому, против чего так страстно обыкновенно ратует. Эти сторонники реальной аналогии, эти восторженные поклонники единства во всех его видах, эти горячие приверженцы философской догмы, провозглашающей основное тождество явлений, нимало, по-видимому, не сочувствуют идее, которая, с их же точки зрения, должна была бы казаться им необыкновенно счастливой, идее свести психические явления к их физиологическим причинам и аналитически связать процессы познания, ощущения и восприятия с основоначальным фактом различения, обнаруживающимся всюду, где только может установиться какое-либо нервное течение, и встречающимся, по-видимому, даже на наиболее низких ступенях органической жизни. Как бы странно это ни казалось, но именно в психологическом вопросе философы этой школы делают полный поворот в обратную сторону и, вступая в прямое противоречие со своими основными взглядами, заявляют, что психология — это особая наука, занимающая среднее место между биологией и социологией. Правда, сам глава школы принимает в данном случае некоторые предосторожности: он ставит психологию на одну доску с биологией и социологией, но зато тщательно подчиняет весь, получаемый им таким образом цикл группе физико-химических наук. Тем не менее, противоречие с основным принципом философии эволюции и здесь бросается в глаза, и только еще рельефнее выставляется притязанием сделать из одной части психологии, логики, абстрактную науку по преимуществу и философское (а не только догматическое или относящееся к преподаванию, как мы думаем) основание всего человеческого знания.

¹ Ribot T. La psychologie anglaise contemporaine. — Paris, 1914. — P. 103.

4. Сверх приведенных выше, мы могли бы указать еще на множество других примеров, на значительное число менее известных разновидностей одного и того же общего типа. Но и трех философских категорий, охарактеризованных нами несколькими штрихами, совершенно достаточно, чтобы доказать, что взгляды Конта и позитивной школы на роль, принадлежащую психологии, еще нельзя считать общепринятыми. Напротив того, в последнее время все более и более, по-видимому, распространяются различные воззрения, прямо противоположные этим взглядам. В одном сходятся все враждебные теории Конта объяснения роли психических явлений. Именно в единодушном заявлении, что Конт и его школа допустили *грубую ошибку*, не сделав из науки о духе особую основную науку, которая бы заняла место, или впереди ряда абстрактных наук, показывая тем, что субъекту принадлежит неоспоримое главенство над объектом, или между биологией и социологией, если придавать только второстепенное значение избитой и столь наивной в своей предполагаемой глубине аксиоме о необходимости субъективности всякого знания (объект всегда субъективен, раз он стал предметом познания, но субъект, в свою очередь, всегда и во всем зависит от объекта, раз он познал истинные условия своего существования). Позитивную школу упрекают в том, что она грубо нарушает свой собственный принцип научной классификации, ведь, говорят, кто же не видит, что психические явления составляют специальные явления, более сложные, с одной стороны, чем биологические, и более простые, с другой, чем социологические? Но став на эту точку зрения, несомненно имеющую внешнюю видимость некоторых разрядов фактов, естественно будет приписать той же непростительной ошибке и бесплодность многочисленных попыток обосновать социальную науку, — попыток, которые до сих пор походили на усилия прежних физиологов основать биологию прямо и непосредственно на физике, не ожидая возникновения или развития химии.

Впрочем, наши противники, хотя и не охотно, но соглашались с тем, что их взгляд на истинный характер психических явлений или убеждение их в большей сложности последних сравнительно с явлениями жизни (в смысле, который с понятием о новой степени осложнения связывает понятие о несводимости одного свойства материи к другому) составляют, в сущности, только простую *гипотезу*. Но они тут же ставят на вид, что эта гипотеза превосходно объясняет соответствующие явления. Данная гипотеза проливает свет на такие вопросы, перед которыми позитивная школа останавливается, признавая свое полное, по отношению к ним, неведение.

Все это возможно; все это, быть может, так на самом деле. Мы даже не возразим нашим противникам, что свет, проливаемый их гипотезой на вопросы, признаваемые недоступными позитивной школой, есть внутренний или субъективный, обманчивый свет априорного мышления, на который мы нигде и никогда не полагаемся. Но, с другой стороны, было бы, очевидно, крайне несправедливо требовать от нас, чтобы мы теперь же, при нынешнем состоянии наук, изучающих эти сложные явления, сослались, для убеждения наших противников, на какие-либо неопровержимые факты или имеющие решающее значение опыты. Обладая такими фактами или произведя такие опыты, нет надобности оспаривать какую-либо гипотезу. Она *eo ipso* отпадает, поступая в число неудавшихся попыток человеческого ума. Но к чему мы все и всегда строго обязаны, это противопоставить отвергаемой гипотезе другую, которая бы одинаково хорошо или даже лучше объясняла данные факты. И вот этому-то условию мы, насколько сумеем, и постараемся удовлетворить на следующих страницах.

Что Конт и его последователи допустили ошибку, что психология составляет самостоятельную отвлеченную науку, и что пока она не будет окончательно обоснована, социология не выйдет из младенчества, — все это вполне входит в круг различных возможностей научной эволюции. Но одно будущее и призвано разрешить этот важный вопрос. Настоящее же, оставаясь беспристрастным, не должно выступать в этом вопросе с каким бы то ни было решительным приговором. Нельзя говорить о заблуждении там, где противоположная истина является менее всего доказанной. Я оставляю в стороне чисто экспериментальные или опытные доказательства, недостаток в которых, очевидно, больше ощущается нашими противниками, чем нами. Но и в самой «истине» психологической школы какое отсутствие даже внутренней ясности и чисто логической необходимости! И как легко, не покидая путей дедуктивной логики и опираясь только на несколько общих и всем известных фактов, достигнуть диаметрально противоположной гипотезы!

Что будет предметом новой науки? Психические явления. Но что такое психические явления, как не человек чувствующий, мыслящий, желающий и т. д.? И отнюдь не смешивая простого предположения с достоверным фактом, с научной точки зрения будет вполне правильно остановиться на гипотезе, что человек психологии есть не причина, а следствие, не фактор, а продукт, что истинные причины и факторы кроются в биологических и социальных условиях. Изолированный субъект никогда не будет существом мыслящим или разумным. Да и сам этот продукт, психические явления, имеет историю, подверг-

ся особой эволюции. Известные психические явления характеризуют доисторическое состояние человечества, а другие обнаружались гораздо позднее, через такие же громадные промежутки времени, какие потребовались для того, например, чтобы свойства жизни появились на земной поверхности вслед за механическими и физико-химическими силами.

Но который из этих двух разрядов психических фактов будет изучаться психологией? Если первый, то разве не видно, что в нем преобладают чисто биологические условия, хотя и оставляющие некоторый простор игре элементарных или зачаточных социальных условий? Если второй, то разве не ясно с первого взгляда, что в нем преобладающая роль принадлежит, в свою очередь, чисто общественным условиям? Сообщение мыслей живым словом, передача их письмом, средствами технических и изящных искусств и тысячами других символов или условных знаков и способов воплощения идей, сложный факт традиции устной, литературной, эстетической и научной, толкование и социальная борьба чувств, страстей и интересов, многообразные общественные учреждения и т. д., все это составляет бесконечный ряд социальных влияний, неразрывно связанных друг с другом и тесно соединяющихся с чисто биологическими условиями для произведения результата: фактов, движений или психических проявлений, которые открываются самым тщательным наблюдением только там, где человек живет в ассоциации или постоянном союзе с подобными ему существами. Но отсюда следует, что психология, вместо того, чтобы быть наукой, вполне независимой от непосредственно следующей за ней науки или, в позитивной терминологии, высшей, может рассматриваться, напротив того, как отрасль знания, находящаяся в самой тесной связи с социологией и составляющая как бы ее продолжение или как ряд исследований, который может возвыситься на степень особой науки только после достижения социологией полного своего развития. Отсталость психологических знаний, из причины, обуславливающей малую успешность социологических исследований, превращается, в этой гипотезе, в простое последствие состояния младенчества, в котором находится социология. И уже медленным развитием этой последней объясняется, в свою очередь, поразительная бесплодность усилий, потраченных до сих пор психологами для утверждения науки о духе на более широком основании, чем то, которое является результатом простого изучения физиологических органов и функций, т. е. на основе, которая бы позволила возвыситься над предварительным рассмотрением первоначальных условий или

зачатков психического развития с тем, чтобы охватить, во всем ее разнообразии, совокупность психических явлений.

5. Разовьем еще немного нашу гипотезу: гипотезы, как говорит один из забытых теперь натуралистов XVIII века Шарль Боннэ, суть искры, у пламени которых наука зажигает светоч опыта. Если, как мы думаем, психические явления продукты скорее совокупного действия биологических условий и социальной эволюции, чем факторы или несводимые далее элементы в историческом развитии, то эта наука будущего, психология, будет не абстрактной, а конкретной. Она останется звеном, тесно связывающим биологию и социологию, но сама эта связь получит значение, так сказать, ретроспективное: она будет обуславливаться не тем, что психология будет играть роль переходной ступени от биологии к социологии, а тем, что психические законы явятся совокупным продуктом биологических и социальных законов.

Понимаемая таким образом психология будет иметь задачей соединение или сосредоточение в одном общем фокусе разрозненных лучей, которые она будет поочередно заимствовать из наших познаний о законах жизни и чисто органических условиях мысли, из наших познаний о социальных законах и исторических условиях умственного роста или психической эволюции. Она будет в равной мере составлена из этих двух различных порядков отвлеченных знаний. Правда, идеал конкретной науки несколько отличен от его реального осуществления. К сущности конкретной науки, как необходимое условие ее существования, принадлежит сосредоточение на каком-либо сложном агрегате реального мира сходящихся лучей всех, без исключения, абстрактных знаний. Но, во-первых, конкретная наука психологии подаст, через биологию, руку всем остальным абстрактным наукам. Во-вторых, и если такая косвенная зависимость покажется все-таки недостаточной, следует заметить, что то же возражение может быть обращено и к большей части конкретных исследований, которые стремятся к попарному соединению абстрактных наук, и в этом смысле представляют собою скорее начатки или абрисы конкретного знания, чем какие-либо действительно всеобъемлющие синтезы. На психологии, изучаемой как конкретная наука, можно будет, в свою очередь, основать и прикладную науку, о которой говорит Милль: этологию или науку о характере.

Позволительно думать даже, что было бы лучше вовсе оставить само название психологии, которое слишком явно рассчитано на обозначение особого и независимого разряда явлений и недостаточно характеризует существенно смешанную и двустороннюю природу

психических процессов. Нынешнее название отражает и нынешний ошибочный взгляд. Новое воззрение могло бы воспользоваться уже существующим названием — «антропология», которым обозначается совокупность исследований, бессознательно и смутно преследующих цели, существенно сходные с задачами будущей конкретной науки психических явлений.

Этот взгляд на психологию не только мало согласен с текущими воззрениями, он прямо и во всем противоположен им. Текущие воззрения делают из психологии абстрактную науку, а из социологии — конкретную. Мы же придаем этим отраслям знания как раз обратное значение. Но на чью бы сторону в этом споре ни встал читатель, мнению, к которому он примкнет, еще долго суждено оставаться простой гипотезой. Здесь, как и везде, хаос является условием всякого генезиса, а современное состояние психологических знаний поистине хаотично. В том виде, в каком она теперь существует и разрабатывается, психология не составляет ни абстрактного исследования в смысле Конта, ни конкретного в нашем смысле. На нее, самое большее, можно смотреть как на вспомогательную и существенно описательную ветвь знания, одинаково облегчающую столь различные задачи физиолога и врача, историка, социолога, практического государственного человека. Что же касается описательного характера современных психологических исследований, то психологии, по-видимому, суждено сохранить этот метод и впредь, все равно, найдет ли она место в ряду отвлеченных наук или только примкнет к этому ряду в качестве дополнительной и конкретной¹ науки.

¹ Насколько мне известно, только два писателя, один из которых особенно выдается своим талантом и заслугами, признали до сих пор, хотя и в несколько общих и неопределенных выражениях, стремление или способность психологии стать конкретной наукой. Это, во-первых, Льюис. Он признает за психологией способность образовать конкретную науку «по образцу физиологии (зоологии?) и ботаники». Вслед за Льюисом, г. Гарэн-де-Витри утверждает, что некоторые психические проявления (например, нравственные и религиозные чувства и все трансцендентные комбинации мысли) могут зарождаться только в социальном индивиде, что они составляют одновременно и факторы, и продукты общности. Но он не делает из этих проявлений предмета особой науки; он разрешает затруднение, прямо включая в состав социальной науки, под названием общественной психологии (в этом он сходится с Шеффле) все психические явления смешанного характера / Haren de Vitry // Philosophie positive. T. XIV. — S. 408. Здесь явно ощущается отсутствие достаточно общей и вместе с тем твердо установленной теории конкретных наук. Впрочем, и мнению, представленному г. Гарэном-де-Витри, если отнестись взгляды последнего и исключительно к настоящей фазе развития социологии, нельзя отказать в значительной доли своевременности или практичности. Этот автор, например, ясно сознает, что нельзя делать из психологии, как того требует между прочим Шеффле, особое подразделение социологии. Его «вторая психология» может и должна быть распределена, в течение всей подготовительной фазы, между

6. Соображения различного рода, служащие подтверждением гипотезе о конкретном характере психологии или ее образовании из двух отвлеченных и смежных наук — биологии и социологии, теснятся здесь под моим пером. Но, боясь не в меру расширить пределы настоящей главы, я опускаю здесь большинство этих доводов. Но и немногих следующих замечаний будет, надеюсь, достаточно, чтобы вызвать в уме читателя значительное число необходимо устраненных мною аргументов.

Одно из первых возражений, вызываемых нашей гипотезой, состоит в указании, что психические явления — явления существенно биологические, поэтому изучать их в особой конкретной науке, которая будет одинаково черпать свои знания о них в биологии и социологии, значит не принимать в расчет основной природы этих явлений. Ответ наш заключается в том, что мы не только не отрицаем преобладания биологических признаков в образовании самых сложных психических фактов, но даже решительно не в состоянии представить себе биологию без этой существенной части или этого важного раздела в ней — учения о мозге (анатомия, физиология и патология мозга), учения не менее абстрактного и, конечно, требующего гораздо больших усилий изолирующей и отвлекающей мысли, чем все остальные биологические анализы. Но раз это абстрактное изучение уже привело к познанию общих законов, управляющих соответствующими яв-

различными ветвями социальной науки (эстетикой, этикой, наукой о религиях и т. п.). Специализация исследований составляет столько же результатов, сколько и причину научного прогресса, и все изучавшие историю наук хорошо понимают разницу, существующую между отдельной главой и особым подразделением в науке. По меньшей мере, излишне прибегать к образованию особого раздела в науке там, где совершенно достаточно и простой главы. Это вполне подтверждается примером биологии, которая в начале почти не знала неврологии, а потом сделала из этого учения одну из важнейших частей общей физиологии. Социальная психология изучает разряд отпавлений, которые, хотя и в различной степени, но составляют общую принадлежность почти всех социальных структур. Поэтому весьма естественно связывать исследование психосоциальных свойств с изучением социальной организации.

Строки эти были давно написаны, и вся эта глава окончена, когда мы получили последнюю книгу Льюиса: Lewes G. The physical basis of mind. — London, 1877. В предисловии к этой книге мы нашли следующие строки: «Человеческий дух, насколько он доступен научному исследованию, имеет два рода корней, так как человек не только животный организм, но и единица, входящая в состав социального организма, поэтому полную теорию его отпавлений и способностей нужно и скатать в этом двояком направлении. Это воззрение (признаваемое многими равносильным перевороту в психологии), медленно подготовленное возраставшим убеждением, что человек не может быть отделен от человечества, было впервые высказано в том е, открывшем собою серию моих *«Задач жизни и духа»*. По крайней мере, мне неизвестно, чтобы какой-либо предшественник усмотрел, *каким образом* специально человеческие способности разум и сознания не могут быть ничем иным, как продуктом кооперации социальных факторов с биологическими».

лениями, ничто не мешает приступить к исследованию реальных и сложных агрегатов, образуемых соединением этих явлений с другими, принадлежащими к иному порядку, но уже также предварительно изученными в одной или нескольких абстрактных науках. Упомянутое выше возражение является, следовательно, лишенным всякого основания: возможность конкретного исследования известных разрядов явлений не только не может поколебать необходимости их строго абстрактного изучения, но, очевидно, прямо предполагает это последнее и без него совершенно немыслимо.

Так, например, существование специальной науки геологии не представляется ни как довод против необходимости отдельного изучения физических и химических свойств тел, ни как аргумент, основываясь на котором можно было бы заключать о преобладании, в геологических явлениях, того или другого разряда свойств. Во всех подобных случаях следует только строго различать (заимствую здесь у химии одно из наиболее обычных ее представлений) между двойными, тройными, вообще сложными соединениями и простыми. Все сочетания явлений одинаково реальны, в объективном смысле, и все могут и должны изучаться, но простые сочетания образуют агрегаты, представляющие собою примеры или иллюстрирующие преимущественно *один* какой-либо *порядок* или разряд основных, не сводимых на другие, естественных свойств. Поэтому такие агрегаты и служат материалами при абстрактном изучении общих законов, управляющих тем или другим специальным разрядом свойств. Напротив того, сложные сочетания представляют собою агрегаты агрегатов, иллюстрирующие преимущественно *совокупное действие* различных порядков свойств, или, другими словами, сложные агрегаты являются естественным материалом или предметом конкретного исследования, задающегося целью познать частные законы, являющиеся результатом сочетания или совместного действия предварительно тщательно установленных общих законов¹.

¹ Надо остерегаться смешивания понятия соединения или сочетания с понятием осложнения — в применении, которое так часто делается из этих представлений к явлениям, изучаемым научным образом. В смысле, придаваемом понятию осложнения в научном ряде или иерархической серии наук, агрегат, изучаемый конкретной наукой (например, геологическое явление), не может быть более «сложен», чем самое сложное из содействующих его образованию явлений (или в выбранном примере, чем химическое явление). Он представляет ту же степень сложности, но, сверх того, составлен так, образован из такого сочетания естественных сил или свойств, которое само по себе уже представляет более обширное поле для конкретного исследования этих различных порядков свойств. В свою очередь, агрегат, изучаемый абстрактной наукой, должен быть выбран таким образом, чтобы обнаруживать преимущественно или выставять на первый план только один какой-нибудь порядок свойств, что дает возможность приступить к абстрактному или идеальному изучению этого порядка.

Другое возражение, уже прямо противоположное только что рассмотренному нами в общих чертах, сводится к замечанию, что все без исключения общественные явления *одновременно* и явления психические. Возражение это нам здесь как нельзя более на руку; оно является новой и желанной опорой для нашей гипотезы. Нет сомнения, что все общественные явления в известной мере совпадают с явлениями собственно психическими, но не зависит ли это от того, что добрая половина психических атрибутов обязана своим происхождением действию социальных сил или свойств? Психические свойства не встречаются без социальных и наоборот. Это так верно, что часто даже кажется, что имеешь дело с одним психическим атрибутом или свойством, когда достоверно известно, что именно данное явление имеет в высокой степени социальный характер. Это замечательное, доходящее до тождества сходство простирается иногда очень далеко, и одинаково охватывает генезис социальных и психических явлений, их эволюцию или развитие и законы, служащие к объяснению этого генезиса и этой эволюции¹.

Не трудно, впрочем, видеть, что наша гипотеза вполне признает значение сериальности или начала непрерывной и последовательной связи между отвлеченными науками. Можно даже сказать, что она укрепляет междунучную связь, которую противоположная теория желала бы упредить, но которую она на самом деле только ослабляет. Наше воззрение подтверждает действительное существование неизвестного, но реального звена, соединяющего общественные силы с жизненными силами, и стремится поставить вне всякого сомнения

¹ Нужно ли приводить здесь примеры? Вот несколько иллюстраций, взятых наудачу из ч и сла множества в сем известных фактов. Закон контраста, по замечанию Шеффле, одинаково обнаруживается в социальных и чисто биологических процессах. В первом порядке фактов общество охотно переходит от одной системы к прямо ей противоположной, во втором — отдельное лицо переходит от одной идеи или чувства к идеям и противоположным чувствам. Группа бессознательных явлений повинуется одним и тем же законам, возникая в каком-либо индивиду и обнаруживаясь в какой-нибудь коллективности; известные идеи или чувства внезапно и как бы без всякой видимой причины зарождаются и исчезают в общественном сознании и сознании психического индивида и т. д. Глубокий смысл лежит в основании таких выражений, как общественный дух и корпоративное чувство, нравственная эпидемия, психиатрия народов и т. п. Индивидуальность, личность везде является лабораторией, в которой действуют общественные силы и в которой, встречаясь и соединяясь с органическими силами, они дают начало результатам или психическим продуктам.

прямую зависимость первых от последних. Оно заключает в себе утверждение, что если бы биологические условия (а в их числе находятся и условия мозговой деятельности) были иными, чем они есть на самом деле, социальные условия были бы также не те, — совершенно подобно тому, как если бы изменились физические условия, неизбежно изменились бы и химические.

Но такая зависимость вполне реальна и выражается прямо и непосредственно только в одном направлении: когда от более простого явления переход совершается к более сложному явлению более сложному. В обратном направлении, как в том случае, например, когда требуется определить воздействие какого-либо социологического факта на чисто биологические условия или условия, касающиеся мозговой деятельности, можно говорить только о влиянии, а не о прямой зависимости. Влияние будет сильное или слабое, постоянное или временное, но вызванное этим путем изменение никогда не коснется основных условий более простого явления, не уничтожит и не приостановит действия более общих законов материи, не заставит природу ни на одну минуту уклониться от своего естественного течения. Но если этот критерий приложить к тем психическим явлениям, которые, выступая за сферу биологических условий мозговой деятельности, представляют, по выражению Спенсера, решительно гиперорганический характер (а в несомненной реальности этого характера и следует искать бессознательные корни народной веры в непроходимую пропасть, отделяющую все относящееся к духу от всего относящегося к материи), — когда, говоря я, мы переходим к этому разряду психических явлений, мы видим, что сверх отношения прямой зависимости к условиям общебиологической и специально-мозговой деятельности, и одновременно с этим отношением, данные явления представляют не менее тесное отношение зависимости и к условиям, данным и социальным законам. Но последнее отношение было бы, очевидно, совершенно невысказуемо, если бы психические явления этой категории были менее сложны, чем социальные факты. Этот вывод одинаково прилагается и к гипотезе, рассматривающей психические факты как простые биологические явления, и к гипотезе, делающей из них особую абстрактную категорию явлений, занимающих середину между биологическими и социологическими процессами, представляющими соответствующую степень сложности. И в том, и в другом случае можно было бы констатировать только биологическую зависимость, но чисто социологические влияния, хотя, конечно, и

проявлялись бы, однако никогда не могли бы достигнуть степени интенсивности, свойственной отношению, называемому нами прямой зависимостью одной науки от другой, или зависимостью, заставляющей нас смотреть на явления одной, как на факторы, которые в полном объеме входят в состав явлений другой, и на специальные законы первой, как на управляющие так же, совместно с другими, еще более специальными законами, — фактами или явлениями, изучаемыми последней.

По этим причинам, наша гипотеза предлагает рассматривать факты сверх органического порядка, мысль, чувство и т. п., не как биологические или социальные явления, и еще менее как психические явления, в обычном смысле, придаваемом этому названию, — но как *биосоциологические* факты, т. е. как составные явления, которые в органическом мире играют роль и имеют научное значение, вполне аналогичные с ролью и научным значением, принадлежащими в неорганическом мире известным группам физико-химических фактов (геологическая и метеорологическая группы). В пользу такого предположения говорит очень многое; и число указаний в эту сторону ежедневно увеличивается. Замечательно, например, что нигде во всем ряде отвлеченных наук так легко не устанавливаются и не подтверждаются, в отношении даже к мелким чертам и подробностям сравниваемых явлений, многочисленные аналогии, как в смежных областях биологии и социологии. А между тем всякий раз, когда при сравнении между собою биологических явлений и социальных, не принимается в расчет общая обоим разрядам фактов психологическая почва, невольно поражаешься явной нелепости выводимых из такого сравнения аналогий. Последние, в конце концов, могут, очевидно, иметь какое-нибудь значение только по отношению к собственно психическим явлениям. Но не близко ли отсюда заключение, что биологические и социальные силы встречаются на почве психологии для произведения одного общего результата, подобно тому, как физические и химические силы, встречаясь на почве геологии, метеорологии и других конкретных наук, дают начало различным, изучаемым этими отраслями знания явлениям? Не подлежит сомнению, что доисторический человек мыслит, чувствует и желает совершенно иначе, чем человек цивилизации. Психология доисторического человека представляет с современным общественным механизмом самые слабые аналогии; сходство в этом отношении быстро возрастает только по мере того, как общество образует, развивает, я готов сказать — создает психический индивид. Не менее любопытно, наконец, и то, что тогда

как изучаемый в обществе механизм — будь это правительственная система, тот или другой вид общественной координации и подчинения или общественное мнение, способы распространения идей и верований и т. д. — что в то время, как такой механизм сравнительно всегда легко усваивается или понимается нами и потому кажется нам сравнительно весьма простым, то же устройство, тот же механизм, когда он изучается под своей психической формой, производит впечатление чего-то весьма трудного и крайне неясного, кажется гораздо более сложным. Но если возрастающая трудность, столь часто испытываемая социологами и психологами при переходе от порядка общественных явлений к порядку психических явлений, объективно основана на чем-нибудь, то таким основанием, очевидно, может быть только то обстоятельство, что в психических фактах к значительному осложнению биологических условий добавляется осложнение социальных условий и что таким образом эти факты постоянно являются продуктом двух различных, по своему существу, категорий причин.

Желая нагляднее изобразить сущность и ход известных психических процессов, некоторые современные психологи употребляли предпочтительно термины или выражения, заимствованные у механики и физики. Такие сравнения (порог сознания, волны чувства и т. п.) представляют, весьма часто, говорящие образы. Однако минутного размышления достаточно, чтобы убедиться, что заимствованные из области социологии сравнения всегда дадут более ясное и точное понятие о том, что происходит в психологическом мире. Приведем в доказательство только счастливую теорию, приписывающую простому акту ассоциации идей и чувств такую значительную роль во всех психических явлениях. По этому поводу чрезвычайно интересно и поучительно отметить здесь характерное признание, вырвавшееся у одного искреннего последователя аналогического метода, — что восходящая (в нашей терминологии и по нашей теории) аналогия, т. е. аналогия, идущая от индивидуальной психологии к социальной психологии и стремящаяся объяснить явления последней посредством явлений первой, может, в конечном результате, только затемнять понимание социальных фактов, и часто даже приводит к бесплодной попытке объяснения отчасти неизвестного через вполне неизвестное, если даже не через вовсе непознаваемое¹.

Никто, впрочем, не оспаривает — и трудно понять, на что можно было бы при этом опереться — что социальный человек есть продукт

¹ Schäffle A. Bau und Leben des socialen Körpers. — Tübingen, 1875. — S. 427.

векового влияния общества или медленного и постепенного проникновения индивида социальной средой. Но изучаемые современными учеными психологический человек и социальный человек составляют, на самом деле, одно и то же. И если выдают за достоверное, что биологический человек является тем, чем он есть и потому, между прочим, что он постоянно окружен и, так сказать, проникнут составленной известным образом физической средой, и если справедливо, что в случае быстрого изменения последней, человек биологии перестал бы существовать, а в случае медленного и постепенного изменения преобразился бы и приспособился к новым условиям, — то ничто, конечно, не мешает перенести это же представление и в область причин и факторов несравненно менее явных, но, в конце концов, несомненно столь же материальных, которые проявляют свою деятельность в социальном и психическом мире.

Сказать, что в одном случае мы имеем дело с внешним и по своему существу различным фактором, а в другом — с агрегацией или беспредельным размножением самого фактора, подвергающегося изменению, составляет возражение, опровергнуть которое слишком легко. На самом деле, нельзя не видеть, что даже самое первобытное общество никогда не является состоящим исключительно из живых существ зоологического вида *homo sapiens*, а всегда представляет собою нерасчленимый в действительности комплекс организованных существ (принадлежащих к различным породам животных) и неорганических субстанций. Общество без домашних животных, орудий, запасов всякого рода, капитала и т. п. вовсе не было бы обществом. Элемент *«имущество»* современные социалисты не только знают лучше, чем кто-либо, но в лице наиболее авторитетных своих представителей вполне признают и научно исследуют этот факт — играет среди человеческих обществ роль не менее значительную, не менее серьезную и в особенности не менее отмеченной печатью железной необходимости естественных законов, чем элемент *«личность»*. И не одни только современные социалисты знают это.

Данная истина врезалась в общественное существование и жалкого кочевника, и высоко цивилизованного человека. Несказанным ужасом и невыносимыми страданиями сопровождается, в сознании самого несчастного члена племени дикарей, откровение нерасторжимой и имеющей высокое социальное значение связи, соединяющей эти два составных элемента всякого человеческого общества. Перед таким ужасом и страданиями, вероятно, бледнеют бесчисленные испытания и теряют свою жгучую горечь бороздящие историю культурных наро-

дов кровавые слезы и те тысячи пыток, которым до сих пор подвержен прямой потомок первобытного человека. Но и помимо всего этого, отношение между двумя явлениями, даже когда их тождество вполне доказано, не должно смешиваться с каждым из них, взятым порознь. В настоящем случае дело, очевидно, идет об отношении между явлениями далеко не тождественными. Таким образом, и логически, и материально, общество может и должно быть рассмотрено как нечто по своему существу отличное от биологического человека, или как настоящая среда, настоящий внешний фактор по отношению к изолированному индивиду.

7. Заключение, к которому мы пришли, может быть проверено несколькими различными способами. С этой целью можно прибегнуть к одному из обычных методов индуктивной логики, к выделению различий, методу остатков или методу сопутствующих изменений. Если общество действительно составляет существенный фактор, участвующий в произведении психических явлений, или если оно действительно составляет присущую этим явлениям среду, то всюду, где этот фактор явится слабым и незначительным, очевидно нужно будет ожидать пропорционального уменьшения. Там же, где он будет отсутствовать, нужно будет ожидать и совершенного не проявления соответствующих психических процессов. Но именно этот-то результат, как известно, и констатируется постоянно на всем протяжении и каждой ступени исторической эволюции.

Вместо исторической эволюции, блистательно подтверждающей такой вывод, можно, в виде дальнейшей и углубляющейся во внутреннюю природу рассматриваемых явлений проверки, обратиться к чисто биологической эволюции: в этом новом порядке идей также найдутся многочисленные доказательства, громко говорящие в пользу изложенного выше взгляда. Пробегая последовательно различные ступени органического ряда, применяя к ним принятый всеми безразлично мнениями психический критерий, нельзя с первого же раза не заметить непреодолимых, можно сказать, затруднений, связанных с попыткой включения социальных явлений в одну из биологических категорий. Возьмем, например, биологический ряд или лестницу организмов у Геккеля, построение, заявляющее притязание охватывать собою все без исключения порядки жизненных проявлений, со всех их сторон: морфологической или анатомической, физиологической (бионтической в терминологии Геккеля), с эмбриологической (онтогенетической) стороны и даже палеонтологической (филогенетической). Лестница Геккеля представляет жизнь в виде непрерывного

ряда ступеней, образующих столько же жизненных единиц, последовательно присоединяющихся друг к другу для произведения бесконечного разнообразия биологических явлений.

В образование полного ряда входит шесть ступеней: 1) *пластиды*, плазматическое вещество без определенной структуры (целины, цистоды) или настоящие клеточки; 2) *ораны*, образующие восходящий ряд целлюлярных скопов, простых органов, систем органов и, наконец, сложных аппаратов; 3) *антимеры*, или соединения тканей, органов и аппаратов, образующие сложную органическую единицу (например, у высших животных — позвонок, реберную пару); 4) *метамеры* или ряды антимер, их соединения (например, позвоночный столб); 5) *личности* (прозопы, от греческого πρόσωπον — лицо, лик) или индивиды, неделимые в строгом смысле слова (например, высшие животные и ростки растений). Наконец, 6) *биологические ассоциации*, как союз ростков, образующий растение, союз животных индивидуальностей в полипнике и т. п. Но в этом ряду или серии нет места для более высоких ассоциаций, каковы пчелиные улья, муравейники, стада высших животных и, подавно, — человеческие общества. Биологический ряд охватывает собою все растительное царство, но в животном царстве, равно как и в человеческом, он оканчивается или обрывается на той самой точке, на которой появляются специальные свойства, которые не могут быть сведены к каким-либо известным жизненным свойствам. Новый ряд, уже социологический, ожидающий своего Геккеля, который бы разобрал и классифицировал его ступени, начинается с этой точки без малейшего перерыва. Непосредственно примыкая к биологической серии и коренясь в ней, этот ряд продолжает собою великую цепь, охватывающую все свойства материи и все явления в природе. Но уже с самого своего появления, он получает направление, отличное от того, которому следовал частный ряд, непосредственно ему предшествующий. И вот, таким образом, непреодолимое препятствие — несводимость, временная или конечная, только субъективная или одновременно и субъективная, и объективная (мы об этом ничего не знаем), новых свойств, с которыми мы сталкиваемся по мере поступательного движения нашего по пути всеобщей науки, несколько раз заставляет этот путь уклоняться в сторону от прямой линии и делать изгибы, служащие естественными пограничными знаками, отделяющими собою различные научные области.

Но еще более специальное основание для завершения биологического ряда именно на той точке, на которой обрывает его Геккель, т. е.

для строгого выключения из него большей части ассоциаций между животными и всех человеческих союзов, черпаем мы в рациональном применении психического критерия. Это основание достойно замечания потому, что оно представляет ту почву, на которой встречаются и подают друг другу руку две прямо противоположные теории, пытающиеся объяснить генезис и роль психических явлений. На эти явления, как мы знаем, можно смотреть либо как на фактор, которым определяется зарождение и который сам прямо входит в состав общественных явлений, либо как на результат или продукт общественного фактора. Можно, вследствие того, рассматривать психологию как абстрактную и основную науку, или признавать ее конкретной и производной наукой. Но очевидно, что и в том, и в другом случае будет существовать одинаковая уверенность, что психическое явление всегда сопровождает социальное явление и наоборот. Относительно опытного факта совпадения или одновременного обнаружения обоих разрядов явлений не может существовать двух различных мнений. Но если принять во внимание другое свидетельство опыта: что, достигнув высшей точки биологического ряда или той шестой ступени в лестнице жизни, на которой появляется биологическая ассоциация, мы, тем не менее, нисколько не замечаем какого-либо увеличения в блеске психических свойств, которые, напротив того, сразу меркнут именно на этой точке и блещут на ней разве только своим отсутствием, — скоро убеждаешься в том, что биологический порядок не совпадает с социологическим порядком, и что явления ассоциации, имеющие место в первом, существенно отличаются от явлений ассоциации, происходящих в среде второго.

В порядке жизни нет необходимого совпадения между явлениями ассоциации и психическими явлениями. Нет ничего, что бы походило на тесное отношение взаимной зависимости, которое в общественном порядке так резко обнаруживается между обоими разрядами явлений. И хотя, конечно, не может быть и речи о том, чтобы эти две категории естественных свойств исключали друг друга или были несовместимы в области жизни, однако нельзя не отметить любопытного факта, свидетельствующего о существовании между ними именно в биологическом порядке известного антагонизма, заключающегося в том, что в этой области психические свойства вызываются наружу уже не явлениями ассоциации, а прямой их противоположностью, процессом индивидуализации (в пятой ступени органического ряда). Здесь уже не ассоциация, а процесс обособления или индивидуализации представляет наиболее благоприятные для развития психических

явлений условия. Конечно, биологический индивид, как таковой, т. е. как изолированный от подобных ему единиц, обнаруживает одни только элементарные психические свойства, неразрывно связанные с условиями мозговой деятельности: способность различения, удержания в памяти, различные, вытекающие отсюда психические рефлекс-ы. Высшие проявления мысли и чувства ему вполне недоступны, именно поэтому они и должны быть рассмотрены как продукт совокупного действия биологического и социального факторов. Несмотря на все это, индивид несравненно более способен к осуществлению необходимых для психических функций условий мозговой структуры и вообще к образованию биологического типа, которому суждено выступить на сцену исторической эволюции, чем исключительно биологические ассоциации, едва обнаруживающие несколько слабых следов первоначальной или зачаточной психофизической деятельности. Но стоит лишь появиться ассоциации, принадлежащей к частному порядку явлений, изучаемому социальной наукой, и психические явления всякого рода тотчас же быстро и пышно развиваются. Перенесенная в эту среду, сама биологическая индивидуальность, что касается интеллектуальной и других способностей, изменяется до неузнаваемости, превращается в социальный атом, становится проводником и носителем новых влияний, элементом или составной частью вполне неведомых биологии сочетаний явлений. Именно с этого момента и начинается психологический расцвет¹.

¹ Я не желал бы оставить настоящий предмет, не упомянув хоть вскользь о системе знаков и звуков, которая в человеческих обществах вырабатывается в высшую форму языка, но которая и в животных обществах является тем прочным и ничем незаменимым цементом, без которого был бы немыслим какой бы то ни было союз индивидов или какая бы то ни была ассоциация биологических единиц. Я в особенности хочу обратить внимание читателя на те доказательства социального происхождения большинства психических явлений, которые могут быть почерпнуты из рассмотрения внутренней природы языка, разговорного и писанного. Как справедливо замечает антрополог Штейнталь, человек на первых порах своего существования мыслит только в обществе; для первобытного человека мыслить значит говорить. И только опять благодаря языку, в особенности письменному, современный биологический человек может пройти, в какие-нибудь двадцать лет, тот же путь, для совершения которого первобытному человечеству потребовались сотни и тысячи веков. Наши идеи, как это признавал немецкий философ Герберт, составляют прямой продукт жизни общества. Что же касается языка, то он является тем специфическим материальным фактором, через посредство которого общественность или условия социального существования прямо влияют на условия мозговой деятельности, сообщая им силу или давая толчок, необходимый для произведения результатов, которые без этого вмешательства были бы невозможны. Герберт прямо говорит: «Нет человека, вполне изолированного, и нет эпохи, которая была бы

8. Изложенная на предыдущих страницах гипотеза влечет за собой такое радикальное изменение в существующих на отношения психологии к социологии взглядах, что принять эту гипотезу — значит *eo ipso* заставить эти две науки совершенно поменяться обыкновенно приписываемыми им ролями. С того момента, как психические проявления признаются представляющими не однородное и сомкнутое целое, принадлежащее к одной и той же научной категории явлений, а образующими массу существенно разнородных фактов, часть которых принадлежит абстрактному порядку и входит в абстрактную науку биологии, а другая, и притом значительно большая, принадлежит конкретному порядку, и может быть надлежащим образом изучена лишь наукой *ad hoc* — с этого момента становится невозможным видеть в исследовании всех безразлично психических явлений естественное основание социологии. Последняя роль может быть сохранена только за физиологией мозга. Что же касается исследований, обычно обозначаемых общим названием психологии, то они должны будут стать в прямую и непосредственную зависимость от социологии, которая, заодно с биологией, и станет их истинной научной основой.

Бесчисленные последствия вытекают из этой обратности отношений, устанавливающихся между социологией и психологией. В порядке философских идей, новый удар наносится автоморфизму, этой ничем, по-видимому, неискоренимой иллюзии нашего ума, и удар тем более чувствительный, что он является направленным в такую сторону или область, которая единственная до сих пор, казалось, могла рационально противостоять в этом отношении самым сильным натискам критической мысли. Общество и наблюдаемые в нем явления перестают быть естественным отражением, простым слепком с недавно еще наполнявшего собою всю область знания всеобщего типа или образца — психического человека. Становится вполне ясным, что и здесь, в этом специальном отделе знания, исключительному или

строго замкнута в себе и не зависела бы от других эпох. В каждый данный момент настоящего живет и действует прошедшее, и личность и изолированной единицы является, даже в тесном смысле слова, сотканной из мыслей и чувств, неизмеримо значительнейшая часть которых только отражает в себе все, чем общество, посреди которого живет такая единица, владеет и распоряжается на праве общего имущества... Масса идей и представлений привходит к нам извне, как и родной язык» // Герберт У. Полное собрание сочинений. Том IX. — СПб., 1964. — С. 385.

В заключение, одно слово о логике. Логика составляет одну из частей конкретной науки психологии; логические методы, искусство рассуждать и различные усовершенствования являются почти всецело прямыми результатами социологической эволюции.

единственному в своем роде существу уже больше не принадлежат ни то центральное положение, ни та величественная уединенность, которые он так охотно всюду приписывал себе. Становится ясным, что далекий от того, чтобы всему в мире давать свой образ и подобие человек сам принимает отпечаток всего, до глубоких и обильных результатами следов включительно, оставляемых на нем обществом, необходимый элемент или составную часть которого он образует.

В порядке научных идей, социология и психология одновременно освобождаются от последних пут, удерживавших их в кругу априорных спекуляций и мешавших их окончательному переходу из метафизического состояния в позитивное. Социология, очевидно, не могла сразу стать положительной наукой, или из младенческого состояния, в котором застал ее Конт и в котором она была основана на гипотезе сверхъестественного управления ходом событий и на представлении о гармоничной сообразности конечных целей истории, вдруг перейти к той научной зрелости, которая не только ничего не знает о сверхъестественной детерминации событий или конечных целях исторической эволюции, но даже отвергает всякое объяснение, основанное на предположении о существовании факторов, отличных от самих явлений, или на представлении о самостоятельных сущностях или силах, открывающихся только внутреннему зрению и не сливающихся строжайшим образом с наблюдаемыми в естественных свойствах условиями сосуществования и последования.

Неизбежную переходную ступень в этом случае составила психологическая школа, символ веры которой, что касается социологических вопросов, всецело содержится в следующих словах Бокля, блестящего историка английской цивилизации и верного представителя высшей точки в развитии, достигнутом переходной эпохой: «Открытие законов европейской истории свелось к открытию законов человеческого духа. Эти умственные законы, при надлежащем своем установлении, становятся основой истории Европы: на физические законы будут смотреть как на имеющие меньше значения и не производящие иных результатов, кроме возбуждения пертурбаций, сила и частое повторение которых заметно уменьшились в течение нескольких столетий»¹. Я не знаю, как будут смотреть в будущем на физические законы, и суждено ли их социологическому значению постоянно и неизбежно уменьшаться, но я отмечаю следующую черту в оспариваемом мною взгляде: в нем умственные законы решительно заняли все место, не

¹ Бокль Г. Полное собрание сочинений. Т. 1. – СПб., 1864. – С. 177.

оставив никакого собственно социальным законам. Я замечу, сверх того, что это полное замещение или это сведение исторической эволюции к эволюции просто и исключительно умственной весьма похоже на введение в социологию фактора, отличного от подлежащих ее изучению специальных явлений, или на введение в нее абстракции, которая не сливается с наблюдаемыми в исключительно-общественных свойствах специальными условиями сосуществования и последования. Но историческая эволюция есть не только факт, о котором свидетельствует опыт, это, как доказано опытным путем, еще и факт, накладывающий на человеческий дух специальные, многочисленные, чрезвычайно важные условия, существенно отличающиеся от чисто биологических или жизненных условий. Эти условия имеют с начала и до конца исключительно общественный характер, и отзываться их незнанием невозможно. Но выделять их из всей совокупности социальных фактов для их включения в особую группу, которая не будет социологической, еще менее — биологической, а будет психологической, значит насильно отрывать их от вполне реальной почвы, им свойственной, с целью бросить их на почву совершенно неизвестную и вызывающую сильное подозрение в том, что она только воображаемая. Что касается социологии, еще значит подвергаться риску дать в ней место настоящей метафизической сущности.

Наконец, объяснять историческую эволюцию совокупностью или суммой умственных условий, не выделяя или не вычитая из них предварительно условий, накладываемых на дух человека самой этой эволюцией, значит другим способом грешить против научного метода, значит в известном смысле объяснять причину одним из ее результатов, и ставить, по крайней мере в известной степени, общие законы в прямую зависимость от заключающихся в них частных законов. Подобную ошибку допускает политическая экономия, которая, в своих попытках все объяснить особой группой психических фактов, эгоистическими чувствами, незаметно превращает последние в какую-то отвлеченную сущность, прекрасно отвечающую диалектическим потребностям ума, но не подвигающую ни на шаг наши реальные познания об экономических явлениях. Тот же упрек может быть обращен и к большинству современных теорий, усердно ищущих в психических фактах истинного ключа к пониманию социальных явлений и представляющих собою столько же стадий или основоочных пунктов

в переживаемой ныне социальной наукой переходной фазе развития¹. Этой фазе, по-видимому, суждено продолжаться до тех пор, пока не будут окончательно исчерпаны самые общие психологические комбинации и не будет окончательно доказана их полная несостоятельность.

Все это может и должно будет измениться, когда будет познана, наконец, истинная природа отношений между социальной наукой и психологией, и укрепитя убеждение, что эти отношения, вместо того чтобы всегда быть однородными, представляют весьма определенный характер двойственности. И тогда тотчас же рассеется, между социологией и физиологией мозга, метафизическое облако из заимствованных у конкретной психологии представлений, облако, затемнявшее ясное созерцание тесных отношений, связывающих биологические условия вообще и, в частности, условия мозговой деятельности с условиями и социальными явлениями. Физиология мозга тогда станет уже в действительности, а не в теории, основой социологии, позитивность или научность которой возрастет в одинаковой мере.

Но все психические явления смешанного характера или относительно которых опытным путем может быть доказано, что их обнаружение происходит под двойным давлением основных психических условий и исторической эволюции, должны будут тщательно устраняться с пути как психофизиологического, так и социологического исследования, и должны будут рассматриваться отдельно (как всегда обязательно в таких случаях), в специальной научной области, обставленной всеми гарантиями и представляющей все удобства кон-

¹ Чтобы привести только один пример, а такова не лишенная остроумия теория одного английского ученого, Murphy, изложенная в книге, появившейся пятнадцать лет назад под заглавием *Habit and Intelligence* (Murphy J. *Habit and Intelligence*. — London, 1869). Рибо в своем известном этюде об английской психологии говорит об идеях Мэрфи: «Господствующая в этом сочинении мысль заключается в сведении всех явлений организации к двум, далее уже не сводимым фактам: привычке и уму. Сделайте две части из всего существующего; поместите в одну неорганический мир, в другую — организованный, понимая его в самом широком смысле, то есть как охватывающий не только область жизни, но и область духа, политику, и историю: в этой последней части все объясняется законами привычки и ума. Оба эти принципа рисуют жизни и совпадают с нею на всем ее протяжении (*coextensive with Life*). Я придал слову «привычка» необычайно широкое значение. Под привычкой я понимаю закон, в силу которого действия и черты характера живых существ обнаруживают стремление повторяться и увековечиваться не только в отдельном индивидуе, но и у его потомков. Это основной закон жизни и человеческого духа. Закон ассоциации идей, на который обычно смотрят как на основной закон духа, составляет только частный случай закона привычки» // Рибо Т. Современная английская психология. — СПб., 1870. — С. VI.

кретного исследования природы. Плодотворный анализ общественных явлений кажется нам возможным только на этих условиях, то есть после подобной предварительной рассортировки хаотической массы биологических, социальных и психических явлений. Только ценой таких предварительных и нельзя сказать, что бы легких усилий, можно надеяться окончательно обосновать действительно абстрактную социологию или науку о наиболее общих законах коллективной жизни. Но не отдельные и многочисленные отрасли общественной науки, для целей которых такая рассортировка является, по меньшей мере, излишней, так как они все — политика, история, политическая экономия, наука о языке и т. д. — преследуют, в большей или меньшей мере и более или менее открыто практические цели, и поэтому всегда носят, в известной степени, характер конкретного знания.

Эти многочисленные отрасли общественнознания собирают и вырабатывают нужные для абстрактной науки об обществе материалы. На этом основании, а также и потому, что абстрактная социология составляет существенно описательную науку, они прямо включаются в эту последнюю. Но это нисколько не дает права отрицать, что эти же самые отрасли знания, по мере того, как они вырастают из тесных пределов своей первоначальной задачи — служить складами материалов для высшей и более отвлеченной науки, и по мере того, как они стремятся к достижению целей практически полезных, составляют, в то же время, и зачатки будущей конкретной социологии. Эта последняя должна будет основываться, кроме биологии и абстрактной социологии, и на научных сочетаниях, которым эти две науки дают начало. Но в числе таких сочетаний, первое и главное место принадлежит, бесспорно, психологии, рассматриваемой как конкретная наука. А потому уже и теперь нельзя отказывать многочисленным социологическим специальностям в несомненном праве свободно черпать нужные им, для практических и научных целей, данные и объяснения из обширной области конкретных психических явлений.

9. В настоящей и предшествовавшей главе мы старались установить, что отношения, образующиеся между различными науками, имеют своим источником внутреннюю природу соответствующих явлений, поскольку последняя может быть нам известна, т. е. поскольку она обнаруживается перед нами в виде последовательного ряда осложнений в различных свойствах, присущих окружающим нас предметам. Эти осложнения, многие из которых не сводимы к более простым элементам, дают начало такому же числу абстрактных индуктивных наук, но большая часть этих осложнений может быть све-

дена без остатка к осложнениям первой категории. И вот эти-то объяснимые осложнения и дают начало длинному ряду исследований, в которых то абстрактная сторона преобладает над конкретной — и тогда мы имеем дело со вспомогательными, по отношению к абстрактным наукам, но все еще индуктивными отраслями знания, — то конкретная сторона берет верх над абстрактной — тогда мы имеем дело уже с настоящими конкретными и существенно дедуктивными науками. Причем и от них, как и от упомянутых вспомогательных знаний, идут отпрыски, составляющие, в свою очередь, различные дедуктивные и прикладные, или преследующие уже исключительно практические цели, знания.

Став на эту точку зрения, которую можно назвать точкой зрения объекта, мы старались определить тройственное отношение, связывающее друг с другом науки о жизни, духе и обществе, и пришли к следующим заключениям: 1. Биология есть единственная отвлеченная и индуктивная наука, служащая линией раздела между изучением неорганического мира и изучением социального мира, поэтому она и составляет естественную и непосредственную основу или фундамент социологии, индуктивной и абстрактной науки. 2. Этот фундамент, однако, в настоящее время еще недостаточно обширен и прочен, чтобы на нем можно было основать все здание науки об обществе. Поэтому он должен быть одновременно и расширен, и укреплен. Расширен через присоединение к биологии психофизических исследований, в которых психические функции рассматривались бы со стороны их непосредственной зависимости от мозговых и нервных структур, и укреплен или сделан более однородным через выделение из биологии психологических исследований, в которых психические явления рассматривались бы как зависящие от биологических условий только косвенным образом или через посредство видоизменяющих или даже прямо созидających условий и влияний жизни сообщества, общественного строя. 3. Наконец, выделенные таким образом психологические исследования должны образовать из себя конкретную науку, опирающуюся одновременно на две абстрактные науки, биологию и социологию.

Однако прежде, чем расстаться с важным предметом, потребовавшим у нас так много места, мы, вслед за подведенными выше краткими итогами, желали бы напомнить читателю, что рядом с отношениями, вытекающими из рассмотрения одного объекта и дополняя их собою, между занимающими нас тремя науками образуются и существуют многочисленные и весьма тесные отношения, вытекающие из

рассмотрения наблюдающего субъекта и анализирующего биологические, психические, социальные явления. Эта последняя точка зрения — точка зрения метода или совокупности рациональных приемов, употребляемых субъектом для познания законов, управляющих объектом — была уже подробно развита нами в первом отделе нашего труда. Поэтому здесь достаточно будет только напомнить общее заключение, к которому мы тогда пришли: явления жизни, духа и общества не могут изучаться сколько-нибудь плодотворным образом вне их применения к исследованию великого описательного метода. Этот метод составляет ту специальную форму, которую принимает наблюдение и, до известной степени, даже и экспериментация (запись и рациональная классификация экспериментов, слагающихся самопроизвольно или искусственным путем), всякий раз, когда им приходится сталкиваться лицом к лицу с массой серьезных затруднений, которые порождаются чрезвычайным осложнением явлений и надолго, если не навсегда, оставались бы непреодолимыми без счастливого выхода, представляемого описательным методом. Рассматриваемые с этой точки зрения, три занимающие нас обширные области явлений представляются как принадлежащие одному и тому же порядку, как входящие в великий разряд органических явлений. Отсюда для исследующих их трех наук возникает необходимость никогда не терять друг друга из виду, всегда быть готовыми и помогать соседней области своими данными, взаимно освещать друг другу трудный путь к истине результатами, добытыми каждой из них порознь посредством метода, который, оставаясь всегда тождественным в своих главных чертах, изменяется, однако, от одной из этих наук к другой, что касается подробностей и второстепенных признаков. Укажем вкратце эти отличия. В двух абстрактных науках, биологии и социологии, описание будет преимущественно индуктивное, т. е. здесь будут анализироваться, классифицироваться и сравниваться явления одного и того же научного порядка, исключительно биологические или исключительно социологические. Впрочем, вследствие естественной и рациональной зависимости последних от первых, социологии, в известных случаях, можно будет прибегать и к дедуктивному описанию, к проверке своих теорий и законов посредством их сравнения с более общими теориями и законами биологии, и даже посредством рационального их вывода из этих последних.

В конкретной науке психологии, напротив того, описание будет преимущественно дедуктивным. Это легко понять, если принять во внимание, что психологические явления обязаны своим происхожде-

нием совокупному действию биологических условий и социальных влияний. Поэтому в теории все, без исключения, законы психологии могут и должны одновременно выводиться из биологических и социальных законов. На практике, однако, такая дедукция почти всегда остается бесплодной, и помогать этому приходится, прибегая к обыкновенным описательным приемам и открытию чисто эмпирических законов. Но очевидно, что такие законы всегда нуждаются в дальнейшей проверке, которая в этой частной области, где каждый факт сводится к изучаемым в других науках элементам, может иметь значение только при условии, чтобы законы производных явлений и свойств были рационально связаны с некоторыми из несводимых законов или основных свойств.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Rem bene, si poteris, si non, quocunque modo, rem.

Гораций

1. Хотя наш труд не имеет притязания быть сколько-нибудь полным или систематическим изложением предмета, которому он посвящен, или *философии социологии*, однако в нем перед глазами читателя последовательно проходят многие из капитальных вопросов этой философии. Каков характер тех истин, которые социология старается открыть, каким способом она их открывает, как она относится ко всей совокупности человеческого знания, из каких составных частей она образуется и, наконец, какая связь существует между нею и тесно соприкасающимися с нею научными областями? На все эти вопросы мы старались дать посильные ответы.

В самом начале нашего пути нам ярко представилась одна невозможность: достигнуть каких-нибудь прочных результатов в философии любой из составных частей человеческого знания прежде, чем будет выполнено существенное требование философии совокупности этого знания, заключающееся в установлении точной *теории абстрактных и конкретных наук*. Безвыходный хаос в области философии наук сменяется первыми, смутными очертаниями порядка только при выполнении этого условия, которому не удовлетворяет ни одна из существующих классификаций наук, и меньше всего — превосходная во всех других отношениях классификация Конта. Читателю известен наш взгляд на те признаки, которые, в общей массе познаний, черпаемых нами из самых разнородных источников и прилагаемых нами к самым разнородным целям, дифференцируют задачи абстрактного знания и ряд абстрактных наук от задач конкретного знания и ряда конкретных наук.

Тесная и неразрывная связь соединяет теорию абстрактного и конкретного знания с методологической группировкой наук. Единство научного метода составляет основную точку зрения. Все апостериорные пути к открытию истины пригодны во всех науках. Но не одинаково, по крайней мере, с той относительной и условной точки зрения, на которую всегда становится позитивный мыслитель, не предпрещающий ничего относительно последствий *опыта будущего времени*. Различие это существенно. Опыт прошедшего, который может или не

может быть повторенным или искусственно воспроизведенным, и опыт настоящего дают достаточную, хотя и строго ограниченную возможность делать столь необходимые для целей жизни и науки заключения относительно того, что может или должно составить содержание опыта будущего. Но между такими заключениями и *предреши-ем* последствий опыта будущего лежит целая пропасть, наполняемая методом аргюи. Усвоение этой точки зрения безусловно необходимо для правильного суждения о достоинствах и недостатках тех главных тезисов, которые мы выставили в области научной методологии.

В наших методологических положениях нет ничего абсолютного. Различение способов наблюдения, или форм опыта, от способов диалектической обработки добытых наблюдением результатов, или форм логического мышления, признание преобладания индуктивного мышления в ряде абстрактных наук и дедуктивного — в ряде конкретных наук, наконец, группировка первого ряда согласно формам опыта, а не логического мышления, — все это поставлено в прямую зависимость от фактических результатов, добытых *до сих пор* развитием научной мысли, или, если можно так выразиться, от общей проекции человеческого знания на основе современности. Не иначе следует смотреть и на наши четыре методологические категории: интуитивный или непосредственный опыт, прямое наблюдение, экспериментация и научное описание. *Бесполезно* было бы в этой прогрессии отрицать несомненное превосходство каждого предыдущего члена над каждым последующим, так же, как *вредно* было бы всегда и при всяких условиях препятствовать введению или усилению в той или другой науке более простых и действительных способов исследования, употребляемых в науках, служащих ей основанием в исторической и логической иерархии знания. Но введение в высшие науки более совершенных методов низших наук подчинено непреложным условиям, и усиление в них этих методов имеет свои непреодолимые пределы. Мы не утверждаем, чтобы по мере успехов общих и частных знаний эти условия не изменялись и эти пределы не отодвигались; недавние завоевания экспериментального метода в области физиологии служат как раз лучшей иллюстрацией таких постепенных изменений в условиях, среди которых работает наука, и таких перемещений в науках их методологического центра тяжести. Но все это так же мало дает право игнорировать основные ограничения, накладываемые на субъективный процесс исследования и познания объективными условиями исследуемых и познаваемых явлений, как мало убеждение в прогрессивном характере хода исторического движения,

например, дает право не знать или *не хотеть знать* оборотной стороны прогресса в человечестве, или непреложных его ограничений. Описательный метод во многом уступает экспериментальному: но он надолго, если не навсегда, останется преобладающим в целой группе наук и, что еще важнее, даст этим наукам полную возможность открывать в подведомственной им области явлений такие же общие и отвлеченные законы природы, какие в других областях открываются менее сложными и легче усвояемыми большинством умов, и уже по одному этому более совершенными средствами исследования.

На этих двух, получивших законченную форму теориях: об абстрактных и конкретных науках и о роли «научного описания» в группе наук органического мира, основаны все наши выводы касательно научного характера и метода социологии. Задачи социолога и путь, следуя по которому он может надеяться разрешить их, намечены ясно. Задачи эти тождественны с теми, которые преследуются другими отвлеченными науками, а путь этот во многих своих частях совпадает с путем, на который с давних времен, хотя и не в полном сознании его прямой целесообразности, вступили многочисленные исследователи в обширной области общественных явлений.

2. Второй отдел этой книги посвящен вопросу о месте, принадлежащем социологии в ряду отвлеченных наук. Установление социологии, как науки, только в том смысле может приписываться позитивизму, что Огюст Конт ясно определил значение социологии, как последнего апостериорного звена в ряду абстрактных наук, как единственного реального завершения всякого знания. Великая, бесспорно, эта заслуга не умаляется соображением, что такая концепция являлась в свое время обязательным логическим выводом из всего хода научного развития, простым заключением из посылок, выставленных длинным рядом сторонников опытного метода в науке. Значение этой концепции трудно преувеличить: она связывает позитивизм всех времен и народов с позитивизмом XIX века, делает из последнего естественное, законное продолжение первого. Но, в то же время, как всякий продукт развития, она есть и дифференцирующий факт. Она способствует правильному пониманию отношения позитивизма Анаксимандра, Демокрита, Эпикура, Лукреция, Аристотеля, Эразма, Бэкона, Гоббса, Спинозы, Декарта, Локка, Вольтера, Дидро, Кондильяка, Канта к позитивизму Конта, Литтре, Милля, Бэна, Льюиса, Спенсера. Это отношение есть отношение исполненной противоречий

разрозненности и отрывочности положительного знания к первой попытке сочетания всех родов данных этого знания в одно цельное мировоззрение.

Наукой законов общественности оканчивается знание законов природы. Но цепь апостериорного знания не обрывается на социологии, а скорее образует сомкнутый круг, в котором все звенья неразрывно связаны друг с другом. Человечество является и конечным предметом научного изучения, и исходной точкой научного развития. В науке и человечестве объективный факт сливается с субъективным назначением, теория — с практикой, целям которой она призвана служить. Основное единство знания, таким образом, получает свое высшее выражение в классификации наук согласно началу убывающей общности и возрастающей сложности явлений. Объяснением и одновременно оправданием этой классификации служит закон истории, а история — та же природа. Этот естественный закон мы старались очистить от несущественных примесей, вкрапившихся в формулирование его позитивной школой. С другой стороны, мы рассмотрели и возражения, представленные против позитивной формулы последователями той же научной философии. Наше внимание особенно привлекла доктрина Спенсера, которая не в одном этом вопросе является естественной и полезной реакцией против умственного движения, порожденного философской систематизацией Конта; полезной в том смысле, что она неизбежно должна заставить позитивизм еще раз проверить свои исходные положения и глубже обосновать свои выводы. И тут мы снова встретились с необходимостью, которую в прошлом столетии, в отличие от школы сенсуалистов, так ясно сознавали авторы «Энциклопедии» — с необходимостью расширить основу опытного исследования природы и ее законов, допустив в цикл теоретического знания, сверх математических и логических формул, сверх общих законов или сокращенных выражений фактов, постоянно повторяющихся при одинаковых условиях, еще и значительную долю этих самых фактов, многое из того, что обычно считается частным, конкретным и поэтому выделяется в область так называемого конкретного или описательного знания.

Такое противопоставление и разъединение факта и закона, реального содержания и идеального его представления, не только не требуются условиями опытного исследования, а даже прямо противостоят тому из «канонов» экспериментального метода, по которому частное должно предшествовать общему, конкретное должно служить основанием абстрактному, факт должен являться субстратом закона.

Следует ли из этого, что Конт грубо ошибался, утверждая, что конкретные науки первые зарождаются и последние устанавливаются или обосновываются, что успехи конкретных наук вполне зависят от успехов абстрактных наук, что истинно конкретное знание всегда останется недоступным нашему слабому разуму и, наконец, что наши теоретические нужды почти и всецело удовлетворяются абстрактным знанием, которое вполне нам доступно? Нисколько; эти взгляды Конта правильны, но он не придал им всей возможной ширины, не развил их в общую и строго последовательную теорию конкретного знания. Еще менее могли справиться с трудностями той же задачи позитивисты английской школы. Но занятое ими как раз обратное положение или представляемая ими реакция дают повод искать разрешения задачи в трех параллельных направлениях: в различении описательного знания от конкретного, в введении первого целиком в область абстрактных наук, как реального их содержания, и, наконец, в признании за конкретными науками значения всегда желательных, хотя и не всегда возможных синтетических построений ума из данных целого ряда абстрактных наук.

3. В третьем отделе говорится о внутренней классификации социологии, о группировании и распределении совокупности социологических исследований и работ, по одному какому-либо общему плану, в несколько основных отделов или подразделений науки. Невозможность априорного разделения социологии явствует из самого свойства задачи, из примера других наук, из делавшихся до сих пор в этом смысле попыток. Это деление может быть только результатом естественного и постепенного развития социологических исследований, фактом *a posteriori*. И это доказывается лучше всего сравнением между собою явлений одного порядка: основных условий разделения труда, осуществленных научной практикой во всех предшествующих социологии отвлеченных науках.

Но рядом с неразрешимым пока еще посредством данных, почерпнутых в области философии частной науки — социологии, вопросом о том, как следует подразделить эту науку или на какие главные отделы она естественно распадается, существует еще вопрос общей научной философии, касающийся только степени делимости, если можно так выразиться, социологии сравнительно с другими науками. В этом отношении особенно поучительно сравнение группы экспериментальных наук с группой описательных. Оно указывает, в каком направлении следует искать выхода из многочисленных и естественных затруднений, свойственных задаче разделения труда в области

высших наук, и выражаемых в следующем общем тезисе: чем сложнее явления, изучаемые данной наукой, тем необходимее изолирующий анализ каждой, даже самой незначительной категории окружающих их условий или производящих их причин, или сопутствующих им изменений, но, равным образом и в то же время, тем труднее или тем менее вообще осуществим на практике такой необходимый постулат всестороннего исследования сложных явлений. Другими словами, необходимость разделения науки находится в прямом, а сама ее делимость — в обратном отношении к степени сложности исследуемых ею явлений. Положение совершенно невозможное, в смысле ожидания каких-либо серьезных успехов от тех высших отвлеченных наук, которые составляют описательную группу, если б из этого положения не существовало совершенно естественного выхода, не измышленного или придуманного а priori, а издавна, хотя пока только бессознательно, усвоенного научной практикой. Выход этот — специализация, бесконечная делимость предметов изучения во всей области так называемой естественной истории наиболее сложных категорий явлений, каковы явления жизни или общественности, и необходимое возмещение или восстановление утраченных в процессе раздробления единства и общности посредством тщательного сохранения синоптического характера, т. е. путем преобладания обозрения общего над обозрением частных, в естественной науке тех же явлений. Специализация в первой половине описательной науки находится в прямом отношении к «синоптизму» ее второй половины.

Это видно уже на примере биологии, столь деятельно преследующей в своей общей части интеграцию условий существования или условий жизненной статики, условий развития или условий жизненной динамики, интеграцию растительности и животности, нормального и патологического состояний и т. п., в то время как в многочисленных биологических специальностях происходит обратный или дифференцирующий процесс. Это явление — разделение труда не по предмету, а по общим приемам исследования — достигает своего кульминационного пункта только в социологии, где гипотетическое разложение сложных агрегатов, образуемых социальными явлениями, и изолированный анализ последних тем более необходимы в монографических описаниях естественной истории обществ, чем менее этими же приемами, очевидно, может обеспечиваться успех исследований, имеющих целью открытие общих законов социальных явлений.

Дальнейшее развитие этих взглядов в седьмой главе настоящей книги еще более подтверждает эту теорию «раздвоения» социологии на естественную историю и естественную науку обществ — теорию, которую, заметим, легко привести в логическую связь как с теорией абстрактных и конкретных наук, так, в особенности, и с нашими общими методологическими положениями. Но раз признана логическая и историческая необходимость такого раздвоения, вопрос о дальнейшей рациональной классификации обеих половин социальной науки теряет большую часть своего значения. Рассматриваемое при этом свете контовское деление на статику и динамику далеко не разрешает вопроса. Все другие классификации еще менее и по большей части даже вовсе не удовлетворительны. Причина тому — не столько неумелость классификаторов, сколько ненужность — конечно только *относительная и условная* — самой классификации или деления в области общей социологии, и наличность, конечно, допускающая дальнейшее *развитие и усовершенствование* такой классификации в области естественной истории обществ.

4. Теория абстрактных и конкретных наук послужила нам твердым основанием для построения нашей аргументации относительно абстрактного характера социологии; методологическая группировка наук позволила нам указать на метод, естественно преобладающий в социальных исследованиях; подробное рассмотрение классификации наук, по принципу убывающей общности и возрастающей сложности явлений, и отчасти защита этой классификации против вызываемых ею нападок, привели нас к определенному заключению о месте, принадлежащем социологии в ряду наук; наконец, соображения, изложенные вкратце в предыдущем параграфе и основанные преимущественно на наблюдении факта неизбежного «раздвоения» наиболее сложных наук на естественную историю и естественную науку явлений, дали нам возможность установить общую точку зрения на свойства задачи внутреннего разделения социологии.

Таким образом, некоторые из наиболее важных вопросов философии социологии были рассмотрены с целью найти для них положительное, по возможности, решение.

Этот ряд аналитических очерков естественно было дополнить попыткой определения ближайших отношений социологии к науке, специально занимающейся исследованием субстрата или материальной основы всякой коллективной жизни — явлений индивидуальной жизни. Предварительная индивидуализация частей составляет необходимое условие для возможности какого бы то ни было последующе-

го коллективного их действия или проявления; разложение или смерть индивидов составляет условие, без осуществления которого немислимо обновление коллективного агрегата, следовательно, и прогрессивное его развитие; наконец, передача жизни путем генеративного процесса, дающая начало явлениям наследственности, составляет условие, без которого немислима непрерывность исторического хода и последовательная связь между различными состояниями человечества. Таким образом, социология главные свои корни имеет в биологии, в которую, бесспорно, должна быть включена и вся психофизика, теория мозговых устройств и отправления. Но не психология.

Здесь мы встречаемся с вопросом, правильное разрешение которого имеет громадную важность не только в рассуждении будущего способа изучения собственно общественных явлений, но и по отношению ко всему складу, который должна принять философская мысль ближайших к нам поколений. Есть ли психология основная наука или нет, от утвердительного или отрицательного ответа на этот вопрос зависит и где будущий социолог найдет главный источник своего знания, и как будущий философ посмотрит на попытку, остававшуюся до сих пор Сизифовой работой, поставить психический продукт краеугольным камнем здания философии, не субъективной, что было бы законно, а объективной.

Читателю известно, в каком смысле и с помощью какой гипотезы мы предлагаем решить вопрос о научной роли психологии; ему известно, как мы смотрим на отношения психологии к социологии и биологии. Не далее конца десятой главы мы весьма определенно формулировали наши заключения относительно объективной, или вытекающей из характера самих явлений, и субъективной, или основанной на методе изучения или способе познания, связи, существующей между науками, исследующими смежные области жизненных, психических и общественных явлений.

5. В настоящей книге из всех выделяется прочих одна глава: глава восьмая, введенная в общий план нашей работы, как особое вступление к четвертому отделу. В этом вступлении мы рассматриваем вопрос о возможности пользоваться реальной аналогией как руководящим началом при исследовании природы, т. е. в науке, и при исследовании общих результатов науки, т. е. в философии. Таковую формулировку вопроса мы приводим в прямую связь с вопросом об отношениях социальной науки к смежным с нею областям биологического и психологического знания. Но этот же вопрос может быть поставлен

шире, сформулирован полнее, связан со всеми безразлично областями человеческого знания. И в такой обобщенной форме мы касались его во всех без исключения отделах этой книги; мы возвращались к нему постоянно, признавая тем самым его особую важность в данный период развития научной философии. По занятому у нас месту, не говоря уже о его значении, этот вопрос мог бы составить самостоятельный отдел в нашей книге. Мы предпочли представить читателям относящиеся к нему наши соображения в менее систематической форме. Зато здесь, подводя общий итог всему рассмотренному в нашем труде, мы считаем нужным отвести этому вопросу особое место.

На наших глазах, рядом с позитивизмом последователей Конта и под прямым, хотя иногда и отрицаемым его влиянием, зародился позитивизм с несколько другой окраской. По наиболее выдающейся черте, назовем его *монистическим* или просто научным *монизмом*. У этой философии две главные формы: философия эволюции у англичан, выработанная преимущественно Спенсером, и образовавшиеся в Германии, под различными влияниями, но преимущественно объединительных гипотез в областиточных наук, более чистые монистические системы.

Монистический позитивизм знаменует собою серьезную победу в области философского мышления. Во-первых, он необыкновенно быстро и сильно распространился; тысячами считаются его прозелиты, и в этих тысячах есть многие сотни, которые с полным основанием могут признаваться умственными руководителями современного человечества. Во-вторых, позитивизм этого рода почти окончательно вытеснил старую метафизику отовсюду, где она еще гнездилась после появления позитивизма Конта: из науки, философии, литературы, высшего преподавания наиболее цивилизованных стран. Таким образом, научный или позитивный монизм, отвергающий всякое родство с монистическими галлюцинациями прежней субъективной философии и опирающийся на науку и только на науку, знаменует собою очень интересный момент в истории развития современной мысли. Момент этот — заметное ослабление, если не прекращение, той борьбы на жизнь и смерть, которую позитивизм Конта открыто начал в первой четверти этого столетия против всех оттенков официально царившей в то время метафизики. Бессилие последней и нанесенные ей отовсюду поражения сделали продолжение прежней страстной борьбы немыслимым.

Возгорается другая борьба, — борьба еще более интересная, несмотря на свой междоусобный характер. Внешний и общий враг по-

бежден, но успокоение или полное примирение в умственной сфере, к счастью для человечества, еще далеко. Примирение здесь есть застой, как покой в области органической жизни есть смерть. Третья и самая важная заслуга научного монизма наших дней — вызов, брошенный им успокоившемуся на лаврах своей победы над метафизикой позитивизму последователей Конта. Последняя школа, очевидно, слишком поверхностно отнеслась ко многим важным задачам философии. Позитивизм Конта требовал внутренней переработки и, следовательно, прежде всего открытого и коренного противоречия. Монистический позитивизм оказал ему эту неоценимую услугу; он явился тем врагом, которого надо победить и уничтожить, чтобы самому жить более полной и менее подверженной случайностям жизнью. Это явление беспрерывно повторяется в истории философских доктрин; только в этой взаимной противоположности беспрестанно сменяющихся друг друга систем и можно искать их внутреннюю связь и единство. История умозрений вьется двумя нитями, постоянно пересекающимися друг друга: одна из них может вытянуться, а история умозрений — получить новое продолжение только тогда, когда другая станет поперек первой, пересечет ее. Что такое позитивизм, как не прямой наследник умственного движения, знаменуемого именами Аристотеля, Бэкона, Локка, Дидро и Кондильяка — одна нить, и что такое спенсерианизм, например, как не обновленный и развившийся механизм Декарта — другая нить? Или в более ограниченной сфере, в области общественнознания, разве после Вико и Кондильяка, которые говорят о социологии языком Конта и Кэтле, нужна была продолжительная реакция, воплотившаяся в теориях Руссо и родственных ему писателей в сфере общественных наук? Эта реакция была, однако, тем необходимым противоречием или пересечением, которое позволило нити идей Кондильяка развиваться в более глубокие и точные идеи Конта и его преемников.

Мы назвали новую борьбу междоусобной: с обеих сторон она ведется исключительно на почве объективной или научной философии. На этой почве и не вспоминают о каком бы то ни было абсолюте, нет речи не только о прежних сущностях, сведенных на простые и часто оказывавшиеся ложными представления нашего ума, но даже и о так называемых силах природы. Позитивизм обоих враждующих оттенков, не покидая обширной области относительного или познаваемого, знает только свойства или проявления вещества и изучает их неизменную повторяемость, обобщает или возводит на степень закона по-

стоянные отношения между свойством и свойством, проявлением и проявлением. Где же тут, спросит читатель, признаки раскола, где элементы для борьбы, которая заведомо может закончиться только полным поражением одного из противников?

Элементы эти скоро нашлись, и они как нельзя более характерны. Пока речь шла только о свойствах природы, неопозитивизм был простым сколком с позитивизма Конта или, вернее, вовсе не существовал, как особое направление в философии. Но вот пытливый ум современного философа стал вопрошать себя и природу о свойстве этих свойств, пробудил на почве объективной философии целые века бесплодно обсуждавшийся на почве субъективной философии вопрос об основном тождестве свойств природы, — и неопозитивизм родился. В этом вопросе позитивисты второй или младшей школы утверждают или только верят, смотря по умственному темпераменту, а позитивисты первой или старшей школы отрицают или только сомневаются, опять смотря по темпераменту. По-видимому, второстепенные оттенки не важны; все дело, однако, именно в них. *Утверждать* или *отрицать* конечное тождество всех свойств и проявлений материи одинаково не научно; ожидать от дальнейших успехов науки решения этого вопроса в утвердительном смысле или сомневаться в достижимости вообще такого результата одинаково позволительно.

Читателю известно положение, занятое нами в этом знаменательном споре. Могучему орудию, которым монисты владеют с редким совершенством, — гипотезе, мы противопоставляем не менее сильное и плодотворное научное орудие — сомнение¹. Но и скептицизм наш имеет свои точные пределы; он простирается только на одну сферу,

¹ Мы не говорим *критику*, чтобы избежать смешения с особым направлением в научной философии, которое само называет себя критическим. Школа эта обращает свою критику в совершенно другую сторону: выдвигая на первый план, из всего ряда наук, психологию, она, по примеру прежней метафизики, делает из предварительных вопросов, из теории познания, краеугольный камень своей философии. Критика ее обращена не на объект, не на внешний мир, в котором человек занимает далеко не главное место, а на субъект, на внутренний мир, в котором наши умственные процессы играют, бесспорно, главенствующую роль. В области психологии критическая школа может принести пользу, но, как философская система, она нам кажется осужденной на роковое бесплодие, ставшее уже уделом всех подобных, далеко не новых попыток. Родоначальником этой школы, поскольку она является *направлением* в позитивизме, может считаться Стюарт Милль, придерживавшийся той же исходной точки зрения. Приверженцы критицизма отрицают такое родство, но они правы в этом лишь постольку, поскольку и все вообще *идеалисты*, кроме Милля, могут считаться прямыми их предшественниками.

которую мы тщательно оберегаем от вторжения в нее не тех или других теорий — она не может игнорировать их, а известных способов исследования или приемов для открытия истины. Сфера эта — область философии, насколько она отлична от области точных наук, а приемы эти — гипотезы. Гипотезу, как обычное вспомогательное средство для нахождения истины, могут терпеть, допускать, приветствовать в области науки, но в области философии этому средству нет места. Главная обязанность философа — строго изгонять из философии всякие гипотетические построения.

Причина этого различия очень проста и понятна: наука наблюдает, экспериментирует, описывает. Свои наблюдения, эксперименты, описания непрерывно *поверяет* наблюдениями же и экспериментами. При таких условиях, гипотеза безопасна, полезна, необходима. Но с какими агрегатами, с какими реальными объектами наблюдения непосредственно имеет дело философия, над чем она экспериментирует, что она описывает, в каком смысле может быть особой наукой в ряду прочих знаний, не повторяя их собою или не вмещающая их в себе? И, в особенности, что она поверяет в научном смысле, и чем, каким образом? В науке право прибегать к гипотезам покупается возможностью проверить их, но где же эта возможность во всей обширной области философии, если оставаться только в этой области и не вторгаться беспрестанно в ту или другую частную науку? Философия не наблюдает конкретных явлений и не производит опытов. Высокие отвлечения и свои последние обобщения она создает из готового материала чисто рассудочным и дедуктивным путем. Готовым материалом может быть и прочно установленная научная истина, и галлюцинация невропатически настроенного субъекта, — и философия, смотря по этому материалу, будет научная, положительная или произвольная, субъективная. Но дайте философии право строить и развивать *свои* гипотезы и называйте ее затем сто раз научной и позитивной, она все-таки будет только метафизикой. Именно в этом смысле и можно упрекать в какой бы то ни было метафизичности *материализм*, который вполне отвечает идеалу научной, объективной философии, строящей и развивающей свои гипотезы независимо от очевидно невозможной в области философии и средствами ее проверки таких гадательных построений. Если бы не эта последняя характерная черта, то, ввиду наличности материализма, позитивизм, как первона-

чальный тип, из которого должна развиваться научная или объективная философия, был бы, конечно, самым непростительным анахронизмом, нелепостью, которая сразу выдавала бы сама себя. Все это очень ясно, и настаивать на этой стороне дела нет надобности.

Но, скажут еще, пусть философия и лишена всякой фактической возможности проверять свои гипотезы; ничто, однако, не мешает этой «общей науке» делать построения и догадки, точная проверка которых должна затем всей своей тяжестью обрушиться на частные науки. Зачем добровольно лишать себя такого могущественного стимула к постоянному прогрессированию знания? Философия должна быть той живой и возбуждающей струей, которая не позволяет частным наукам самодовольно замкнуться в узком круге приобретенных результатов, постоянно побуждая их к расширению своих пределов, к новым завоеваниям в области неизвестного и непознанного. Философия должна соединять все науки воедино, должна мешать им преследовать разрозненно тождественные цели и т. д. На все эти общие места может быть только один ответ. Гипотезы философии, по самому своему существу, не могут подлежать проверке одной какой-нибудь частной науки. Философия не строит ни физических, ни химических, ни жизненных гипотез. Ее гипотезы необходимо охватывают всю совокупность знания; все науки, следовательно, должны призываться одновременно к проверке той или другой гипотезы, возникшей на почве философии. Но возможен ли, осуществим ли такой призыв? Можно ли совместить, не только в одном лице, но даже для одной цели, все отрасли человеческого знания, соединить и слить все специальности, хотя бы временно, для направления их в одну точку, один фокус? И как приступить к проверке отношения, заведомо охватывающего собою все явления, и между тем не нашедшего себе места ни в одной группе отношений, которыми специально занимаются частные науки? Что же нужно тут наблюдать, над чем производить опыты? Задача, положительно превышающая силы человеческого знания, если не человеческого ума. И это так справедливо, что еще никогда ни одна действительно философская гипотеза не могла быть проверена научно или в области частных наук. Знакомство, большей частью случайное, с такими гипотезами могло стимулировать, побуждать отдельных ученых к образованию собственных, специальных, приноровленных к условиям частной науки догадок и предположений, которые потом и проверялись в области и средствами той самой науки, на почве которой они зародились; но ведь и яблоко Ньютона играет важную роль в истории научных открытий, и мы у самой заскорузлой метафизики ни-

когда не отрицали таких же прав на признательность человечества. Очевидно, что прежде, чем стать достоянием всего ряда частных наук, философская гипотеза должна распасться на соответствующее число значительно видоизмененных гипотез. Каждая частная наука должна сначала и по-своему обставить данное предположение, должна специализировать его в пределах изучаемого ею предмета, должна изменить саму постановку вопроса так, чтобы по существу не поверяемого теоретического построения получить доступную проверке научную догадку. Словом, должна создать на своей почве и своими обычными средствами свою собственную гипотезу. Но ведь такая работа есть функция самой частной науки, и притом функция, которую она исполняет, так сказать, спонтанно, самопроизвольно, без всякого побуждения извне. Философский стимул в этом случае может и быть, и не быть, как могло быть и не быть яблоко Ньютона. Но на таких случайных мотивах нельзя основывать существование философии. Одинаковые услуги науке и прогрессу знания в состоянии оказать любая метафизическая система. Странно вообще слышать из уст защитников гипотетической философии эту ее рекомендацию, как побудительного момента в процессе открытия научной истины; странно потому, что лучшим стимулом к нахождению истины всегда служило заблуждение, поскольку оно являлось уже сознанным и доказанным. Поэтому повторяем еще раз: мы бы давно были материалистами, а не позитивистами, если б могли допустить законность гипотетических построений в области философии, в которой нет возможности проверить их. Мы бы давно отвергли необходимость и пользу какой бы то ни было философии, если б убедились, что функция философии исчерпывается выставкой догадок, которые потом должны быть переработаны отдельными науками в специальные и доступные проверке гипотезы.

Изложенными сейчас взглядами определяется истинное значение мнений, высказанных нами в этой книге по вопросу о несводимости основных свойств материи. А вопрос этот, очевидно, и является той резкой чертой, которая отделяет позитивистов новейшего монистического толка от позитивистов староскептиков, если мне будет позволено так выразиться. В этом вопросе мы строго отличаем науку от философии. На почве первой мы приветствуем, например, механическую теорию теплоты, исследования о превращаемости или эквивалентности сил, термохимию, с одной стороны, а биохимию — с другой и т. д. На почве второй, т. е. философии, мы придаем, например, гипотетическим построениям спенсерианизма значение, во многом сходное с

тем, которое могут иметь механическая гипотеза Декарта и аристотелевская теория органического космоса, остроумной комбинацией и более глубоким развитием которых и является, в сущности, на наш взгляд, спенсеровский эволюционизм. Объединительным стремлениям современной науки, каковы бы ни были их будущие результаты, мы можем только сочувствовать; смелые гипотезы кажутся нам здесь вполне уместными, увлечения — безопасными, заблуждения — легко исправимыми. Правда, именно в науке мы меньше всего допускаем теорию, носящую название реальной аналогии, но это потому, что эта теория меньше всего научная гипотеза. Как гипотеза, реальная аналогия принадлежит к разряду собственно-философских, охватывающих всю совокупность явлений, догадок нашего ума. Она не может быть проверена ни в одной частной науке. В этом смысле между нею и, например, термохимической гипотезой существует громадная разница. Химическая гипотеза прямо соприкасается с эмпирическими данными частной науки, а философская — бесплодно витает в области непроверяемых отвлечений.

Позитивизм школы Конта своим скептическим отношением к попыткам монистов, направленным в сторону теоретического обоснования внутреннего тождества всех свойств, сил или проявлений материи, обнаруживает только последовательность или верность своим основным положениям, вне которых немислимо существование какой бы то ни было философской доктрины. Позитивизм — это философия опыта и только философия опыта. Но он и есть вся философия опыта. Нет такой опытной «новизны», которая не могла бы найти себе места в этой философии. Возьмем, например, утверждение, что кислород, азот и углерод способны организоваться, образовать соединения, обнаруживающие свойства жизни, а хлор, сера и йод не способны. Предположим, что завтра опытным путем будет доказано существование органических соединений, состоящих из хлора и серы; ничто, очевидно, в философских принципах позитивизма не может помешать ему приветствовать такое замечательное открытие. Но ведь решительно одинаковое значение с приведенным примером имеет для позитивизма и знаменитый вопрос о конечной несводимости основных свойств материи. Эта несводимость — факт опыта, не опровергнутый до сих пор опытными же фактами, хотя и постоянно расшатываемый гипотезами, в пользу которых можно привести постоянно растущее число опытных данных. При таких условиях, а их наличие

ность не отвергнет, конечно, самый сангвинический исследователь темной области, например, термо- или биохимии, — позитивист, оставаясь верным своему философскому знамени, не может не включить в свое мировоззрение и понятия о несводимости некоторых свойств материи, которые, в отличие от сводимых друг на друга, и получают в его терминологии название основных. Но предположим на минуту, что весы опыта наклонились в обратную сторону, что гипотеза тождества приобрела такую степень научной доказательности, при которой уже не она, а противоположное ей мнение явилось бы гипотезой, основанной на известном числе еще не объясненных явлений: *eo ipso*, конечно, позитивное мировоззрение обогатилось бы новым понятием. Только невежество и обычный спутник невежества — недобросовестность, могут обвинять положительную философию в том, что она будто бы, в нынешнем своем виде, является каким-то тормозом на пути успехов положительного знания. Наши противники, очевидно, не отдают себе отчета в глубоком комизме этого обвинения опытной философии в том, что она следует за опытом, а не предшествует ему. И странность такой критики только возрастает из-за обвинения позитивизма в том, что он объявляет себя последней, заключительной фазой философского развития, решительно отказываясь, даже в самом отдаленном будущем, уступить свое место другой философской системе. Противники наши забывают, что только уличаемые опытом, в несоответствии данным опыта, философские системы сходят со сцены, уступая место мировоззрениям, более согласным с реальной действительностью явлений, постепенно раскрываемой наукой. Но, осторожно следуя за опытом и никогда не опережая его, нельзя допустить какое-нибудь разногласие с ним. В этом смысле монизм, например, может смениться более верными философскими взглядами, может уступить место другой системе, основанной на более научной для своего времени гипотезе. Но позитивизм, идущий позади науки, пожалуй, даже отстающий от ее передовых постов — научных гипотез, не может ни сбиться со столь хорошо освещаемого пути, ни увидеть себя в необходимости уступить кому бы то ни было место, найденное им в свое время незамещенным. Ни по другому пути, чем наука, ни впереди ее — вот настоящий позитивизм. Этот девиз мало отвечает обыкновенному идеалу философов. И в этом смысле гораздо рациональнее отрицать у позитивизма всякий философский

характер, чем простирать свое непонимание истинного духа этого учения до предъявления ему упомянутых выше, прямо противоречащих друг другу возражений или обвинений. Позитивизм скорее вовсе не философия (но что же он такое?), чем философия замкнутая и неподвижная, или философия, которая должна, рано или поздно, уступить место новой системе.

Ни по другому пути, чем наука, ни впереди ее — вот лозунг позитивизма, сказали мы сейчас. И действительно, всякое мировоззрение или понимание мира, к какому бы общему типу или классу оно ни принадлежало, будь оно супранатуралистическое, субъективное или объективное, т. е. всякая философия, характеризуется не столько своим содержанием, теми объяснениями общей совокупности явлений, которые такое синтетическое построение в состоянии дать и действительно дает, сколько своим методом, теми способами и приемами, которыми оно отличает истину от заблуждения. Но постоянно снова возникающий вопрос: что такое философия, едва ли не следует отвечать точно так же, как нужно отвечать на однородный вопрос, поставляемый относительно науки. Наука есть не только собрание или совокупность законов или формул, выражающих общие отношения между явлениями известной группы или категории, — она, прежде всего и главным образом, собрание или совокупность известных достоверных способов, испытанных путей или методов к открытию таких отношений, к увеличению и уяснению запаса реального знания. Но и философия есть, главным образом, метод. Это едва ли не самое краткое и точное ее определение. В конечном анализе одна философия отличается от другой направлением, сообщаемым ею уму, стремящемуся объяснить себе природу, человека, их взаимные отношения, словом — мир и его явления. Это лучше всего видно на примере двух занимающих нас философий. Обе считают себя положительными, научными, объективными, обе прямо враждебны всякому супранатурализму и субъективизму. И, несмотря на это, объективизм старого позитивизма радикально расходится с объективизмом новейшего монизма, этой более строго определившейся, научно и философски, формы материализма. Видимым символом раскола стал, как мы знаем, вопрос о сводимости или несводимости некоторых свойств материи, обеими сторонами признаваемых основными в том смысле, что каждое из них отмечает особым образом обширную категорию явлений, которая и изучается, вследствие того, как особая научная область. В этом вопросе непримиримый антагонизм обеих доктрин выразился в самых

резких, недвусмысленных формах, а между тем решение этого вопроса в ту или другую сторону, очевидно, не связано с жизненными интересами ни одной из враждующих сторон. Что же это значит? А просто то, что обе школы разделяет не сам вопрос, а тот путь, по которому каждая следует при его разрешении.

Эта точка зрения — единственно правильная. Она сразу обнаруживает крайнюю бессодержательность, чтобы не сказать более, распространенного обвинения позитивизма в том, что он сознательно уstraняет себя от всякого участия в разрешении целых категорий чрезвычайно важных вопросов, заранее признаваемых им неразрешимыми, принадлежащими к области *непознаваемого*. Это обвинение смешивает следствие с его причиной, результат, и притом чисто отрицательный, известного образа действия с самим образом действия. Возражение, что в философии относительного, какой является позитивизм, нет места для непознаваемого, на том основании, что относительно непознаваемое есть только непознанное — пустая игра слов, на которой не стоит останавливаться, раз мы твердо усвоили себе упомянутую выше точку зрения. Да, мы позволяем себе называть не встреченное еще никогда на известном, точно определяемом и описываемом нами пути, не встречаемым на *этом пути*. Но ведь наши противники очень хорошо знают, что мы отстаиваем только тот путь, по которому идем, а не то, что можно или чего нельзя на нем встретить, и, вероятно, понимают также, что одним грамматическим различением не встреченного от не встречаемого именно на этом пути уже нельзя открыть ровно ничего.

Наука есть путь или указатель пути к истине, философия — также. Всякая философия объясняет мир по-своему. Но готовому объяснению предшествует, как причина следствию, способ объяснения. И этими различными способами и дифференцируются, в конечном анализе, все мировоззрения, все философские системы. Но нет никакого сомнения, что во все эпохи умственного развития человечества оба пути к истине, наука и философия, находились друг к другу в каком-либо определенном отношении. В каком именно — в ответе на этот вопрос заключается единственная, которая может представлять живой интерес для нашего времени, характеристика всякой философии. Но очевидно также, эта очевидность лежит в основании известного закона трех состояний, — что вопрос, поставленный таким образом, допускает только три решения. Или оба пути расходятся вследствие своей диаметральной противоположности (супранатурализм и наука), или оба пути расходятся только вследствие своего параллелизма

(субъективизм и наука), или, наконец, оба пути не расходятся, а совпадают во всех своих точках (объективизм и наука). Вот тройкое отношение, в котором философия может находиться — и, действительно, находилась исторически — к науке. Миропостроение или прямо противоречит данным науки, или создается в более или менее полной независимости от этих данных — в обоих случаях человеческий ум признает существование двух различных путей, ведущих к истине, — или, наконец, само составлено из данных науки — что равносильно признанию только одного пути к истине. Научная философия составляет решение задачи в этом третьем смысле.

Это решение возникало во многих умах ранее Конта, созрело и получило систематическую форму в известном творении Конта, развивается и обосновывается все глубже и многостороннее в настоящее время. И, как всегда бывает, процесс развития сказался на первых же порах антагонизмом, борьбой мнений. В научной философии, только что достигшей господства над умами, обнаружился явный раскол. Мыслители, только что торжественно признавшие единство пути, по которому они собирались идти, сразу разошлись, распались на два лагеря. Различны, по-видимому, были только их мнения; в сущности же различно было, прежде всего, положение, занятое каждым лагерем по отношению к науке, т. е. по отношению к признаваемому ими пути к истине. Оказалось, что и на этом пути можно занять, по крайней мере, два различных положения. Выяснилось, что можно идти впереди науки, задаваясь целью вести ее к новым успехам и новым завоеваниям, можно следовать за наукой, задаваясь несравненно более скромной целью — объединять ее и резюмировать. До подтверждения фактами это двоякое отношение научной философии к науке или, вернее, к ряду основных наук, могло быть предметом догадок, но узаконить и оправдать эти догадки мог только опыт. В настоящее время этот опыт налицо. Переживаемый нами фазис философского развития отличается от всех предшествующих философских эпох именно таким дифференцированием, таким раздвоением научно-философской мысли¹. С одной стороны, мы имеем философию, пола-

¹ Правда, уже прежде и несравненно ранее научной схематизации, предложенной Контом на замену всякой метафизики, неоднократно происходили настоячивые попытки сделать из философии как бы передовой пост собственно научных теорий и положений. Попытки эти — за слуга материализма. В этом смысле материализм и является как бы родоначальником новейших монистических теорий. Но материалистические школы прежнего времени не чуждались и априорного метода, поэтому и должны все-таки признаваться одним из проявлений метафизической мысли. Между тем, современный

гающую свое призвание в том, чтобы руководить науками, *предшествуя* им, расчищая перед ними путь, оживляя и вдохновляя их философскими гипотезами, охватывающими всю совокупность явлений. С другой, — мы имеем философию, руководящую науками, *следуя* за ними. Данная философия объединяет науки, воспринимая в себя их общие результаты и претворяя последние в мировоззрение, которое не только может, но и должно изменяться от времени до времени, так как от него требуется, прежде всего, точное соответствие данному состоянию наших научных знаний.

Будущее решит, заблуждаются ли сторонники философии гипотез — философии, представленной в настоящее время монизмом, или, напротив того, ошибаются сторонники философии точно проверенных общих отношений или законов — философии, представленной позитивизмом школы Конта. Но одно вполне ясно уже теперь: прежде чем примкнуть к тому или другому направлению в научной философии, каждый из нас обязан, так или иначе, разрешить для самого себя вопрос о пригодности или бесполезности в области философии гипотетических построений. Опыт разрешит уже для всех и безапелляционно этот вопрос, первостепенное значение которого бросается в глаза и позволяет нам надеяться, что читатели не посетуют на нас за то, что мы уделили ему так много места и в нашей книге, и в этой заключительной главе.

нам монизм открыто порвал всякую связь с метафизикой, навсегда отказался от употребления субъективного метода, и свои философские гипотезы строит по точному образцу чисто научных гипотез. Поэтому он составляет уже проявление научной мысли, научную философию.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Анаксимандр – 238
 Аристотель – 39, 100, 109, 238, 245, 250
 Бернар К. – 143
 Биша М.Ф.К. – 109, 143
 Бокль Г.Т. – 229, 230
 Боннэ Ш. – 215
 Бэджгот Р. – 64
 Бэкон Ф. – 238, 245
 Бэн А. – 48, 56, 75, 78, 238
 Вико Д. – 245
 Вирхов Р. – 143, 158
 Вольтер – 238
 Вырубов Г.Н. – 140
 ГальваниА. – 58
 Гегель Г.В.Ф. – 107
 Геккель Э. – 225, 226
 Гершель Д. – 120
 Гинрихс – 73
 Гиппократ – 109
 Гоббс Т. – 238
 Гораций – 236
 Д'Аламбер Ж.Б. – 203
 Дарвин Ч. – 111
 Де Витри Г. – 130, 132, 134, 172, 216, 217
 Декарт Р. – 202, 238, 245, 250
 Демокрит – 109, 238
 Десютт-Траси – 203
 Дидеро (Дидро) Д. – 238, 245
 Дюма А. – 58
 Елизавета, королева – 64
 Кант И. – 67, 203, 210
 Кернс Д. – 78, 119, 121
 Кондильяк Э.Б. – 203, 238, 245
 Конт О. – 33, 43, 44, 46, 72, 81, 82, 84-86, 88-93, 95-97, 100, 105-110, 115, 129, 131, 134, 136, 137, 139, 161, 162, 169-172, 174-177, 180-182, 184, 187, 190-193, 199, 200, 202-206, 208, 210-213, 216, 229, 236, 238-240, 244-246, 250, 254, 255
 Кэтле (Кетле) Л.А.Ж. – 245
 Лавуазье А. – 58
 Ламарк Ж.Б. – 185
 Лейбниц Г. – 107
 Литтре Э. – 82, 83, 87, 108, 180, 186, 192-194, 202, 203, 205-207, 238
 Локк Д. – 202-204, 238, 245
 Лукреций – 238
 Льюис Г.Г. – 75, 104, 150, 216, 217, 238
 Мальтус Р.Т. – 122
 Милль Д.С. – 75, 78, 107, 119, 204, 210, 216, 238, 246
 Морелл Д.Д. – 75
 Ньютон И. – 64, 249
 Паскаль Б. – 161
 Пастер Л. – 197
 Прудон П.-Ж. – 76, 77
 Рибо Т. – 158, 231
 Рикардо Д. – 121
 Руссо Ж.-Ж. – 245
 Сей Ж.Б. – 77
 Смит А. – 77, 121
 Спенсер Г. – 43, 44, 46, 75, 77, 78, 81-88, 96, 97, 99-110, 114, 116-118, 129, 131, 153, 185, 211, 220, 239, 244, 250
 Спиноза Б. – 238
 Тиндаль Д. – 103
 ТоричеллиЭ. – 58
 Тюрго А.Р.Ж. – 121
 Уозллес(Уоллес) А.Р. – 111
 Фалес – 100
 Фиск – 129
 Фогельзанг Г. – 73
 Шеффле А. – 77, 159-162, 217, 219

Штейнталь Х. – 227
Эпикур – 238
Эразм Роттердамский – 238
Юэлль У. – 99
Bain A. – 75, 76
Cairnes J. – 119
Comte A. – 82, 131, 133, 135, 136,
169, 176, 184
Lewes G. – 105, 217
Littré É. – 104, 109, 186, 195, 202
Morell J.D. – 75
Murphy J. – 231
Prudhon P.-J. – 76
Ribot T. – 107, 158, 211
Robertis, de E. – 180
Schäffle A. – 161, 223
Spenser H. – 96
Tyndall J. – 103
Whewell W. – 100

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абсолют – 245
 Абстракция – 34, 96, 98, 99, 101, 103, 148, 151, 153, 230
 Абсурд – 66, 69
 Автоморфизм – 228
 Авторитет – 33, 49, 81, 145
 Аксиома – 52, 69, 103, 139, 189, 202, 212
 Алхимики – 179
 Альтруизм – 40, 41
 Анализ – 38, 42, 46, 47, 51, 52, 56, 60, 63, 65, 66, 70, 74, 75, 79, 107, 113, 115, 117, 122, 125, 127, 129, 133-137, 143, 149, 150, 153, 154, 159, 162, 163, 165, 167, 179, 189, 200, 205, 209, 211, 218, 232, 241, 252, 253
 Аналогия – 33, 34, 123, 139, 142, 145-159, 163, 165, 166, 199, 222
 - ложная – 54, 73
 - отвлеченная – 221
 - реальная (трансцендентальная) – 33, 34, 77, 145, 155-157, 159, 162, 164, 165, 167, 198, 211, 243, 250
 Анатомия – 56, 58, 75, 94, 103, 123, 135, 138, 139, 208, 218
 Анахронизм – 110
 Анимизм – 109, 187
 Антиномия – 125
 Антропология – 58, 59, 130, 138, 186, 203, 216
 Априоризм – 77
 Археология – 131
 Ассимиляция – 182, 187, 192
 Ассоциация – 34, 40, 121, 138, 140-143, 148, 158-160, 170, 172, 177, 183, 185, 192, 193, 209, 214, 222, 225-227, 231
 Астрономия – 48-51, 53, 72, 97, 158, 206
 Атом – 56, 139, 147, 148, 227
 Биодинамика – 139
 Биология – 33, 36, 45, 49-51, 54-57, 59, 61, 66, 74, 75, 78-81, 87, 94, 95, 97, 103-106, 108-110, 113-118, 123, 124, 131, 132, 135, 136, 138, 139, 142-145, 158, 165-168, 170-189, 192, 194, 195, 197-200, 202, 204-206, 208, 211, 212, 215, 217, 218, 221, 227, 228, 232-235, 241, 243
 Биостатика – 139
 Биохимия – 249, 251
 Борьба – 45, 174, 214, 244-246, 254
 Ботаника – 55, 56, 59, 60, 72, 216
 Быт – 38, 172
 Бытие – 76, 98, 107, 108, 146, 150, 156, 160, 161, 169, 170, 172-174, 186
 Вещество – 41, 63-65, 67, 68, 72, 73, 146, 149, 153, 160, 202, 225, 245
 Вид – 39, 42, 55, 58, 59, 68, 72, 73, 75, 115, 148, 150, 159, 162, 168, 184, 196, 199, 216, 222, 223, 251
 Витализм – 109, 187
 Воображение – 68, 80

- Восприятие – 47, 48-50, 51, 68, 69, 123, 150-152, 162, 163, 166, 207, 211
- Впечатление – 44, 162-164, 209, 222
- Вселенная – 100, 113, 158, 160, 178, 193, 209
- Вывод – 33, 47, 48, 59, 67, 69, 84, 88, 99, 105, 107, 127, 128, 146, 166, 178, 179, 188, 189, 195-199, 220, 224, 235, 238, 239
- Генезис – 55, 72, 73, 82, 107, 111, 113, 114, 117, 132, 216, 219, 226
- География – 59
- Геология – 61, 72, 78, 97, 105, 113, 218, 221
- Геометрия – 69, 103, 105
- Гипотеза – 33, 34, 41, 42, 63, 64, 68, 70, 74, 84, 94, 96, 107, 111-113, 137, 145-149, 151, 155, 163, 181, 182, 188, 190, 192, 203, 213-217, 219-221, 228, 229, 243, 244, 246, 247, 249-251, 255
- Государство – 186
- Группа – 36, 43, 45, 49-51, 53, 61, 92, 94, 95, 97, 98, 105, 106, 115, 116, 119, 123, 125-127, 132, 133, 135, 143, 146, 147, 150, 156, 163-166, 169, 177-179, 183, 196, 198, 210, 211, 219, 221, 230, 238, 240, 248, 252
- Данные – 37, 38, 81, 85, 89, 90, 92, 130, 139, 150-152, 156, 157, 172, 182, 188, 197, 199, 201, 213, 232, 234, 239, 240, 250, 251, 254
- Движение – 70, 105, 106, 110, 114, 129, 139, 147, 148, 152, 160, 162, 168, 175, 186, 190, 195, 214, 226, 238, 239, 245
- Дедуктивность – 195, 196, 198
- Дедукция – 34, 35, 47, 48, 78, 108, 117, 172, 184, 189, 195, 196, 198-200, 235
- Действительность – 61, 63, 64, 75, 83, 99, 101, 102, 112, 113, 122, 128, 132, 140, 142, 143, 151, 152, 161, 164, 165, 178, 231, 251
- Демография – 59
- Деятельность – 169, 186, 193, 207, 223
- мозговая – 220, 227, 228, 231
 - нервная – 60
 - практическая – 168
 - психическая – 207
 - социальная – 142
 - умозрительная (умственная) – 173, 207
 - физическая – 189
- Дилемма – 201, 209
- Динамика – 94, 135, 137, 139, 140, 172, 183, 241, 242
- Доказательство – 48, 50, 52, 82, 85, 90, 103, 105, 143, 157, 178, 189, 203-206, 213, 222, 224, 227
- Доктрина – 82, 93, 99, 108, 110, 111, 114, 117, 118, 122, 130, 131, 181, 205, 239, 245, 250, 253
- Дух – 83, 174, 175, 184, 187, 212, 214, 217, 219, 220, 229-231, 233, 234, 252
- Жизнь – 40, 42, 43, 49, 56-60, 62, 65-67, 72, 78, 85, 90, 104, 111-113, 117, 123, 126, 130, 135, 145, 148, 150, 159, 161, 164, 169, 170, 174, 175, 179, 187, 191, 197, 199, 204, 207, 209,

- 212, 214, 215, 217, 225, 226, 228, 231, 233, 234, 237, 241, 243, 244, 250
- всемирная – 177
- животная – 161
- индивидуальная – 176, 207, 242
- коллективная – 232, 242
- нравственная – 173
- общественная (социальная) – 38, 160, 201, 207
- органическая – 160, 211
- растительная – 94, 161, 173
- умственная – 173
- человеческая – 130
- Заблуждение – 33, 57, 59, 74, 78, 111, 114, 115, 157, 178, 187, 213, 249, 250, 252
- Задача – 33, 34, 45, 47, 48, 58, 65, 71, 76, 80, 81, 114, 119, 120, 130, 136, 143, 145, 149, 150, 156, 165, 166, 177, 179, 185, 187, 199, 201, 209, 215-217, 232, 236, 238, 240, 242, 245, 248
- Закон – 38, 43, 44-46, 54, 61, 64, 68, 73-76, 78, 83, 85-87, 91-93, 97, 98, 104, 110, 124-126, 133, 134, 136, 139, 145, 146, 150, 154, 155, 157, 160, 168, 172, 188, 190, 195, 197-201, 203, 205, 219, 231, 234, 235, 239, 240, 245, 252, 255
- абстрактный – 129, 133
- биологический – 157, 182, 215, 235
- высший – 184
- гипотетический – 128, 134
- естественный – 45, 54, 70, 223, 239
- жизни – 57, 104, 113, 135, 176, 197, 215, 231
- индивидуальный – 200
- истории – 229, 239
- Канта (трех состояний) – 46, 88-93, 95, 115, 173, 199, 200, 253
- контраста – 219
- математический – 199
- научный – 57
- общий – 50, 51, 53, 58, 63, 103, 128, 129, 133, 134, 136, 139, 140, 166, 174, 198-200, 211, 218, 220, 230, 232, 235, 238, 241
- основной – 53, 137, 170, 173, 231
- природы – 50, 89, 104, 115, 116, 135, 239
- психический (психологический) – 43, 139, 158, 215
- социальный (социологический) – 157, 166, 182, 215, 220, 230, 235
- специальный (специфический) – 106, 116, 199, 221
- теоретический – 127, 166
- ума (умственный) – 229-231
- физический – 199, 229, 230
- химический – 199
- эмпирический – 42, 51, 166, 199, 200, 235
- Знак – 41, 163, 164, 214, 227
- Знание – 37, 42, 44, 47-50, 54-56, 63, 66, 68-70, 78, 82, 84, 85, 89-96, 100, 104, 109, 112, 113, 115, 117, 120, 122, 126, 127, 136, 143, 146, 152, 163-167, 169, 171, 174-175, 177-181, 183, 187, 190, 196, 199, 200, 203, 204, 207, 209, 210, 212, 214, 216, 217, 222, 229, 232, 233, 237-239, 243, 247-249, 255

- абстрактное – 60, 64, 70, 72, 205, 215, 236, 240
- биологическое – 58, 176, 243
- гипотетическое – 125
- дедуктивное – 195
- конкретное – 55, 61, 62, 64, 70, 72, 73, 205, 232, 236, 239, 240
- математическое – 103
- метэмпирическое – 164
- научное – 255
- общее – 201
- описательное – 36, 56, 239, 240
- органическое – 176
- отвлеченное – 33, 36, 60, 193, 215
- положительное – 135, 239, 251
- практическое – 39
- психологическое – 216, 243
- рациональное – 76
- реальное – 252
- социальное (социологическое) – 47, 122, 123, 130, 131
- специализированное (специальное) – 92, 120
- теоретическое – 239
- человеческое – 35, 56, 89, 91, 92, 98, 104, 113, 118, 122-125, 145, 160, 169, 180, 181, 195, 206, 212, 236, 237, 244, 248
- Зоология – 55, 56, 59, 60, 72, 178, 216
- Идеал – 68, 139, 215, 247, 252
- Идеализация – 50, 54, 55, 98
- Идея – 33, 64, 67, 78, 87, 95, 110-112, 117, 122, 131, 140, 146, 150, 158, 159, 170, 177, 187, 194, 200, 202, 203, 206, 207, 211, 214, 219, 222, 224, 228, 229, 231, 245
- Идеология – 203, 206
- Иерархия – 110, 170, 173, 180, 207, 209, 210, 237
- Изучение – 65, 66, 71-73, 79, 87, 99, 123, 125, 128-131, 134-136, 140, 144, 145, 158, 165, 168, 170, 171, 173, 176, 179, 197, 199, 202, 208, 209, 211, 215, 217, 218, 230, 233, 239, 241, 243
- Иллюзия – 60, 117, 131, 157, 191, 228
- Индивид – 56, 144, 172, 199, 209, 216, 219, 222-225, 227, 231, 243
- Индивидуализация – 160, 227, 242
- Индукция – 34, 35, 47, 48, 61, 190, 191, 195, 199, 200
- Инстинкт – 40, 185
- Интерес – 37, 38, 81, 96, 120, 214, 253
- Интроспекция – 211
- Искусство – 45, 76, 165, 177, 214, 228
- Исследование – 34-36, 39, 46-49, 51-53, 58, 62, 64-67, 69, 71-75, 78, 79, 95, 96, 99, 100, 113-116, 120, 123-125, 128, 129, 131, 133-136, 138-141, 143-146, 155-158, 164, 171, 173, 176, 179, 180, 183, 187-189, 195, 198, 201, 204, 208-210, 214, 216-218, 228, 233, 234, 237, 238, 241-243, 247, 249
- биологическое – 182
- конкретное – 71, 133, 134, 215, 216, 218, 219, 232
- логическое – 50
- научное – 93, 99, 113, 120, 175, 184, 202, 217
- опытное – 239

- подготовительное – 134, 141
- психологическое – 201, 202, 216, 233, 234
- психофизиологическое (психофизическое) – 232, 233
- реальное – 99
- социальное (социологическое) – 47, 106, 130, 132, 133, 172, 183, 197, 201, 214, 232, 240, 242
- эмпирическое – 150
- Истина – 33, 34, 47, 48, 56, 58, 76, 84, 89, 97, 102, 104, 105, 111, 114, 115, 196, 213, 216, 223, 234, 236, 247, 249, 252-254
- История – 39, 55, 59, 85, 99, 122, 129-132, 135, 138, 140, 142, 143, 188, 193, 194, 206, 208, 214, 224, 229, 231, 232, 239, 244, 245, 249
- всемирная – 132
- естественная – 36, 55, 58, 72, 75, 77, 79, 80, 94, 103, 122, 127-130, 132, 134-136, 138, 140, 141, 241, 242
- философии – 67, 110
- Кинематика – 105
- Класс – 97, 104, 138, 140, 252
- Классификация – 34, 36, 37, 49, 51-53, 55-59, 74, 79, 81-83, 88, 91, 92, 94, 96, 97, 100, 105, 106, 113, 118, 120-122, 128, 130, 132, 133, 137, 138, 140-143, 154, 164, 170, 180, 182, 196, 212, 236, 240, 242
- междуднаучная – 92, 93
- наук – 43, 50, 65, 67, 81-83, 96, 142, 152, 178, 180, 181, 236, 239
- рациональная – 55, 234, 242
- фактов (явлений) – 51, 79, 119, 166
- Концепт – 146, 151, 152, 177
- Концепция – 43, 82, 85, 98, 110, 238
- Космология – 160
- Космос – 107, 250
- Критерии – 45, 60, 67, 220, 224, 226
- Критика – 81, 84, 86, 96, 104, 105, 129, 156, 246, 251
- Критицизм – 246
- Культура – 119
- Литература – 37, 244
- Личность – 219, 223, 225, 228
- Логика – 35, 48, 50, 56, 64, 67, 69, 85, 97, 98, 105, 110, 111, 149, 157, 183, 212, 213, 224, 228
- Люди – 37, 41, 130, 179, 181, 194, 203
- Масса – 33, 37, 65, 66, 70, 79, 94, 122, 134, 139, 147, 188, 190, 199, 228, 232, 234, 236
- Математика – 35, 48, 50, 51, 67-70, 78, 93, 97, 98, 103-106, 115, 118, 124, 139, 149, 157, 174, 206
- Материал – 37, 38, 42, 46, 51, 56, 60, 76, 98, 128, 131, 134, 137, 143, 183, 218, 247
- биологический – 186
- науки (научный) – 55, 56, 58, 232
- социологический – 36, 42, 142
- Материализм – 247, 248, 252, 255
- Материалисты – 249
- Материя – 40, 63, 65, 70-72, 78, 86, 90, 93-95, 106, 108, 109, 111, 112, 114, 116, 124, 145-147, 150, 151, 153, 155, 156, 158, 160-162, 165, 166, 168, 181, 187, 202, 207, 213, 220, 225, 246, 249-252

- Медицина – 46, 123
- Мезология – 142, 144
- Метаморфоза – 111, 112
- Метафизика – 67, 110-114, 131, 166, 175, 179, 202, 203, 244-247, 249, 254, 255
- Метеорология – 72, 73, 105, 221
- Метод – 34-36, 47-50, 52, 55, 58, 62, 74, 79, 84, 85, 87, 88, 93, 100, 101, 106, 107, 113, 115-117, 119, 126, 129, 133, 140, 143, 145, 155, 156, 171, 175, 185, 189, 207, 216, 224, 234, 237, 238, 242, 243, 252
 - аналогический – 157, 222
 - апостериорный – 63
 - априорный (apriori) – 67, 112, 237, 255
 - биологический – 54
 - дедуктивный – 78, 202
 - индуктивный – 84
 - истинный – 77
 - исторический – 143
 - количественный – 131
 - логический – 35, 36, 47, 95, 228
 - ложный – 77, 114
 - математический – 199
 - научный – 49, 54, 156, 181, 230, 236, 238
 - объективный – 34
 - описательный – 75, 77, 122, 140, 234, 238
 - отвлеченно-рассудочный – 189
 - позитивный – 180
 - рациональный – 113
 - социологический – 54
 - специальный – 35, 36, 42, 48, 51, 145
 - статистический – 143
 - субъективный – 34, 255
 - философский – 181
 - экспериментальный – 70, 117, 131, 237-239
- Методология – 50, 85, 237
- Механика – 51, 52, 61, 70, 72, 74, 78, 94, 97, 104, 105, 110, 113, 115, 126, 139, 158, 177, 222
- Минералогия – 72
- Мир – , 100, 115, 117, 161, 174, 177, 203, 229, 231, 246, 252
 - идеальный (субъективный) – 177
 - неорганический – 50, 58, 72, 73, 78, 114, 115, 139, 161, 170, 173, 211, 231, 233
 - объективный (реальный) – 34, 61, 104, 163, 177, 215
 - органический – 50, 56, 75, 117, 139, 160, 161, 168, 187, 221, 238
 - психический (психологический) – 222, 223
 - сверхъестественный – 202
 - социальный – 38, 136, 139, 160, 161, 223, 233
 - субъективный – 126
 - ученый – 131, 145
- Мировоззрение – 111, 255, 239, 251-253, 255
- Мирозозерцание – 111, 208, 209
- Мнение – 34, 36, 39, 46, 48, 55, 57, 59, 66, 67, 74, 77, 90, 96, 107, 108, 116, 120, 123, 128, 132, 134, 140, 150, 159-162, 170-172, 174, 176, 177, 187, 192, 204, 207, 209, 216, 217, 222, 224, 226, 249, 251, 254
- Монизм – 111, 244, 245, 251, 252, 255
- Морфология – 132, 139

- Мыслители – 33, 77, 78, 86, 101, 107, 132, 176, 179, 181, 192, 236, 254
- Мысль – 43, 45, 57, 59, 64, 83, 85, 87, 106, 110, 111, 115, 126, 132, 133, 157-159, 162, 175, 187, 189, 191, 200, 206, 210, 214-216, 218, 221, 227-229, 231
- метафизическая – 255
 - научная – 58, 64, 237, 255
 - научно-философская – 254
 - современная – 244
 - субъективная – 177
 - философская – 243
- Мышление – 64, 85, 87, 88, 100, 101, 113, 131, 139, 145, 151, 174-176, 179, 181, 182, 187, 203, 213, 237, 244
- Наблюдение – 34, 37, 38, 42, 46-48, 50-55, 58, 65, 69, 70, 74, 77, 79, 80, 85, 88, 89, 94, 117, 131, 133, 137, 143, 152, 164, 168, 176, 186, 187, 189-191, 195, 197, 200, 210, 234, 237, 242, 247
- Наведение – 47, 59
- Народ (народность) – 37, 40, 44, 130, 134, 135, 140, 219, 224, 238
- Наследственность – 194, 209, 243
- Наука – 33-37, 42-49, 51-55, 57-61, 63-65, 67-70, 72-76, 78, 79, 81-86, 88-98, 104-106, 109-118, 121-125-127, 129-132, 135-137, 139, 141-143, 145, 146, 148, 152, 154-156, 158, 159, 161-171, 173-183, 185-189, 192, 194-197, 199, 200, 202-206, 208-217, 219, 221, 226, 228, 232-244, 246-255
- абстрактная – 33, 55-57, 60, 62, 67, 68, 70-72, 81, 97, 98, 103, 104, 107, 108, 111, 113, 115-119, 133-135, 140, 178, 196-198, 201, 211, 212, 215, 216, 218, 219, 226, 228, 232-234, 236-238, 240-242
 - абстрактно-конкретная – 78, 98, 118
 - биологическая – 132, 169
 - дедуктивная – 117, 190, 233
 - естественная – 42, 56, 75, 78-80, 122, 127-129, 133, 134, 136, 138, 140, 141, 241, 242
 - индуктивная – 99, 211, 233
 - конкретная – 33, 47, 49, 54-56, 59, 61-63, 66, 67, 70-73, 78, 98, 116-118, 134, 135, 178, 196-198, 215-217, 219, 221, 226, 228, 232, 234-238, 240, 242
 - неорганическая – 36, 42, 43, 57, 168, 169, 175
 - новая – 33, 34, 46, 73, 90, 123, 131, 134, 142, 172, 183, 200, 213
 - нравственная – 131
 - общая – 156
 - общественная – 39, 42, 49, 51, 74, 76, 143, 145, 166, 232, 245
 - описательная – 36, 47, 49, 50, 54, 59, 60, 70, 73-75, 116, 123, 126, 127, 132, 133, 135, 139, 190, 232, 240, 241
 - опытная – 33, 123
 - органическая – 49, 104, 161, 168, 169
 - отвлеченная – 43, 44, 49, 55, 57-63, 66-73, 74, 78, 88, 90, 123, 176, 180, 196, 198, 213, 216, 217, 220, 221, 232, 233, 238, 240, 241

- политическая – 131
- положительная – 64, 120, 126, 229
- прикладная – 116, 211, 216
- психологическая – 210
- современная – 155, 250
- социальная – 33, 35, 42, 76-78, 81, 94, 122, 129-131, 136-138, 143, 145, 158, 161, 162, 169, 177, 184, 186, 187, 189, 190, 192, 195, 197, 212, 217, 227, 231, 242, 243
- специальная – 149, 179, 195, 218
- точная – 115, 244, 247
- физическая – 120
- частная – 119, 156, 249, 250
- экономическая – 161
- экспериментальная – 49, 117, 126, 240
- юридическая – 39
- Нация – 193
- Начало – 38, 39, 44, 46, 50, 56, 65, 76, 83, 84, 86, 105, 108-110, 117, 122, 137, 139, 149, 173, 176, 179-182, 184, 195, 196, 198, 203-207, 230, 232, 236, 239, 243
- Неведение (невежество) – 175, 176, 251
- Неврология – 217
- Неопозитивизм – 246
- Непознаваемое – 112, 223, 253
- Нравственность – 38-41, 206
- Нравы – 130, 131
- Обобщение – 34, 37, 47, 48, 52, 55, 56, 89, 95, 103, 104, 127, 128, 132, 133, 136, 141, 146-148, 150-152, 156, 157, 163, 179, 180, 183, 199, 202, 247
- Обоснование – 44, 82, 89, 96, 109, 152, 204, 206, 250

- Общественность – 41, 42, 65-67, 78, 112, 154, 216, 228, 239, 241
- Общество – 33, 36-42, 46, 49, 58, 66, 67, 73, 74, 76, 77, 79, 80, 94, 106, 115, 117, 121-123, 126, 130, 132-141, 145, 148, 158, 159, 161, 162, 171, 183, 185, 186, 188, 192-194, 198, 219, 222-225, 227-229, 232-234, 241, 242
- первобытное – 45, 223
- современное – 138
- социологическое – 140
- Обществоведение (обществознание) – 37, 78, 81, 232, 245
- Общность – 48, 49, 81-87, 94, 98, 102, 105, 116, 153, 160, 162, 164, 171, 173, 200, 241, 242
- Обычаи – 38, 77, 131
- Объект – 44, 47, 66, 69, 92, 96, 98, 158, 163, 206, 207, 210, 212, 233, 234, 246, 247
- Объективизм – 252, 254
- Объяснение – 43, 61, 69, 75, 76, 87-89, 98, 102, 105, 109, 114, 119, 122, 124, 126, 131, 132, 134, 152, 184, 185, 187, 189-191, 197, 212, 219, 223, 229, 232, 239, 252, 253
- Описание – 51-53, 56-59, 70, 74, 77, 79, 108, 116, 117, 121, 122, 127, 134, 143, 144, 247
- аналитическое – 36, 42, 79
- дедуктивное – 235
- индуктивное – 234
- монографическое – 241
- научное – 49, 50, 52, 54, 74, 122, 126, 200, 237, 238
- синоптическое – 138, 143
- социологическое – 138

- специальное – 139
- Определение – 34, 43, 45, 49, 55, 62, 63, 70, 101, 111, 116, 119, 120, 121, 124, 129, 150, 153, 160, 161, 174, 182, 196, 242, 252
- Опыт – 43, 47, 49-54, 58, 63, 74, 76, 79, 94, 107, 108, 117, 119, 121, 137, 138, 141, 147-152, 155, 159, 164, 166, 180-182, 185, 186, 189, 191, 195, 197, 202, 213, 215, 226, 230, 236, 237, 247, 248, 250, 251, 254, 255
- Орган – 43, 56, 65, 87, 135, 142-144, 208, 215, 225
- Организация – 38, 39, 42, 75, 104, 129, 137, 151, 158, 217, 231
- Организм – 39-41, 45, 67, 112, 121, 139, 169, 170, 184, 198, 208, 225
- животный – 185, 217
- индивидуальный – 168, 172, 190, 191, 193
- коллективный – 168, 172, 190
- микроскопический – 197
- общественный – 41, 138
- социальный – 139, 142, 187, 217
- Остеология – 104
- Отвлечение – 49, 50, 54, 63, 89, 96, 99, 104, 116, 128, 134, 153, 159, 163, 164, 178, 247, 250
- Открытие – 50, 58, 63-65, 66, 109, 123, 127, 128, 134, 137, 155, 195, 199, 205, 229, 235, 236, 241, 247, 249, 250, 252
- Относительное (относительность) – 204, 245, 253
- Отношение – 35, 36, 38, 43-46, 51, 52, 60, 63-72, 74, 75, 77, 83, 93, 95, 98-100, 116, 120, 135, 138, 139, 141, 142, 144-146, 148, 150, 153-159, 162, 163, 165-167, 171, 175, 176, 178, 182, 193, 197, 198, 201, 207, 213, 220, 221, 224, 226, 228, 231, 233, 234, 236, 238, 239, 241-243, 245, 248, 250, 252, 253, 255
- Ошибка – 33, 34, 74, 78, 94, 100, 117, 118, 127, 128, 134, 157, 159, 174, 179, 212, 213
- Ощущение – 45, 151, 158, 163, 209, 211
- Палеонтология – 58, 143
- Пантеизм – 111
- Патология – 94, 138, 139, 208, 218
- Период – 44, 76, 103, 108, 117, 120, 124, 139, 165, 244
- Проверка – 34, 47, 51, 63, 74, 84, 85, 129, 166, 224, 235, 248, 249
- Позитивизм – 181, 211, 238, 239, 244-246, 248, 250-253, 255
- Позитивисты – 94, 102, 104, 107-109, 113, 129, 140, 202, 210, 240, 246, 249
- Познаваемое – 245
- Познавание – 82, 96, 133, 149, 168, 178, 210, 211, 243, 246
- Познание – 61, 67, 71, 75, 77, 93, 95, 114, 128, 134, 150, 157, 164, 168, 173, 188, 207, 210, 212, 215, 218, 231, 234, 236, 237
- Поколение – 191-193
- Полемика – 83, 86, 107, 202
- Политика – 45, 46, 59, 130, 138, 175, 206, 231
- Понимание – 132, 173, 184, 223, 238, 252
- Понятие – 36, 40, 55, 63, 68, 72, 75, 82, 84-87, 89, 91, 96, 97, 99-102, 104, 109, 112, 130, 136,

- 143, 147, 153, 158-160, 163, 164, 166, 168-170, 172, 179, 192, 193, 197, 200, 203, 204, 207, 209, 212, 213, 218, 219, 222, 251
- Порядок – 34, 43, 44, 52, 72, 74, 81, 85, 88, 89, 96, 107, 115, 128, 130, 131, 145, 146, 152, 153, 155, 165, 166, 170, 172, 175, 179, 184, 186, 190, 193, 198, 215, 218, 219, 225, 228, 234, 236
- биологический(жизни) – 58, 176, 201, 209, 226, 227
 - вещей (явлений) – 58, 85, 130, 134, 139, 160, 177, 189, 198, 201, 209, 222, 227, 234, 240
 - высокий (высший) – 52, 157, 158, 163
 - естественный – 80
 - идей – 87, 95, 150, 194, 224, 228, 229
 - иерархический – 65, 82, 206
 - логический – 117
 - науки (научный) – 89
 - общества (общественный) – 37, 58, 226
 - сверхорганический – 221
 - свойств – 85, 219
 - социологический – 198, 226
- Потребность – 193
- Право – 38-41, 46, 49, 59, 63, 68, 73, 77, 91, 96, 97, 106, 107, 115, 122, 128, 130, 140, 151, 161, 196, 203, 206, 211, 228, 232, 237, 238, 247, 249
- Правоведение – 138
- Практика – 35, 59, 73, 84, 106, 137, 235, 239-241
- Предмет – 44, 46, 61, 66, 68, 69, 71, 72-74, 87, 90, 98-100, 102, 114, 115, 117, 119, 121, 122, 124, 128, 130, 133, 136, 143, 145, 147, 148, 150-153, 157-162, 168, 179, 188, 189, 200, 201, 203, 209, 211-213, 217, 218, 227, 233, 234, 236, 239, 241, 249, 254
- Предположение – 34, 42, 73, 86, 89, 100, 145, 163, 181, 182, 187, 188, 196, 201, 213, 214, 229, 248, 249
- Предрассудки – 114, 137
- Представление – 34, 40, 47, 55, 60, 64, 66, 68, 88, 99, 100, 151, 152, 161, 163, 170, 175, 176, 179, 181, 185, 188, 191, 192, 194, 196, 218, 223, 229, 231, 239, 245
- Преподавание – 57, 193, 198, 212, 244
- Принцип – 82, 83, 94, 100, 109, 113, 114, 136, 137, 152, 155, 180, 181, 185, 202, 203, 211, 212, 231, 250
- Природа – 35, 37, 38, 43, 50, 52, 58, 59, 62, 64, 67, 69-71, 82, 83, 86, 89, 92, 95, 97, 98, 100, 103, 104, 107, 110, 112, 115, 116, 125, 135, 141, 146-149, 151, 154-156, 159, 160, 162, 164, 165, 172, 173, 177-179, 182, 183, 185, 189, 193, 194, 201-208, 211, 216, 220, 224, 225, 227, 231-233, 238, 239, 243, 245, 246, 252
- Причина – 38, 40, 41, 43, 47, 50, 53, 54, 58, 59, 64-66, 68, 71, 72, 75, 78, 79, 89, 90, 92, 93, 111, 115,

- 120, 124-128, 132, 139, 140, 143, 149, 151, 162, 165, 166, 174-176, 188, 189, 194, 199, 200, 211, 214, 217, 219, 221-223, 230, 241, 242, 253
- Прогресс – 76, 82, 84, 88, 95, 107, 125, 142, 155, 174, 175, 185, 186, 217, 238, 249
- Производство – 36, 53, 54, 58, 77, 130
- Процесс – 34, 48, 50, 53, 64, 73, 74, 98, 99, 104, 108, 116, 120, 122, 148, 149, 156, 166, 178, 185, 186, 197, 203, 209, 211, 227, 241, 249
- ассимиляции – 187
 - биологический (жизненный) – 167, 199, 207, 219, 221
 - генетический(генеративный) – 71, 243
 - дифференцирующий – 241
 - исследования – 237
 - научный – 51, 64, 65, 117
 - общественный (социальный) – 39, 219
 - психический – 216, 222, 224
 - развития – 254
 - умственный (мыслительный) – 34, 85, 157, 246
 - физико-химический – 148
 - химический – 189
 - эволюции – 188
- Психология – 34, 37, 40, 42, 45, 75, 76, 78, 81, 90, 97, 105, 130, 131, 145, 158, 166, 187, 199, 201-217, 221, 222, 226, 228, 229, 231, 232, 235, 243, 246
- Психофизика – 243
- Работа – 35, 49-52, 75, 76, 79, 88, 122, 137, 142, 154, 240, 243, 249
- Развитие – 33-36, 40, 41, 43, 44, 48, 50, 51, 55, 71-76, 83, 85, 88, 91, 93-96, 99-101, 103, 107, 109, 115, 117, 118, 121, 125, 128, 131-137, 139, 143, 148, 173, 192, 193, 204, 207, 209, 215, 219, 229, 231, 237, 238, 241-244, 250, 254
- жизни – 170
 - знания – 84, 85, 89, 95
 - индивидуальное – 200
 - исследований – 240
 - коллективное – 173
 - науки (научное) – 46, 73, 77, 82, 87, 93, 120, 122, 124, 137, 141, 145, 165, 195, 238, 239
 - общества (общественное) –
 - психическое – 200, 215
 - социологии (социологическое) – 172, 184, 214, 217
 - умственное – 253
 - учения – 203
 - философское – 251, 254
- Разум – 155, 175, 204, 209, 217, 240
- Раса – 130, 140, 184, 185, 194, 195, 209
- Рациональность – 136, 175, 200
- Реакция – 110, 189, 193, 239, 240, 245
- Реальность – 76, 97, 103, 104, 111, 113, 133, 134
- Результат – 34, 38, 43, 46, 54, 56, 57, 61-63, 69, 70, 77, 79, 81, 84, 95, 99, 106-108, 116, 125, 131, 133, 137, 155, 162, 166, 171, 176, 178, 180, 181, 183, 188-190, 192, 194, 195, 197, 199, 209,

- 214, 215, 217, 219, 221, 223, 224, 226, 228-230, 234, 236, 237, 240, 243, 246, 248, 250, 253, 255
- Религия – 131, 186, 193, 217
- Род – 50, 61-63, 70, 72, 77, 87, 104, 105, 110, 120, 121, 143, 151, 160, 171, 172, 181, 189, 192, 196, 199, 200, 217, 223, 227-229
- Свойства – 39, 41, 52, 59-72, 77, 78, 85-87, 90, 96, 101, 102, 108, 109, 111, 113, 114, 116, 120, 124, 146, 147-156, 158, 159, 165, 166, 168, 177, 181-183, 194, 199, 202, 213, 214, 217-219, 225, 230, 233, 235, 240, 242, 245, 246, 250, 251
- биологические – 108, 202
 - естественные – 65, 124, 154, 219, 226, 229
 - жизненные (жизни) – 65, 111, 147, 156, 164, 176, 181, 209, 225, 250
 - количественные (математические) – 65, 108
 - наследственные – 40
 - новые – 90, 95, 108, 116
 - психические – 219, 226, 227
 - общие – 102
 - основные – 59, 60, 71, 72, 93, 146, 162, 235, 249, 251, 252
 - социальные – 108, 111, 147, 156, 158, 159, 164, 176, 181, 219
 - специальные (специфические) – 111, 146, 155, 181, 225
 - существенные – 96
 - физические – 65, 106, 108, 112, 113, 147, 148, 156, 162, 189, 218
 - химические – 65, 66, 106, 108, 112, 113, 147, 156, 164, 218
 - элементарные – 100
- Семейство (семья) – 140, 193
- Сенсуалисты – 239
- Сила – 53, 68, 77, 93-95, 98, 108-110, 112, 121, 141, 145-147, 150, 151, 155, 156, 158, 160, 177, 187, 188, 193, 214, 218-221, 228, 229, 245, 248-250
- Символ – 159-161, 214, 252
- Синопизм – 124, 127, 136, 241
- Синтез – 38, 56, 59-62, 72, 73, 117, 150, 165, 216
- Система – 76, 107, 111, 123, 137, 138, 140, 173, 187, 204, 219, 245, 251, 252
- знаков – 227
 - метафизическая – 33, 111, 249
 - монистическая – 244
 - нервная – 97, 102, 103, 208
 - органическая (органов) – 170, 225
 - правительственная – 222
 - философа (философская) – 107, 180, 246, 251, 253
- Систематизация – 92, 122, 211, 239
- Скептицизм – 246
- Смысл – 42, 47, 52, 56, 75, 78, 87, 95, 99, 101, 104, 124, 126, 143, 147, 160, 171, 172, 177, 196, 206, 210, 212, 215, 216, 218, 219, 221, 228, 230, 238, 239, 243, 247, 250, 251, 253, 254
- Сознание – 33, 36, 39, 43, 44, 48, 123, 138, 149, 151-153, 168, 217, 219, 222, 238
- Сомнение – 48, 51, 73, 86, 107, 115, 135, 209, 220, 222, 246, 253
- Социологи – 38, 106, 238, 243

- Социология – 33, 34, 36, 37, 45-47, 49, 50, 54, 59, 66, 68, 73-81, 92-97, 104-106, 108, 114-119, 121-123, 129-136, 138-145, 159, 160, 162, 165-168, 170-173, 175-178, 180-188, 191, 192, 195, 198, 200, 201, 211-217, 221, 222, 228-236, 238, 240-243, 245
- Союз – 41, 67, 121, 138, 171, 187, 214, 225-227
- Софизм – 83, 100
- Специализация – 122, 128, 132, 133, 135, 217, 241
- Специалисты – 165, 179, 180
- Специальность – 123, 135, 175, 232, 241, 248
- Сравнение – 131
- Статика – 94, 135, 137, 139, 140, 172, 183, 242
- Статистика – 59, 131, 142, 143
- Стратификация – 140
- Структура – 94, 137-140, 217, 225, 227, 233
- Субстанция – 73, 146, 150, 207
- Субстрат – 146, 202, 207, 240, 242
- Субъект – 96, 113, 126, 206, 207, 209, 210, 212, 214, 234, 246, 247
- Субъективизм – 252, 254
- Суждение – 34, 188, 189, 237
- Супранатурализм – 131, 252, 254
- Сущность – 50, 62, 83, 84, 92, 95, 112, 113, 116, 126, 149, 150, 152, 154, 166, 173, 176, 181, 182, 187, 188, 192, 199, 203, 210, 213, 215, 222, 229, 230, 231, 245, 250, 254
- Теорема – 93, 103
- Теория – 35, 41, 42, 46, 57, 58, 67, 72, 73, 76, 88, 89, 103, 109, 110, 135, 137, 147, 151, 152, 157, 159, 178, 184-186, 195, 197, 201, 206, 212, 217, 220, 222, 226, 231, 235, 236, 238, 239, 242, 245, 250, 254, 255
- биологическая – 176, 184
 - движения – 105, 106
 - историческая – 204
 - космоса – 250
 - ложная – 67
 - мозга (мозговых устройств) – 205, 243
 - науки (научная) – 71, 217, 236, 242
 - общая – 145, 235, 240
 - познания – 210, 246
 - полу-знания – 126
 - причинности – 203
 - развития – 84, 143
 - социальная (социологическая) – 38, 184
 - стратификации – 140
 - теплоты – 249
 - унитарная – 148, 152
 - химическая – 145
 - эволюции – 85, 86
 - эквивалентности – 147
- Терминология – 63, 112, 120, 159, 164, 214, 222, 225, 251
- Термохимия – 249, 251
- Тип – 56, 61, 68, 72, 102, 103, 112, 121, 132, 133, 142, 149, 170, 196, 212, 227, 229, 247, 252
- Традиция – 57, 79, 192, 214
- Трансформизм – 151
- Труд – 53, 95, 111, 114, 118, 120, 122, 133, 152, 179, 180, 206, 208, 240, 241

- (в значении сочинения) – 73, 75, 77, 81, 109, 127, 177, 196, 234, 236, 244
- научный – 52, 79, 91, 142, 155
- Ум – 34, 35, 44, 52, 53, 55-57, 60, 63, 64, 73, 74, 77, 80, 82, 86, 87, 92, 95, 96, 99, 100, 102, 105, 108, 110, 111, 115, 119-121, 125, 127, 128, 146-152, 157-159, 163, 164, 166, 174, 176, 177, 179, 184, 185, 187-189, 191, 196, 198, 199, 213, 228, 231, 238, 240, 245, 246, 248, 250, 252, 254
- Умозаключение – 34, 84, 195
- Умозрение – 112, 115, 174, 175, 245
- Условия – 35, 40, 44, 51, 54, 58, 62, 67, 69, 71, 72, 74, 78, 82, 91, 95, 113, 116, 120, 122, 129, 130, 135, 150, 169, 175, 177, 178, 182-184, 189, 191, 192, 195, 197, 206, 207, 210, 214, 215, 220, 228, 230-233, 235, 236, 237, 240, 242, 243, 247
- Учение – 88, 99, 105, 107, 111, 114, 124, 130, 131, 138, 141, 142, 145-147, 159, 181, 184, 203, 205, 206, 217, 218, 248, 252
- Ученые – 33, 68, 75, 81, 111, 113, 136, 143, 151, 158-161, 175, 180, 223, 231
- Фактор – 61, 62, 98, 172, 182, 186, 187, 191, 192, 201, 214-217, 221, 223, 224, 226-230
- Факты – 37-40, 42, 43, 45-47, 58, 59, 61, 63-65, 76, 79, 85-90, 92, 94, 99, 100, 102, 105, 106, 108-112, 119-122, 125-127, 132, 136, 137, 139, 141, 142, 147, 150, 152, 155, 162, 164, 165, 170, 179, 183, 184, 186, 187, 190, 192, 195, 198, 211-214, 219, 221, 222, 226-228, 230, 231, 235, 238-240, 242, 250, 254
- естественные – 160, 177
- исторические – 190
- общественные (социальные) – 37, 42, 43, 78, 79, 88, 123, 160, 162, 184, 187, 188, 191, 220, 223, 230
- психические (психологические) – 42, 188, 201, 209, 214, 218, 221, 222, 230, 231
- социологические – 191, 193, 197, 220
- физические – 111
- химические – 111
- экономические – 94
- Феномен – 97
- Фетишизм – , 194
- Физика – 35, 45, 49, 51, 53, 58, 59, 61, 69, 72, 73, 94, 97, 105, 106, 109, 113, 115, 117, 118, 126, 136, 158, 174, 177, 187, 199, 206, 222
- Физиология – 56, 58, 94, 123, 132, 138, 139, 202-209, 216-218, 228, 231, 237
- Филиация – 171, 190, 192
- Философия – 36, 67, 68, 86, 90, 92, 99, 100, 108, 111, 114, 145, 147-149, 156, 157, 179, 180, 201-206, 208, 210, 211, 236, 243-250, 252, 253, 255
- гипотетическая – 249
- естественная – 100
- истинная – 185, 206
- истории – 59, 135

- науки (научная) – 36, 149, 210, 236, 239, 240, 244-248, 252, 254, 255
- новая – 104, 180
- объективная – 208, 209, 243, 245-248, 252
- опыта (опытная) – 250, 251
- органическая – 172
- отвлеченная – 175
- позитивная (положительная) – 81, 86, 96, 105, 108, 114, 119, 130, 134, 161, 162, 165, 169, 171, 177, 178, 180, 181, 201, 204, 206, 210, 247, 251, 252
- практическая – 45
- социологии – 236, 242
- субъективная – 243, 244, 246, 247
- тождества – 92
- Философствование – 99, 154
- Философы – 37, 67, 81-83, 86, 87, 90, 96, 100-102, 107, 111, 114, 115, 117, 147, 153, 178, 180, 211, 228, 243, 246, 247, 252
- Форма – 34, 36, 51, 56, 57, 67, 73, 97, 98, 103, 110, 121, 122, 134, 138, 142, 147-149, 151, 152, 155, 157, 158, 160, 162, 166, 168, 172, 173, 177, 185-187, 190, 197, 199, 203, 204, 209, 210, 222, 227, 234, 237, 238, 244, 253, 254
- Формула – 37, 41, 43-45, 73, 84, 85, 129, 151, 157, 161, 192, 196, 198, 199, 239, 252
- Функция – 34, 94, 105, 137-139, 142, 144, 207, 215, 227, 233, 249
- Хаос – 125, 128, 130, 137, 216, 236
- Характер – 50, 54-58, 74, 75, 79, 93, 104, 105, 109, 134, 143, 171, 172, 175, 177, 182, 189, 192-194, 200, 204, 205, 211, 220, 230-232, 236, 243, 244
- абстрактный (отвлеченный) – 47, 49, 110, 116, 133, 197, 242
- дедуктивный – 35, 200
- истинный – 49, 77, 104, 170, 210, 212
- конкретности (конкретный) – 55, 70, 116, 117, 197, 217
- науки (научный) – 33, 47, 49, 55, 69, 70, 75, 78, 190, 202, 238
- нормальный – 130
- общий – 87, 199
- описательный – 47, 57, 216
- опытный (экспериментальный) – 68
- прогрессивный – 183, 238
- рациональности (рациональный) – 136, 186
- реальный – 192
- символический – 157
- синоптический – 136, 241
- смешанный – 197, 198, 217, 232
- софистический – 159
- социальный (социологический) – 172, 219
- специфический – 179, 191
- существенный – 129, 173
- схоластический – 39
- теоретический – 116
- физический – 160
- философский – 202, 252
- формальный – 156
- Химия – 35, 49, 51, 53, 59, 61, 66, 69, 72, 73, 78, 90, 94, 97, 105, 106, 109-111, 113, 115, 118, 126, 156, 158, 166, 174, 177, 178, 187, 189, 197, 206, 212, 218

- Цель – 34, 44, 48, 59-65, 70, 79, 83, 92, 116, 117, 120-122, 127, 130, 138, 144, 168, 178, 202, 208, 210, 216, 224, 229, 232, 233, 236, 237, 239, 241, 248, 254
- Цивилизация – 129, 140, 193, 195, 222, 229
- Человек – 37, 40, 41, 56, 64, 123, 130, 141, 161, 173, 175, 177, 185, 188, 193, 194, 202, 203, 206-209, 213, 214, 216, 217, 222-224, 227-230, 246, 252
- Человечество – 67, 76, 77, 110, 152, 161, 168, 173, 177, 188, 214, 217, 238, 239, 243-245, 249, 253
- Чувства – 40, 41, 43, 75, 97, 102, 103, 112, 130, 148, 151, 162-164, 203, 204, 207, 214, 216, 219, 221, 222, 227, 228, 230
- Школа – 75, 78, 102, 105, 106, 114, 146, 202-204, 206, 210-213, 229, 239, 240, 245, 246, 250, 253, 255
- Эволюция – 73, 76, 82, 83, 88, 91, 93, 107, 111, 114, 129, 131, 143, 147, 151, 165, 168, 172, 176, 183, 184, 186-188, 190, 192, 194, 196, 209, 211, 213-215, 219, 224, 227-230, 232, 244
- Эгоизм – 41
- Эквивалентность – 112, 249
- Экономисты – 77, 78, 119, 130
- Экономия политическая (социальная) – 45, 59, 64, 76, 77, 119, 121, 122, 130, 138, 140, 230, 232
- Эксперимент – 234, 247
- Экспериментация – 49-51, 53, 62, 70, 74, 79, 126, 143, 208, 234, 237
- Элементы – 42, 52, 56, 59, 61, 62, 66, 76, 85, 87, 90, 93, 94, 98, 113, 116, 117, 129, 134, 135, 138, 140, 142, 143, 146, 149, 159, 161, 163, 171, 176, 179, 182, 186-188, 190, 191, 204, 207, 215, 223, 224, 227, 229, 233, 235, 246
- Эмбриогения социальная – 140
- Эмпиризм – 103, 118, 145, 200
- Энергия – 110, 112, 145, 151, 158
- Энциклопедия – 160, 239
- Эпоха – 33, 37, 38, 43, 44, 99, 100, 108, 109, 174, 228, 229, 253, 254
- Эстетика – 131, 168, 206, 217
- Этика – 131, 203, 217
- Этнология – 131
- Этология – 211, 216
- Явления – 34-36, 38-41, 43-45, 47-50, 52-61, 63, 64, 66-70, 73-79, 81-83, 85-90, 92-98, 101, 102, 105, 107, 108, 110, 111, 113-116, 119-122, 124-129, 132-136, 139, 143, 145-157, 159-163, 166, 168-171, 173, 174, 176-179, 181, 184, 187-189, 191-193, 195, 197-200, 202-204, 207-209, 211-213, 218-231, 233-235, 237-239, 241-243, 247, 248, 250-253, 255
- астрономические – 107
 - биологические(жизненные) – 45, 51, 88, 107, 109, 126, 139, 144, 155, 156, 160, 162-165, 169, 174, 182, 183, 187, 190, 197,

- 201, 209, 212, 217, 221, 225,
232, 234, 243
- геологические – 218, 219
- математические – 68
- механические – 174
- общественные (социальные) – 36,
37, 41, 42, 45, 50, 51, 68, 74, 77,
79, 94, 106, 121, 122, 129, 130,
133, 135-141, 155, 159-163,
165, 169, 172, 182-184, 186,
188, 190, 191, 197, 199-201,
212, 219, 221, 222, 225, 226,
230-232, 234, 238, 241, 243
- политические – 95
- психические (психологические) –
75, 90, 107, 126, 162, 177, 187,
188, 190, 201, 202, 205, 210-
217, 219-222, 224, 226-228,
232-235, 243
- психофизические – 177
- социологические – 107, 144, 177,
197, 235
- физические – 45, 51, 65, 156, 160,
174
- химические – 51, 88, 148, 155, 156,
160, 164, 174, 182, 189, 219
- экономические – 231
- Язык – 43, 59, 86, 90, 99-101, 112,
146, 149, 151, 162, 227, 228,
232, 245
- Языкознание – 130

СОДЕРЖАНИЕ

ЕВГЕНИЙ ДЕ РОБЕРТИ И ЕГО ФИЛОСОФСКИЕ НАХОДКИ В СОЦИОЛОГИИ	5
ОСНОВНАЯ ЗАДАЧА И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СОЦИОЛОГИИ	33
ГЛАВА ПЕРВАЯ. ВМЕСТО ВСТУПЛЕНИЯ	33
1. Задача социологии. — Вкравшиеся в постановку вопроса ошибки	33
2. Общие логические и специальные научные методы	34
3. Обилие социологического материала	36
4. Нравственность и право. — Объективные основы их	38
5. Альтруизм как продукт общест венности и	40
6. Причины отсталости социальной науки	42
7. Формула Спенсера и исправление ее	43
ГЛАВА ВТОРАЯ. О МЕТОДЕ В СОЦИОЛОГИИ	47
8. Вопрос о методе. — Наблюдение и логические методы	47
9. Четыре методологические группы наук	48
10. Описание и опыт	50
11. Пределы описательного метода	51
12. Возрастающее значение этого метода по мере перехода от низших наук к высшим	52
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. АБСТРАКТНЫЕ И КОНКРЕТНЫЕ НАУКИ	55
13. Отделы биологии и социологии, обыкновенно считающиеся конкретными	55
14. Низшие и высшие наслоения в науках сложных явлений	57
15. Описание и синтез. — Условия, которым должно удовлетворять синтетическое знание	59
16. Отвлечение и изолирование в науке. — Центр тяжести научного процесса	63
17. Опытная основа математического анализа	67
18. Определения науки абстрактной и науки конкретной	70
19. Социология есть наука описательная и в тоже время абстрактная. — Естественная история и естественная наука об обществе	73
20. Мнения Милля, Спенсера, Бэна, Льюиса, Прудона, Шеффле и др.	75
21. Общее заключение об основной задаче и методологических особенностях социологии	78

МЕСТО СОЦИОЛОГИИ В РЯДУ НАУК.....	81
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. ПОСТАНОВКА ВОПРОСА.....	81
1. Классификация наук по Конту. — Генезис науки по Спенсеру. — Точки зрения эволюции и метода. — Опытная основа закона Конта. — Возрастающая сложность и убывающая общность явлений	81
2. Субъективная и объективная общность	87
3. Эволюция и развитие знания. — Два порядка явлений, управляемые различными законами	88
4. Объяснение закона Конта. — Пример психологии. — Обыденный язык и философская терминология	89
ГЛАВА ПЯТАЯ. ОБЩИЕ ДАННЫЕ О МЕЖДУНАУЧНОЙ КЛАССИФИКАЦИИ СОЦИОЛОГИИ.....	92
5. Точки зрения непрерывности и тождества явлений.....	92
6. Классификация знания и деление науки. — Пример социологии	93
7. Зависимость успехов знания от эволюции наук, научного метода и разделения труда в науке	95
8. Различение общего от абстрактного. — Роды истин в науке. — Категории наук.....	96
9. Софизмы Спенсера. — Мнение Юэлла. — Примеры истин эмпирических, абстрактных и общих	99
10. Реальные и идеальные законы. — Льюис об идеализме в науке	104
11. Позитивизм и философия эволюции. — Философский анахронизм. — Движение и реакция в умах по отношению к социологии	107
12. Механическая и физико-химическая теории. — Генезис и действительность. — Метафизика и наука	111
13. Общее заключение о месте социологии в научной иерархии ..	114
ДЕЛЕНИЕ СОЦИОЛОГИИ	119
ГЛАВА ШЕСТАЯ. ПОСТАНОВКА ВОПРОСА.....	119
1. Трудности задачи. — Определение в науке. — Мнения Милля и Кернса.....	119
2. Цель социологии. — Типы или общие формы ассоциаций. — Деления a priori и a posteriori.....	121
3. Сравнение социологии с другими науками. — Сходства и различия. — Эмпирические условия, объясняющие	

различия в степени делимости, представляемой разными отделами знания. — Низшие и высшие науки	123
4. Разделение труда в группе наук экспериментальных и в группе наук описательных. — Специализация в области естественной истории общества и синоптизм в области естественной науки об обществе.....	125
ГЛАВА СЕДЬМАЯ. ОБЩИЕ ДАННЫЕ О ВНУТРЕННЕЙ КЛАССИФИКАЦИИ СОЦИОЛОГИИ.....	130
5. Хаос в области современного обществознания. — Объяснение с Гарэн де-Витри. — Мнение Конта о преждевременности конкретной науки об обществе	130
6. Характеристическая особенность естественной науки об обществе или общей социологии	135
7. Деление социологии на статику и динамику. — Анатомия, физиология и патология общества.....	136
8. Дальнейшие подразделения общественной статики и динамики	139
9. Изучение органов и отпавлений общественного союза. — История. — Статистика. — Изучение внешних условий ли среды, окружающей общество (социальная мезология)	142
ОТНОШЕНИЯ СОЦИОЛОГИИ К БИОЛОГИИ И ПСИХОЛОГИИ...	145
ГЛАВА ВОСЬМАЯ. ОБ АНАЛОГИИ, КАК МЕТОДЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯВЛЕНИЙ ВООБЩЕ И О Т.-Н. РЕАЛЬНОЙ АНАЛОГИИ В ОСОБЕННОСТИ	145
1. Основа реальной аналогии. — Единство материи и силы. — Объединение науки и расчленение знания	145
2. Понятие об осложнении свойств, как корректив понятий о превращении свойств одно в другое и равнозначности их между собою	146
3. Формула Льюиса. — Свойства, как отношения предметов между собой и предметы, как группы отношений. — Истинное значение унитарных теорий.....	150
4. Движение, как предельное понятие современной науки. — Количественные отношения. — Значение их в научной философии. — Постепенно осложняющаяся квалификация количественных отношений, как основание для классификации отвлеченного знания	152
5. Ближайшее определение реальной аналогии. — Конечные результаты такого способа исследования.....	154

6. Триглавных недостатка этого метода. — Смещение задачи философии с задачами наук. — Формально-логический и даже словесный характер устанавливаемых реальной аналогией отношений сходства и тождества. — Примеры. — Мнение Шеффле. — Смещение явлений или групп частных отношений с наиболее общими отношениями или предельными понятиями ума.....	156
7. Зависимость всякой высшей науки от непосредственно ей предшествующей. — Относительная или условная аналогия. — Ее значение в науке. — Аналогия и дедукция.....	164
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. БИОЛОГИЯ И СОЦИОЛОГИЯ	168
1. Задачи наук неорганического мира и цели наук мира органического. — Отношения зависимости между обеими группами наук. — Индивидуальный и общественный организмы. — Отношение зависимости социологии от биологии. — Взгляды Конга	168
2. Общие соображения по поводу этих взглядов	176
3. Начало опыта и классификация наук по Конту. — Условное значение последней	180
4. Исследование основных условий или факторов, дифференцирующих общественные явления от биологических.....	182
5. Основной факт социологии. — Ассоциация и общественная эволюция. — Дедуктивные объяснения социальных явлений: объяснение биологическое и объяснение психологическое	182
6. Индуктивное или строго социологическое объяснение общественных фактов. — Историческая филиация (преемство поколений) или влияние совокупности прошедшего на настоящее и будущее. — Ближайшее исследование способа этого влияния. — Мнение Литтре	189
7. Роль дедукции в социологии. — Дедукция междунaучная и дедукция в пределах одной и той же научной категории явлений. — Заключение	195
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ. ПСИХОЛОГИЯ И СОЦИОЛОГИЯ	201
1. Основная дилемма.....	201
2. Психология и позитивная школа	202
3. Противодействие позитивному учению. — Критическая школа в Германии. — Последователи Стюарта Милля и Герберга Спенсера в Англии	209

4. Точка зрения оппонентов Конта. — Две гипотезы. — Психические явления, как элемент или фактор и как результат или продукт явлений социальных	212
5. Дальнейшее развитие последней гипотезы. — Психология как конкретная наука	215
6. Возражения — Основной биологический характер психических явлений. — Психическая сторона социальных явлений. — Смешанный био-социологический характер психических явлений	217
7. Проверка этой теории. — Ход исторического развития. — Органический ряд существ. — Несоответствие явлений ассоциации и психических в биологическом порядке и необходимое совпадение их в порядке социальном	224
8. Последствия новой постановки вопроса об отношении социологии к психологии. — Автоморфизм. — Облегчение перехода социологии от метафизического состояния к положительному. — Бэклъ, как представитель переходной эпохи. — Двойственный характер отношений социологии к психологии	228
9. Общие выводы. — Биология, как истинная основа социологии. — Психофизические исследования. — Психологические исследования и новая конкретная наука, основанная на двух абстрактных науках — биологии и социологии. — Методологическая связь между биологией, социологией и психологией	233
ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ. ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ	236
1. Теория абстрактных и конкретных наук. — Наука и метод. — Методологическая группировка наук. — Социология	236
2. Значение классификации наук и место социологии в иерархии знания	238
3. Общие условия разделения научного труда в различных отделах знания. — Особенности социологии в этом отношении	240
4. Тесная связь между биологией, психологией и социологией	242
5. Монистические учения и отношение к ним позитивизма	243
Именной указатель	256
Предметный указатель	258
Содержание	274

Научное издание

Серия «Антология украинской мысли»
Основана в 2007 г.

Евгений де Роберти

Сочинения
в четырех томах

Т. 1

Социология

Технический редактор Е. В. Буданова
Художественный редактор А. Ю. Паламарчук
Компьютерная верстка А. Л. Гринкевич
Корректор М. И. Кащенко
Художник Р. Д. Абдурахманов

Подписано в печать 25.09.2014. Формат 60х84/16.
Бумага офсетная. Печать ризографическая.
Усл. печ. лист. 19,76. Тираж 50 экз. Заказ № 1023.

Издательство Национального педагогического университета им. М. Драгоманова
Издательство Мелитопольского государственного педагогического университета
имени Богдана Хмельницкого
Адрес: 72312, г. Мелитополь, ул. Ленина, 20
Тел.: (0619) 44 04 64

Свидетельство о внесении субъекта издательского дела в Государственный реестр издателей, производителей и распространителей издательской продукции от 16.05.2012 г. серия ДК № 4324

Напечатано ФЛП Однорог Т.В.
72313, г. Мелитополь, ул. Героев Сталинграда, 3а
Тел.: (067) 61 20 700

Свидетельство о внесении субъекта издательского дела в Государственный реестр издателей, производителей и распространителей издательской продукции от 29.01.2013 г. серия ДК № 4477

Антология украинской мысли

Серия, предложенная читателю, включает в себя философские сочинения украинских мыслителей. За время существования самостоятельного украинского государства в обществе еще только пробуждается интерес к отечественной философии, и серия «Антология украинской мысли» будет способствовать его укреплению.

В рамках серии планируется издать наиболее интересные и оригинальные сочинения выдающихся представителей украинской философской мысли, начиная со времени ее становления и завершая современностью. Особое внимание будет, несомненно, уделяться последним трем столетиям.

Планируется издать труды представителей романтизма и Просвещения, а именно Я. Козельского, П. Лодия, Й. Шада и др.

Несомненно, будут издаваться наиболее значимые сочинения профессоров Киевской религиозной школы, таких как П. Авсеньев, С. Гогоцкий, И. Михневич, В. Карпов, П. Кудрявцев, Ор. Новицкий, И. Скворцов и др.

Кроме того, в рамках серии выйдут сочинения представителей университетской философии конца XIX – начала XX вв., соответственно, В. Зеньковского, А. Козлова, Г. Челпанова и др.

**Серия «Антология украинской мысли»
предлагает:**

В серии вышли:

А.Н. Гиляров. Философия в ее существе,
значении и истории.

А.А. Козлов. Свое слово.

П.П. Кудрявцев. Абсолютизм или релятивизм?

П.И. Линицкий. Основные вопросы философии.

Об умозрении и отношении умозрительного
познания к опыту.

Н.Я. Грот. Сочинения.

Готовятся к изданию:

В.В. Лесевич. Сочинения.

И.Г. Михневич. Сочинения.

О.М. Новицкий. Сочинения.

С.С. Гогоцкий. Сочинения.